

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**МЕЖКУЛЬТУРНОЕ
И МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ**

(к 110-летию со дня рождения
С. Б. Бернштейна)

**Материалы
Международной научной конференции**
Москва, 12–14 октября 2021 г.

Москва
2021

УДК 811.16 + 821.16(043.2)
М43

Редакционная коллегия: *Г. П. Пилипенко,*
О. В. Трефилова, Е. С. Узенёва

Ответственный редактор: *Е. С. Узенёва*

Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г. / Институт славяноведения РАН; ред. кол.: Е. С. Узенёва (отв. ред.) [и др]. — М.: [Институт славяноведения РАН], 2021. — 312 с.: ил. DOI: 10.31168/0459-6

Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997) — выдающийся советский и российский славист, автор работ по сравнительной грамматике, истории и диалектологии славянских языков, а также по истории славистики. Являлся одним из основателей Института славяноведения АН СССР и в течение многих лет заведовал в нем сектором славянского языкознания, также был заведующим кафедрой славянской филологии на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В год 110-летия со дня рождения С. Б. Бернштейна Институт славяноведения РАН провел международную научную конференцию, посвященную изучению различных аспектов взаимодействия славянских языков и культур. В докладах участников конференции обсуждались следующие темы: научное наследие С. Б. Бернштейна; славянская диалектология и ареальная лингвистика; болгарская диалектология, лексикология и лексикография; социолингвистические ситуации в зонах языковых и этнических контактов; современные полевые исследования; этнолингвистика и лингвогеография; этимология; история славянских языков; история славяноведения; вопросы истории славянских литератур; современные славянские литературы в свете межкультурных связей (проблемы двудомности, билингвизма, миграции); литературная компаративистика; вопросы теории и истории культуры славян.

ISBN 978-5-7576-0459-6
DOI: 10.31168/0459-6

© Институт славяноведения РАН, 2021
© Коллектив авторов, текст, 2021

**ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
С. Б. БЕРНШТЕЙНА**

С. С. Скорвид (Москва, Россия)

Основы сравнительной грамматики славянских языков в VII томе «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» (1911)

110 лет назад, в год рождения С. Б. Бернштейна, в рамках многотомной «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний», изданной в 1910–1912 гг. в московской типографии И. Д. Сытина по инициативе Харьковского общества распространения в народе грамотности, вышел том VII, посвященный языкознанию и истории литературы (НЭ 1911), в числе создателей которого на титульном листе заявлены — к сожалению, без указания авторства конкретных глав — такие видные лингвисты, как проф. С. М. Кульбакин, приват-доценты Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и М. Р. Фасмер. В обширном разделе «Языкознание» за главами с информацией о генеалогической классификации языков и более подробными сведениями об индоевропейской семье (излагаемыми не только в русле воззрений А. Шлейхера, но и с позиций «теории волн» Й. Шмидта) в этом томе следуют разного объема очерки отдельных славянских языков: болгарского, церковнославянского (в таком порядке¹), сербского, или сербохорватского, словинского, чешского (с упоминанием словацкого «наречия»), польского, кашубского, лужицкого, или серболужицкого, а также, без лингвистических деталей, полабского. Завершает эти очерки глава «Взаимное отношение славянских языков», подводящая к описанию русского языка, под которым в соответствии с официальными рос-

¹ При этом кирилло-мефодиевский язык, характеризуемый как древнеболгарский, или, «точнее — македонское наречие славян болгарских» (НЭ 1911: 115), рассматривается нераздельно с русско-церковнославянским, хотя и отмечаются некоторые исторически обусловленные особенности последнего.

сийскими представлениями того времени подразумеваются также белорусское и малорусское «наречия». Перечисленные очерки, большей частью снабженные комментированными текстами, не просто заслуживают внимания как факт истории славистики (или популяризации славистики) в России, но, думается, представляют актуальный и в наши дни дидактический интерес. В какой-то мере их можно рассматривать как прообраз вышедшего в СССР через 30 лет 1-го тома незавершенного учебника А. М. Селищева «Славянское языкознание», посвященного западнославянским языкам (Селищев 1941), как и опубликованного спустя еще 20 лет фундаментального — и построенного совершенно иначе — труда (Бернштейн 1961).

В описаниях названных славянских языков и комментариях к текстам отмечаются важнейшие межъязыковые соответствия, фонетические (включая графические) и некоторые морфологические. Разумеется, в силу характера издания терминология авторов упрощена, причем инославянские факты обычно преподносятся с точки зрения сходства — или несходства — их с русскими². Встречаются и ошибки: так, о польской графике сообщается, что «смягчение согласных обозначается знаком ' над ними: gośc — госьць» (НЭ 1911: 137), что наводит на мысль о восприятии польского языка автором очерка сквозь призму «кресового» диалекта. В целом, однако, представляется, что обсуждаемые очерки и тексты к ним могут и сейчас служить добротным подспорьем в процессе ознакомления с начатками сравнительной грамматики славянских языков (и правилами взаимного «пересчета» между ними) студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по специальности «славистика».

² Ср.: «Подобно древнеболгарскому, и новоболгарский язык, если взять нетрудный отрывок, понятен, более или менее, русскому и не требует особенных объяснений» (НЭ 1911: 123).

Пример возможного использования комментированного «словинского», т. е. словенского, текста (НЭ 1911: 131–132)³:

Živel je svoje dni kovač¹⁾ Jurij, prav vesel in smešen možiček. Nekega dne stopita²⁾ moža k njemu v kovačnico, oprášena³⁾ in trudna⁴⁾ dolgega potu⁵⁾ ter ga za jedi⁶⁾ poprosita. Bila sta Jezus in sv. Peter. Jurij jima postreže⁷⁾. Pri odhodu veli mu mlajši popotnikov — bil je Jezus — da si voli tri reči, naj si bodo, katere hočejo, pa pristavi da najboljšega ne pozabi. Kovač ju od strani ogleduje: vajina⁸⁾ obleka⁹⁾, si misli, ne kaže da bi obljudo spolniti zamogla ali ne obotavlja se ter urno reče: «Ako tedaj vse voliti smem, kar hočem, volim si možnjico¹⁰⁾ vedno polno dvajseti¹¹⁾».

<...>

Примечания. ¹⁾ ср. *ковать*; ²⁾ *stopita*: двойств. число; наше: *ступить*; ³⁾ *prach* (наше: *порох* и церковное *прах*) — *пыль*; *oprášiti* — *запылить*; ⁴⁾ *trudan* — *усталый*; ⁵⁾ *pot* — *путь*, др.-болг. **пѣть** (с о^н = **ж**); ⁶⁾ *za jedi* — об еде; ⁷⁾ в слове *postrežem* — тот же корень, что и в нашем *стерегу*, но со значением *служить*; ⁸⁾ *vajin* — ихний, когда речь идет о двух лицах, их двоих⁵; ⁹⁾ *oblek* — того же корня, что и наше *облачение*; ¹⁰⁾ ср. наше *мошна*; ¹¹⁾ собственно монет в двадцать (гелеров), на наши деньги — 8 копеек.

К этому тексту, как и к другим, в наши дни можно дать разнообразные задания, в том числе выходящие за рамки авторских комментариев к тому или иному языку. Например: выявить все формы двойственного числа в тексте; определить формы времени и наклонения всех употребленных в нем глаголов; охарактеризовать употребление кратких и полных форм прилагательных; найти встречающийся здесь единственный в словенском синтаксический «балканизм» и продемонстрировать на примере этого отрывка центрально-европейский в целом характер словенского языка.

³ Не вполне точный русский перевод, в котором, например, слово *dvajsetica* передано как «двугривенный», опускаю.

⁴ Ошибка вм. *truden*.

⁵ Ошибка вм. «ваш (вас двоих)».

В методических заметках к программе университетской дисциплины «Сравнительная грамматика славянских языков» С. Б. Бернштейн писал: «За многие годы чтения лекций по сравнительной грамматике славянских языков я неоднократно менял содержание и структуру курса, хотя обычно отдавал предпочтение фонетике. Нередко изложением фонетики и обширного введения я и ограничивался. <...> Я не берусь утверждать, что мной было найдено наиболее удачное решение проблемы содержания и построения курса. Очевидно, что какой-то отбор материала необходимо было произвести, так как изложить всю проблематику данной дисциплины в годичном курсе невозможно. Вероятно, каждый лектор будет решать эту проблему по-своему, опираясь на свой личный опыт исследователя и педагога. Однако представляется, что при современном состоянии сравнительного славянского языкознания чтение сравнительного синтаксиса целесообразно осуществлять не в общем обязательном курсе, а в спецкурсе, так как в данном случае от слушателей требуются более глубокие знания славянских языков — не только теоретические, но и практические» (Бернштейн 1976: 54–55). На современном этапе, когда характер читанной некогда С. Б. Бернштейном дисциплины и ее место в системе университетского славистического образования изменились, полагаю, возможно с опорой на опыт «распространения в народе грамотности» 110-летней давности включить в курс сравнительной грамматики славянских языков (уже давно не годичный) также и элементы сравнительного синтаксиса. С установкой не только на теоретическое, но и на практическое освоение студентами славянских языков для нужд их будущей профессиональной деятельности.

Литература

- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Бернштейн 1976 — *Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. (Программа курса. Комментарии к программе. Метод.

дические заметки) // Вестник Московского университета. Филология. 1976. № 6. С. 45–62.

НЭ 1911 — Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. 7: Языкознание и история литературы. М.: Типография И. Д. Сытина, 1911.

Селищев 1941 — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. 1: Западнo-славянские языки. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941.

**Prolegomena of the Comparative Grammar
of the Slavonic Languages
in the 7th Volume of the “People’s Encyclopedia
of the Scientific and Applied Knowledge” (1911)**

The thesis deals with popular descriptions of several Slavonic languages published in the 7th volume of Russian “People’s Encyclopedia of the Scientific and Applied Knowledge” 110 years ago. The author states that those descriptions supplemented by seven commented texts may be regarded as some prototype of the later, however unfinished, manual of Slavonic linguistics by A. M. Seliščev and finally of the fundamental, although quite differently built Outline of the Comparative Grammar of the Slavonic Languages by Samuil B. Bernstein. Their relative simplicity enables using them, including the texts which only sometimes require some revision, in teaching of the Comparative Slavonic Linguistics also nowadays.

DOI: 10.31168/0459-6.02

К. Симеонова (София, България)

**Самуил Борисович Бернщейн
и неговият «Учебник болгарского языка»**

Самуил Борисович Бернщейн е един от най-крупните учени слависти на ХХ в. и неговите заслуги за развитието на славистиката са огромни. Диапазонът на научните му инте-

реси е много широк — история на славистиката, сравнителна граматика на славянските езици, балканистика, диалектология и др. Бернщейн има траен интерес към българския език и българистиката е една от основните негови сфери на дейност. На първо място това важи за българската диалектология. Под негово ръководство са проучени редица български говори на територията на бившия Съветски съюз и е събрано огромно количество диалектен материал, публикуван и анализиран в няколко тома на «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», както и в «Атлас болгарских говоров в СССР», в първи том на «Болгарский лингвистический атлас» и в други негови разработки.

Тук обаче искам да насоча вашето внимание към един труд на Бернщейн, който по-рядко се споменава, но който според мен не е загубил своята стойност, значимост и актуалност и до днес. Става дума за неговият «Учебник болгарского языка», издаден в Москва през 1948 г. Това е първият в тогавашния Съветски съюз учебник по български език, базиран на учебната програма за студенти от МГУ, съставена също от Бернщейн. Този труд съчетава в себе си преподавателския опит на автора с блестящите му познания не само по български език, но и по българска литература.

Учебникът се състои от предисловие, въведение, фонетика, основен курс, граматика, материали за четене и българоруски речник. В предисловието се обяснява назрялата необходимост в Русия от такова пособие: «Потребность в руководстве по практическому изучению болгарского языка в настоящее время чрезвычайно велика. Удовлетворить ее, однако, до сих пор было нечем, так как немногочисленные пособия на русском языке вышли в свет еще в дореволюционное время и ныне представляют библиографическую редкость» (Бернщейн 1948: 7).

Във въведението се дават кратки сведения за българския език, за неговото разпространение, за граматичните му особености и пр., като в самото начало авторът подчертава

факта, че територията на разпространение на българския език не съвпада с политическите граници на България. При разглеждането на граматичните особености са изброени тези черти на българския език, които го отличават и отделят от останалите славянски езици и го доближават до балканските. На първо място се споменава разрушаването на падежната система и изразяването на падежните отношения с помощта на предлози. Тази основна аналитична характеристика на българския език предизвиква сериозни структурни изменения в него. Също така във въведението е поместен и кратък очерк за историята на българския език, написан с изключителна вещина и много познания за различните периоди. Авторът тръгва от времето на Кирил и Методий, минава през езиковата реформа на патриарх Евтимий, през вековете на робството, през дамаскините, през различните гледни точки относно устройството на новобългарския книжовен език и стига до съвременното му състояние. Така читателят получава една много широка и точно поднесена представа за многовековното развитие на българския език. Във въведението Бернщейн накратко се спира и на българската графика и правопис, като по-подробно обяснява правописната реформа от 1945 г.

В главата «Фонетика» кратко и ясно са разгледани видовете гласни и съгласни звукове, тяхната съчетаемост, както и някои явления, протичащи с тях.

Същинската част на учебника са главите «Основен курс» и «Грамматика». От начина, по който са написани, читателят разбира, че Бернщейн притежава не само блестящи научни познания за българския език, но и блестящ педагогически и преподавателски опит. Прави впечатление грижата на автора за своите студенти, неговият стремеж максимално ясно да им поднесе сложната граматична проблематика и да улесни практическото запомняне на материала. Методът на изложение е описателен, но на някои места, където това

е необходимо за по-пълното изясняване на дадени факти, са правени съпоставки с по-стари състояния от развоя на българския език. Към всеки урок има граматически пояснения, в които се дава кратко изложение на правилата, съставляващи основната тема на съответния урок. Често граматичният материал се представя с по-тъмен шрифт или в таблици, което улеснява запомнянето. Към някои уроци е даден и кратък българо-руски речник. Такива речници обаче има не навсякъде. Общ и по-подробен българо-руски речник е поместен в края на учебника.

Достойнство на учебника е и това, че в главата «Грамматика» след уроците за различните части на речта авторът се спира и на лексическия състав на българския език, както и на някои от най-важните постижения на българската лексикография до този момент. Лексическият състав е разгледан накратко откъм неговия произход по линията *домашна лексика* — *заета лексика*. Естествено е, че най-много са тези думи, които принадлежат към славянския езиков фонд. Самуил Борисович пише: «При первом же ознакомлении с болгарским языком ясно, что в лексическом отношении он является языком славянским. Огромное большинство его слов встречается и в других славянских языках, в большинстве случаев в том же значении (срв. *вода, поле, море, нос и др.*). Все эти слова не заимствованные. Они отражают общность происхождения всех славян. Таких слов много в различных областях материальной и духовной культуры... Бывают расхождения в значении одних и тех же слов. Так, слово *гора* в болгарском значит *лес*, а для *горы* есть слово *планина*; слово *стол* значит *стул*, а для *стола* есть слово *маса*» (Бернштейн 1948: 128). Интересното е, че при заемките от руски език авторът се спира и на такива, които са най-нови в тогавашния български език и отразяват актуални за тогавашното българско общество понятия, свързани със социалистическото строителство, с колективизацията на селското стопанство,

с марксистко-ленинската идеология и пр. Напр. *колхоз*, *совхоз*, *петиетка*, *комсомол*, *комсомолец* и др. Естествено е, че такива думи ще проникнат в българския език от руския като език на СССР — първата в света социалистическа държава. Днес голяма част от тази лексика е излязла от активна употреба поради отмиране и деактуализация на понятията, които тя означава.

Много ценна черта на учебника е и това, че към някои уроци има текстове от български писатели, които текстове са вътре в уроците, отделно от хрестоматията накрая. Например към дванадесети урок — «Край нивата» от Елин Пелин, към петнадесети урок — «Хаджи Димитър» от Христо Ботев, към седемнадесети урок — «Да работим» от Иван Вазов и др. Същинската хрестоматия е озаглавена «Материалы для чтения» и е поместена в края на учебника непосредствено преди българо-руския речник. Тя включва произведения от Хр. Ботев, Л. Каравелов, Ив. Вазов, П. Яворов, Й. Йовков, Хр. Смирненски, Г. Караславов и др. Интересно е, че тук се представят и биографиите на писателите, техни снимки, снимки от български градове, снимки на стари български къщи, на български народни носии и пр. Така авторът дава на своите читатели една по-цялостна представа за България, за българския бит и начин на живот.

В заключение ще кажем, че «Учебник болгарского языка» от С. Б. Бернщейн е много повече от обикновен университетски учебник, независимо от това, че е замислен точно като такъв. Той не само че със задоволителна пълнота представя и обяснява българската граматика, но и дава сведения за историята на българския език, за българската литература, за българския бит и живот и пр. Бернщейн успява да създаде един труд, който едновременно и отразява високото научно равнище на тогавашното руско езиковедство, и е написан по начин, достъпен за студенти и за по-широк кръг читатели. Така авторът доказва, че и за най-сложната науч-

на материя може да се пише ясно, точно и разбираемо. Това говори за неговата убеденост, че научното знание трябва да бъде достъпно и полезно за обществото. Само по този начин науката може да осъществи своята важна мисия в съвременния свят.

Литература

Бернштейн 1948 — *Бернштейн С. Б.* Учебник болгарского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948.

Samuil Borisovich Bernstein and his “Textbook of the Bulgarian Language”

This report examines Bernstein’s work, The Bulgarian Language Textbook. There are many merits of this textbook, relevant to this day, especially the accurate structuring of the material and a clear presentation of Bulgarian grammar, as well as giving a lot of additional knowledge about the history of the Bulgarian language, Bulgarian literature and more.

DOI: 10.31168/0459-6.03

В. Г. Кульпина (Москва, Россия)

Из полонистического наследия Самуила Борисовича Бернштейна на страницах ежегодника «Вопросы полонистики»

Хотя Самуила Борисовича Бернштейна я знаю и помню с 1-го курса учебы на кафедре славянской филологии (он вел у нас «Введение в славянскую филологию»), в то же время немалый прочный пласт воспоминаний относится к 1996 году, когда я задумала издавать научный отраслевой журнал

«Вопросы полонистики» — теоретический и в то же время дидактический. У меня не было тяжких раздумий, кого пригласить в первый выпуск ежегодника. Конечно, передо мной сразу всплыла импозантная фигура нашего мэтра — Самуила Борисовича Бернштейна, который еще на первом курсе МГУ произвел на меня неизгладимое впечатление своей ученостью и всем своим обликом истинного ученого. К тому же, как я знала, Самуил Борисович получил полноценное образование в области полонистики (болгарский язык и болгаристику он освоил и полюбил уже потом).

По случаю написания Самуилом Борисовичем статьи для ежегодника мне и довелось с ним встречаться. Весь выпуск был посвящен ему, его 85-летию. Это было за год до его кончины. Более всего Самуила Борисовича интересовало решение научной проблемы, которой он тогда занимался. Его огромная библиотека была в полном порядке, он в любой момент мог извлечь из любого ее угла нужное ему издание. Он подарил мне тематическую подборку авторефератов, переплетенных в одну книжечку, которые мне тогда оченьгодились для работы. Ум у него был исключительно систематически устроен, впрочем, в противном случае он не смог бы написать свой «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (Бернштейн 1961), «Сравнительную грамматику славянских языков: Чередования. Именное склонение» (Бернштейн 1974) и другие свои эпохальные труды. До сих пор наряду с уважением я испытываю перед этим произведением подобие страха после вступительных экзаменов в аспирантуру, на которых нужно было обнаружить полное и детальное знание этого труда. Всё лето перед поступлением в аспирантуру я провела за старательными штудиями. Чтобы лучше запомнить, я этот труд конспектировала и конспектировала и в конечном счете усвоила материал до такой степени, что могла во время экзаменов в аспирантуру помогать другим поступающим.

Статья, предоставленная мне Самуилом Борисовичем, называлась «К вопросу о диалектной основе польского литературного языка» (Бернштейн 1996: 7–17). Она имеет, на мой взгляд, непреходящую социолингвистическую и социоисторическую ценность. Данной публикацией мне хотелось бы вернуть эту статью в русло научной жизни, научной общественности по прошествии 25 лет. Статья демонстрирует глубокое знание Самуилом Борисовичем проблем полонистики, и в частности проблем формирования польского литературного языка. В ней обсуждается в том числе факт отсутствия в польском литературном языке мазурения. В статье дан полный обзор мнений и трудов языковедов по проблеме формирования польского литературного языка начиная с 1900 г. (статьи Станислава Добжицкого «O tak zwanym mazurowaniu w języku polskim» в академическом издании «Rozprawy»). В статье фигурируют имена таких известных полонистов, как К. Нич, А. Брюкнер, Т. Лер-Сплавинский, Я. Лось, Ст. Шобер, В. Ташицкий и др. С. Б. Бернштейн подчеркивает, что дискуссия, разгоревшаяся по поводу диалектной основы польского языка, не замыкалась научными изданиями, но даже заполняла страницы газет, что свидетельствует о большом общественном резонансе проблематики формирования польского литературного языка. Примечательно, что С. Б. Бернштейн приводит не только библиографию трудов, посвященных данным вопросам, но и даже точные даты выхода ежедневных газетных изданий («Kurier Poznański» и «Czas») со статьями корифеев — языковеда Тадеуша Лер-Сплавинского и историка Яна Домбровского. Приводятся и зарубежные издания, в которых обсуждается данная проблематика.

С. Б. Бернштейн указывает на трудности с установлением диалектной основы литературного языка. В дискуссию вовлечены полонисты, но не только, в ней участвуют и специалисты, занимающиеся другими языками. С. Б. Бернштейн

сопоставляет по степени сложности проблемы установления диалектной основы болгарского языка с проблемами установления таковой польского языка. Приводя научные факты и высказывания ученых, С. Б. Бернштейн приходит к выводу, что многие факты истории польского языка связаны с его социальным распространением и требуют социологического взгляда, в том числе обсуждения с позиций социальной диалектологии.

Литература

- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Бернштейн 1974 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974.
- Бернштейн 1996 — *Бернштейн С. Б.* К вопросу о диалектной основе польского литературного языка // Вопросы полонистики: Международный научно-методический журнал по проблемам польского языка и литературы / под ред. В. Г. Кульпиной. М.: Московский Лицей, 1996. Т. 1. С. 7–17.

Heritage of Samuil Borisovich Bernstein in the Area of Polish Studies on the Pages of Periodical “Issues in Polonistics”

The paper concerns the person and the works of Samuil Borisovich Bernstein in the context of his education in the area of Polish studies and pedagogical work. There is presented his article devoted to dialectic background of Polish literary language and achievement of Polish and other scientists in this area. S. Bernstein proposes the sociological view to the problems of generation of Polish literary language.

Л. Б. Карпенко (Самара, Россия)

Возрождение отечественной славистики: к 110-летию профессора С. Б. Бернштейна

В истории науки есть знаковые фигуры, определяющие направления, проблематику, выработку исследовательских подходов. Безусловно, для отечественной славистики такой личностью в середине XX в. явился профессор Самуил Борисович Бернштейн, который стал научным организатором возрождения всей славистической отрасли. Советскому славяноведению чрезвычайно повезло, когда, не имея шансов в связи с пролетарской политикой поступить на философское отделение МГУ, Самуил Бернштейн пришел в славистику. В своих мемуарах «Зигзаги памяти» Бернштейн вспоминает 20-е годы, когда он прибыл в Москву из далекого Никольск-Уссурийска завоевывать философское отделение Первого Московского университета. Тогда по политическим мотивам двери высших учебных заведений для детей из среды интеллигенции фактически были закрыты. Несмотря на блестяще сданные вступительные экзамены, Бернштейн не был зачислен на желанный философский профиль, а поступил на этнографическое отделение, на котором и получил основательную подготовку по славяноведению. Уже спустя 15 лет после поступления в МГУ, в августе 1943 г., он был назначен заместителем заведующего кафедрой славянской филологии, которой посвятил себя целиком, «отдал все свои силы, все свои интеллектуальные возможности». Вызывает удивление невероятная энергия, целеустремленность, работоспособность ученого. Страницы дневника осени–зимы военного 1943 г. раскрывают масштаб деятельности С. Б. Бернштейна: он одновременно занимается организацией славянского отделения МГУ (необходимость создания которого

руководством страны была осознана уже в первые годы войны), подготовкой кадров, чтением лекционных курсов и докладов, организацией аспирантуры, изучением славянских диалектов, редактированием и изданием русско-болгарского словаря, составлением библиографии по болгарской диалектологии, написанием серии статей для Большой советской энциклопедии по славянским языкам и литературам, начинает работу над сравнительной грамматикой славянских языков и над грамматическим очерком болгарского языка... С не меньшей интенсивностью С. Б. Бернштейн работает и в последующие годы, связанные с защитой докторской диссертации, организацией сектора в Институте славяноведения и балканистики. Значительным вкладом в разработку славянской исторической диалектологии, начатой трудами академиков А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, стало докторское диссертационное исследование С. Б. Бернштейна на тему «Язык валашских грамот XIV–XV ст.», защищенное в Институте языкознания АН СССР в 1946 г. В 1958 г. последовало издание «Атласа болгарских говоров». В 1951 г. С. Б. Бернштейн возглавил сектор славянского языкознания, который был к этому моменту выделен в Институте славяноведения и балканистики.

Без преувеличения можно сказать, что работа по возрождению отечественной славистики была развернута во всех направлениях. В научном наследии ученого есть и ряд исследований по кирилло-мефодиевской проблематике, в частности опубликованная в 1984 г. монография «Константин-Философ и Мефодий», содержащая основательный анализ агиографических источников о жизни и деятельности создателей славянской письменности. С. Б. Бернштейн не только сформировал структурные отделения славистики МГУ и Института славяноведения, но заложил основы системного и точного подхода в научных исследованиях. Обдумывая концепцию сравнительной грамматики славянских языков, он писал:

«Должна быть тщательно обработана праславянская часть и история отдельных общеславянских явлений в основных славянских языках» (Бернштейн 2002: 31), стремился реализовать комплексный диахронный подход. Такое видение будущего труда по компаративистике возникло у него после чтения доклада Н. Н. Дурново и ряда работ Р. О. Якобсона, творчески соединивших синхронию и диахронию. Когда в 1961 г. вышел из печати первый том «Очерка сравнительной грамматики славянских языков», ученики С. Б. Бернштейна увидели в нем отражение лекций, которые читались ученым на филологическом факультете МГУ. И изданные тома сравнительной грамматики, и стоящие за ними лекционные университетские курсы служат свидетельством высочайшего класса научной и преподавательской деятельности С. Б. Бернштейна. Соратники ученого не раз отмечали, что жизненный путь С. Б. Бернштейна — это пример преданного служения призванию и делу, найденному еще в молодые годы. Необходимо упомянуть и такую важную черту ученого, как открытость идеям, новым гипотезам и концепциям. Трудом учеников С. Б. Бернштейна, воспитанных им подвижников продолжается развитие отечественной славистики и сегодня.

Литература

Бернштейн 2002 — *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2002.

The revival of Russian Slavic Studies: to the 110th Anniversary of Professor S. Bernstein

The report traces the role of the outstanding Soviet slavist, professor S. Bernstein in the revival of Russian Slavic studies in the second half of the XX century. The author relies on the memoirs of

scientists of the Institute of Slavic Studies and Moscow University and on the materials of the book of memoirs of S. Bernstein “Zigzags of Memory” (2002). The name “Zigzags of memory” correlates not only with the memories of the scientist, but also with the zigzags of the history of Russian Slavic science. The author traces the path of Slavic science in the Soviet period, which was thorny due to the well-known persecution of slavistics in the 20–30 years of the XX century. In the middle of the XX century, prof. S. B. Bernstein became the organizer of the revival of the entire Slavic branch. The role of the scientist in the organization of the Slavic department of Moscow State University and the training of slavists, in the work of the Institute of Slavic Studies, in the development of a number of significant science areas is shown: slavic dialectology and linguo-geography, comparative historical grammar of slavic languages, ethnolinguistics and slavic antiquities, Cyril and Methodius problems, etc.

DOI: 10.31168/0459-6.05

М. А. Штудинер (Москва, Россия)

Типологическая классификация фонетических систем славянских языков

Самуил Борисович Бернштейн строго разграничивал праславянские и общеславянские процессы. Праславянские — это фонетические процессы, происходившие в праславянском языке, а общеславянские — это процессы, имевшие место в славянских языках уже в период их раздельного существования, но обусловленные, вызванные к жизни родством, общностью происхождения этих языков (Бернштейн 1961: 43).

Типологические особенности фонетических систем славянских языков рассматриваются в докладе сквозь призму одного из общеславянских явлений — рефлексацию долгих

согласных звуков, возникших в славянских консонантных системах в результате взаимной адаптации согласных в сочетаниях, которые появились после утраты сверхкратких гласных в слабой позиции.

Долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурация артикуляционных органов, т. е. дольше, чем обычно сохраняется затвор или щель.

Долгие согласные возникали: а) из сочетаний исконно одинаковых согласных звуков; б) из сочетаний согласных, первоначально отличавшихся друг от друга глухостью / звонкостью или твердостью / мягкостью; в) из сочетаний зубного ффрикативного согласного с последующим переднеязычным ффрикативным; г) из сочетаний зубного смычного согласного с последующей аффрикатой; д) из сочетаний зубного смычного согласного с последующим зубным или переднеязычным ффрикативным; е) из сочетаний согласного с *j*.

Эти процессы имели место в различных славянских языках в разное время (в зависимости от хронологии утраты сверхкратких гласных и ассимиляции согласных по глухости / звонкости). В каждом языке преобразование указанных сочетаний в долгие согласные осуществлялось в несколько этапов: раньше возникали долгие согласные из тех сочетаний, элементы которых были между собой наиболее близкими в артикуляционном отношении, т. е. прежде всего преобразованию подвергались сочетания идентичных согласных. Вероятно, длительное время после утраты сверхкратких гласных во всех славянских языках наблюдалась ситуация, подобная той, которая характерна для современного украинского языка: в большинстве украинских говоров и в литературном языке на месте сочетаний исконно одинаковых согласных звуков выступают долгие согласные, сочетания же звонкого и глухого согласных сохра-

няются (например: *беззахисний* [бе^нз:ахисний] и *безсилля* [бе^нзил':а]. После завершения процесса ассимиляции по глухости / звонкости число долгих согласных в славянских языках значительно увеличилось. Однако в дальнейшем судьба долгих согласных была различной в отдельных славянских языках.

Сопоставление гомогенных звуковых элементов близкородственных языков является типологической задачей, поскольку может позволить выявить некоторые типологические характеристики фонетических систем славянских языков и на этой основе осуществить их классификацию.

Внутри слова в позиции перед согласным на стыке корневой и суффиксальной морфем долгие согласные подверглись сокращению во всех славянских языках. На стыке приставки и корня в позиции перед согласным долгие согласные сохраняются в польском и русском языках, хотя в разговорном стиле произношения и в этих языках заметна тенденция к их сокращению в данной позиции. В интервокальной позиции в этих языках выступают долгие согласные: [d:] — *oddać, омдамь*; [t:] — *odtąd, оммуда*; [z:] — *bezzębny, беззубый*; [s:] — *rozsychać się, рассыпать* и т. д.

Обратим внимание на то, что и в польском, и в русском языках есть два типа долгих аффрикат.

Аффрикаты с долгим затвором возникли из сочетаний зубного смычного согласного с последующей аффрикацией. Этот тип долгих аффрикат в польском и русском языках представлен в интервокальной позиции на стыке префиксальной и корневой морфем, например: [с:] — *odcedzić, омцедить*; [č:] — *podczas*; [ć:] — *подчас*, а также на стыке корневой и суффиксальной морфем, например: [с:] — *doradca, братцы*; [č:] — *doświadcząć*; [ć:] — *лѣтчик*. В позиции после согласного перед гласным долгая смычка подверглась сокращению: [rc] — *сердце*, [sc] — *истца*. В разговорном стиле в слове *отцвести* (т. е. в позиции перед согласным)

также может выступать аффриката нормальной длительности: [c] — *отцвести*.

Из сочетаний зубного смычного согласного с последующим зубным или передненёбным фрикативным в результате ассимиляции по способу (в сочетаниях с передненёбным фрикативным согласным) и по месту образования возник иной тип долгих аффрикат — аффрикаты с продленным фрикативным элементом. В современном русском языке этот тип долгих аффрикат выступает на стыке морфем в интервокальной позиции, например: [zʒ] — *отзыв*, [cʰs] — *подсудимый*, [zʒʲ] — *подземный*, [cʰsʲ] — *отсекать*, [cʰsʲʲ] — *позаботься*, [ʒʒ] — *отжать*, [čʰš] — *подшивка*, [čʰšʲ] — *младший*, [čʰšʲʲ] — *отцепить*, а также внутри морфемы, например: [čʰšʲ] — *тщательно*, [čʰšʲʲ] — *тщетный*.

О правомерности выделения аффрикат с долгой фрикативной частью как целостных согласных звуков может свидетельствовать тот факт, что в тех славянских языках, в которых долгие согласные не сохраняются, сокращению подверглись и аффрикаты с продленным фрикативным элементом. Например, в чешских словах *podzemní, předseda, nadživotní, kratší, podšívka* в соответствии с орфографическими сочетаниями *dz, ds, dž, tš* и *dš* произносятся аффрикаты нормальной длительности.

Представление о целостной, единой артикуляции фонетических сегментов, которым на письме соответствуют последовательности букв *tc* и *tu*, вполне согласуется с экспериментальными данными о взаимовлиянии согласных в сочетаниях «глухой смычный + фрикативный»: в данных фонетических сегментах «часто происходит смешение характерных признаков»: шум щелевого возникает одновременно со взрывом смычного (Вербицкая, Зиндер 1969: 46).

В сербском, словацком и чешском языках долгие согласные внутри фонетического слова утратились во всех комбинаторных позициях, на стыке самостоятельных слов они

сохраняются лишь в интервокальной позиции в кодифицированном стиле произношения литературных языков.

В польском, русском, белорусском и украинском языках долгие согласные перед гласным (после гласного и в начале высказывания) последовательно сохраняются как внутри слова, так и на стыке слов.

В болгарском языке действует тенденция к сокращению долгих согласных в пределах фонетического слова, которая ярко проявляется в разговорном стиле произношения литературного языка и в диалектной речи, причем в западных болгарских говорах эта тенденция выражена ярче, чем в восточных. На стыке самостоятельных слов долгие согласные в болгарском языке подвергаются упрощению в значительно меньшей степени (Studiener 1976: 729).

Таким образом, сербский, словацкий и чешский языки, с одной стороны, и польский, русский, белорусский и украинский, с другой, в отношении судьбы долгих согласных представляют два полюса. Болгарский язык занимает промежуточное положение.

Данная группировка славянских языков определенным образом соотносится с их классификацией, предложенной А. В. Исаченко (Исаченко 1963: 106–121). В соответствии с типологическим критерием, учитывающим численность консонантного и вокалического инвентарей, сербский, словацкий и чешский языки принадлежат к вокалическому типу, а польский, русский, белорусский и украинский — к консонантному. Болгарский язык тяготеет к последнему типу.

Развитие того или иного славянского языка как консонантного или вокалического было предопределено «вторичным» смягчением согласных, т. е. еще до утраты сверхкратких гласных. После утраты сверхкратких гласных в результате обусловленного рядом фонетических процессов увеличения числа долгих гласных на всей славянской язы-

ковой территории в системах вокализма сформировалась категория количества. В тех славянских языках, в которых последовательно прошел процесс смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда и в связи с этим после возникновения непозиционной мягкости могла сформироваться категория твердости / мягкости с большим числом соотносительных пар, долгие гласные подверглись сокращению, т. е. категория количества оказалась избыточной. В языках же с ущербной категорией твердости / мягкости противопоставление долгих и кратких гласных сохранилось. Фонетические системы этих языков обладали достаточными дистинктивными возможностями, для того чтобы допустить утрату долгих согласных звуков, представлявших собой бифонемные сочетания. В вокалических языках оказались избыточными и другие консонантные комплексы: сербский язык, принадлежащий к крайнему для славянского языкового континуума типу вокалических языков, на фоне других славянских языков выступает и как язык с минимально развитой системой начальных и конечных сочетаний согласных (Толстая 1972: 12).

Литература

- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Ч. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Вербицкая, Зиндер 1969 — *Вербицкая Л. А., Зиндер Л. П.* К вопросу о сочетаниях согласных в русской речи // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1969. № 3. С. 43–54.
- Исаченко 1963 — *Исаченко А. В.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 106–121.
- Толстая 1972 — *Толстая С. М.* Начальные и конечные сочетания согласных в сербохорватском языке // Исследования по сербохорватскому языку / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; [отв. ред. Р. В. Булатова]. М.: Наука, 1972. С. 3–37.
- Studiener 1976 — *Studiener M. A.* Lange Konsonanten in der bulgarischen Sprache der Gegenwart // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 21, Hf. 6. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. S. 725–729.

Typological Classification of Slavic Languages Phonetic Systems

Typological features of Slavic languages phonetic systems are construed in the report in terms of one of Common Slavic processes — reflexivity of long consonant sounds that appeared in Slavic consonant systems as a result of mutual adaptation of consonants in combinations that appeared after the disappearance of ultrashort vowels in weak position.

**ГРАММАТИКА
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

К. В. Лифанов (Москва, Россия)

Дивергенция словацкого и чешского литературных языков в XX в. на грамматическом уровне (на примере числительных)

Классическая контактная лингвистика вслед за У. Вайнрайхом (Вайнрайх 1979) исходит из того, что в результате языкового контакта возникают разного рода интерференции языковых элементов, которые либо реализуются в речи индивидов, либо вследствие их повтора становятся явлениями языка. Считается, что последствием языкового контакта является конвергенция языков. В связи с этим именно конвергентные процессы находятся в центре внимания лингвистов, изучающих контактные явления в чешском и словацком языках.

Соотношение конвергенции и дивергенции, однако, является более сложным. Как отмечал Е. Д. Поливанов, «чрезвычайно частым (и, так сказать, типичным для историй всех языков) явлением оказывается одновременность и взаимная обусловленность конвергенции и дивергенции, причем дивергенция может рассматриваться как обратная сторона (изнанка) конвергенционного процесса, и обратно» (Поливанов 1968: 111). Изучение взаимодействия словацкого и чешского литературных языков в XX в. наглядно демонстрирует, что в условиях интенсивного языкового контакта при доминирующем воздействии чешского языка на словацкий в последнем происходят очевидные дивергентные процессы. При этом они реализуются на разных языковых уровнях. В данной статье рассмотрим изменения дивергентного характера в словацком литературном языке, затронувшие грамматические свойства числительных.

В качестве исходной точки в развитии грамматических свойств числительных в XX в. нами принимается состояние,

зафиксированное главным образом в газете «Католицке Новины» за 1889–1890 гг. (*Katolícké Noviny* 1889–1890).

Одним из наиболее существенных процессов модификации грамматических свойств числительных в XX в. стало изменение соотношения словообразовательных моделей сложных / составных числительных, которые могут образовываться двумя способами, когда единицы предшествуют десяткам или следуют за ними. Первая модель (типа *jedenadvacet*) является основной в чешском литературном языке, тогда как вторая (*dvacet jeden*) употребляется в нем «при диктовке цифр, в арифметике и вообще в специальном языке» (Šmilauer 1972: 197). В словацком литературном языке первоначально обе модели (*jedenadvadsať* и *dvadsaťjeden*) употреблялись в равной степени, однако с течением времени происходит изменение их статуса, и уже в «Кратком словаре словацкого языка» 1987 г. отмечается, что первая модель стала разговорной и устаревает¹ (Krátky 1987: 283).

В первой половине XX в. происходит сращение составных числительных, состоявших из десятков и единиц, которые стали восприниматься как одно слово. Последствием этого стало изменение синтаксической связи составных числительных с компонентами *dva*, *tri*, *štyri*. Еще в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. указанные числительные, как и в чешском литературном языке, соединялись с формами существительных в именительном падеже множественного числа. Ср. примеры:

(a) Dľa najnovšieho sčítania obýva Európu viac než 100 miliónov Slavianov, asiце: *53 milliony* Rusov; 15 millionov Rusínov; 13 ½ milióna Poliakov... Spolu blízko *102 milliony* (*Katolícké Noviny* 1890: 54);

(b) Martin Bartoš dostal *64 palice*, Juro Junáček 50 palíc, Pavel Rus 40 a Štefan Vrabec, ktorý pre svoj vysoký vek nebol by viacej vydržal, *24 palice* (Škultéty 1920: 20).

¹ См. пометы у числительного *päťadvadsať*.

Позже выделенные курсивом формы им. и вин. падежей мн. числа были вытеснены соответствующими формами родительного падежа множественного числа: *53 miliónov*, *102 miliónov*, *64 palíc*, *24 palíc*.

Этот процесс сопровождался утратой категории рода компонентов *jeden* и *dva* составных числительных. Так, в «Правилах словацкого правописания» 1931 г. допускаются дублетные образования с различием рода и без него: *dvacať jeden človek*, *dvacať jedna žena*, *dvacať jedno dieťa*; *dvaciatí dvaja ľudia*, *dvacať dve ženy*, *dvacať dve mestá* — *dvacať jeden ľudí*, *žien*, *detí*; *dvacať dva ľudí*, *stromov*, *žien*, *detí* (Pravidlá 1931: 64). В правилах же правописания 1940 г. кодифицируются уже только числительные, управляющие формами род. падежа мн. числа существительных, однако родовые характеристики при этом сохраняются: *dvadsaťjeden vojakov*, *dvadsaťjedna žien*, *dvadsaťjedno detí*, *dvadsaťdva vojakov*, *dvadsaťdve žien*, *dvadsaťdve miest* (Pravidlá 1940: 100). И только в кодификации 1954 г. составные числительные приобретают современные формы: *dvadsaťjeden vojakov*, *žien*, *detí*, *dvadsaťdva vojakov*, *žien*, *miest* (Pravidlá 1954: 88).

Также в XX в. произошла дифференциация форм собирательных и видовых числительных. В конце XIX — начале XX в. с формальной точки зрения числительные *dvoje*, *troje*, *oboje*, как и в чешском литературном языке, могли выступать в функции как собирательных, так и видовых числительных. Кроме того, названные числительные еще со времен кодификации Л. Штура склонялись (Štúr 1957: 221–222), хотя и несколько иначе, чем в конце XIX в.

Очевидное видовое значение интересующих нас числительных выявляется, например, в следующих случаях:

(a) *Cirkev vynáša neomylné rozhodnutia dvojím spôsobom: lebo skrze všeobecný (!) snem alebo skrze pápeža* (Svätá Rodina 1915: 18);

(b) *Od 1835-ho vychodily slovenčiace almanachy Zory, spojovavšie spisovateľov obojeho vierovyznania...* (Škultéty 1920: 94).

В современном словацком литературном языке, в отличие от чешского, приведенные формы сохранились только в функции собирательных, и процесс исчезновения у них видового значения осуществился в первой половине XX в. Кроме того, они полностью утратили склонение. В им. и вин. падежах собирательные числительные *oboje*, *dvoje*, *troje* изменили синтаксические свойства: до самого последнего времени они имели дублетные формы, так как могли употребляться с им. падежом мн. числа (*dvoje noviny*) аналогично чешскому языку или с род. (*dvoje novín*), однако в последней редакции «Правил словацкого правописания» первый вариант был исключен из словацкого литературного языка (Pravidlá 2013). Видовыми же в словацком литературном языке в настоящее время являются числительные с суффиксом *ak(ý)* (*dvojaký*, *obojaký* и т. д.)².

Иные видовые адъективные числительные также претерпели изменения, поскольку некоторые из них, образованные по той же модели, что и в чешском языке, стали образовываться иначе. Ср. примеры:

(a) V našich boľastach, mukách si nás prevýšila, premohúc boľasti *sedmorého* (чеш. *sedmerý*; совр. словацк. *sedmoraký*) meča (Svätá Rodina 1915: 238);

(b) *Storá* (чеш. *sterý*; совр. словацк. *storaký*) zkusenosť nás učí, že nemocní bývajú v mnohom ohľade ako deti, a to je pravda (Gierlová 1910: 326).

В словацком литературном языке с конца XIX до 40-х гг. XX в. претерпели изменения сложные существительные, прилагательные и наречия, в состав которых входили числительные. У этих прилагательных компоненты *oba*, *dva*, *tri*, *štyri*, как и в чешском языке, первоначально имели форму родительного падежа, которая впоследствии была заменена

² В чешском языке наряду с указанными именными формами представлены также адъективные видовые числительные *dvojí*, *trojí* и т. д., отсутствующие в словацком языке.

на основой соответствующих собирательных числительных. Ср. примеры:

(a) ...krstné svedectvo (bizonylat) dľa predpisu... na všetky duchovné i svetské vrchnosti vydaného a *obústranne* (чеш. *oboustranně*, совр. слов. *obojsstranne*) publikovaného (Katolícké Noviny 1890: 90);

(b) Svojho *štyrročného* (чеш. *čtyřletý*, совр. слов. *štvorročný*) Jožka dali do susedov k deťom (Svätá Rodina 1911: 327).

Дивергентные процессы затронули и грамматические свойства количественных числительных, но они реализовались только на уровне отдельных словоформ. Так, в парадигме числительного *jeden* в род. и дат. падежах ед. числа в текстах начала XX в. фиксируются формы с гласным *o*, совпадающие с чешскими:

...malú epizodku *jednoho* hrdinu rozviedli na samostatný nový epos alebo tragédiu... (Bujnák 1919: 78).

В 1930-е гг., однако, были кодифицированы формы с гласным *é* во флексии (Pravidlá 1931: 146).

На протяжении всего XX века числительное *dva/dve* в тв. падеже имело форму *dvoma*, коррелирующую с чешской формой *dvěma*, однако в последних «Правилах словацкого правописания» была введена дублетная форма *dvomi* (Pravidlá 2013), не имеющая аналога в чешском языке.

Таким образом, изменение грамматических свойств числительных является наглядным свидетельством активных дивергентных процессов, осуществлявшихся при интенсивном языковом контакте.

Источники

- Bujnák 1919 — Bujnák P. Pavol Országh-Hviezdoslav. K 70-tym jeho narodeninám. Liptovský sv. Mikuláš: Tranoscius, 1919.
 Gierlová 1910 — Gierlová E. Kvety s krížom. Trnava: Spolok sv. Adalberta (Vojtecha), 1910.

- Katolícké Noviny — Katolícké Noviny. Trnava, 1889–1890.
 Svätá Rodina — Svätá Rodina. Liptovský Sv. Mikuláš, 1911–1915.
 Škultéty 1920 — *Škultéty J.* Stodvadsaťpäť rokov zo slovenského života 1790–1914. Odpoveď na knihu dr. Milána Hodžu, nazvanú československý rozkol. 2. rozmnož. vyd. Turč. Sv. Martin, 1920.

Литература

- Вайнрайх 1979 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издат. объединения «Вища школа», 1979.
 Поливанов 1968 — *Поливанов Е. Д.* Мутационные изменения в звуковой истории языка // *Поливанов Е. Д.* Избранные работы: статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 90–113.
 Krátky 1987 — *Krátky slovník slovenského jazyka.* Bratislava: Veda, 1987.
 Pravidlá 1931 — *Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom.* Praha: Štátné nakladateľstvo (Státní nakladatelství), 1931.
 Pravidlá 1940 — *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom.* Turč. Sv. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1940.
 Pravidlá 1954 — *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom.* Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1954.
 Pravidlá 2013 — *Pravidlá slovenského pravopisu.* Bratislava: Veda, 2013.
 Šmilauer 1972 — *Šmilauer V.* Nauka o českém jazyku. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.
 Štúr 1957 — *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // *Štúr L.* Slovenčina naša: dielo v 5 zväzkoch. Zväzok 5. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 151–253.

Divergence of the Slovak and Czech Literary Languages in the XXth Century at the Grammatical Level (on the example of numerals)

According to traditional contact linguistics, the result of close linguistic contact is interference, which initially occurs at the level of speech, but can also be reflected at the level of language. At the same time, as the Slovak and Czech literary languages show, the

consequence of close linguistic contact can also be pronounced divergent processes. This article focuses on morphological and word-formation changes that have significantly changed the grammatical properties of numerals in Slovak literary language, while in Czech they remained unchanged.

DOI: 10.31168/0459-6.07

М. Г. Джонова (София, България),
С. И. Лесева (София, България),
Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург, Русия)

Инхоативни глаголи с дателен експериенцер в българския език¹

В настоящата статията се прави синтактично описание на инхоативните глаголи от типа на *домъчнее / домъчнява ми* в съвременния български език. Те имат задължителен аргумент дателно местоимение със семантичната роля експериенцер и означават ново състояние на субекта. В деривационно отношение се свързват със съществителни, прилагателни или наречия за физиологично, ментално или емоционално състояние, вж. (Радева 1993). В семантично отношение разглежданите глаголи съответстват на синтактичните конструкции с предикатив за състояние и дателно местоимение. В някои случаи те се свързват пряко с предикатива (*зле ми е — призлее / призлява ми*), а в други (*студено — застудее / застудява ми, тъжно — дотъжее / дотъ-*

¹ Настоящият текст е резултат от изпълнението на научната програма на проекта «Онтология на ситуацията за състояние — лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски», подкрепен от Фонд «Научни изследвания» в рамките на конкурса «Проекти по програма за двустранно сътрудничество — България — Русия 2019–2020 г.», договор No КП-06-II РУСИЯ-78 от 2020 г. и РФФИ (проект No 20-512-18005).

жава ми)² е налице връзка по-скоро със съществителното (*тъга, студ*), което мотивира съответния предикатив. Важна особеност на инхоативните глаголи за физиологично или емоционално състояние е, че образуват видови двойки (глагол от свършен и глагол от несвършен вид) и че са винаги безлични, т. е. имат само форми за 3 л. ед. ч. и подложната позиция при тях остава винаги празна.

При изследването на инхоативните глаголи В. Недялков посочва, че те са начинателни глаголи, които са семантично (а в повечето случаи и словообразователно) съотносими със стативи (непределни предикати, обозначаващи качество, състояние, положение в пространството). В рамките на инхоативните предикати авторът разглежда като отделна група глаголите за емоция и възприятие, при които начинателното значение указва момента на поява, възникване на ситуацията (Недялков 1987: 189). Според К. Иванова тези глаголи показват изменение на интензитета на действието от нула към наличие (Иванова 1974: 94).

Обект на настоящото изследване е възможността за образуване на инхоативни предикати от различните семантични групи статични предикативни конструкции и синтактичното описание на инхоативните предикати, като се отбелязват разликите със съответните статични предикативни конструкции.

Изследването се основава на данни от Българския национален корпус (БНК³, Коева et al. 2012), примери от неофициална интернет комуникация, справка за глаголите в Официалния правописен речник (Мурдаров 2016) и в Речника на българския език (РБЕ 1977–2015).

² По-нататък в текста ще се споменават само корелатите от свършен вид, като наблюденията се отнасят и за двата глагола, което е онагледено и в част от примерите.

³ <http://search.dcl.bas.bg/>.

В българския език инхоативните съответствия на статичните предикативни конструкции⁴ се образуват по два модела: със замяна на глагола *съм* в конструкцията с глагола *стане / става*, който означава преминаване в ново състояние (срв. *топло ми е — става ми топло*), и/или с префигиран глагол, мотивиран от предикативното наречие (срв. *лошо ми е — става ми лошо — прилошава ми*). При префигираните глаголи основният аргумент остава експериментален в дателен падеж и предикатът е безличен. В деривационно отношение инхоативните глаголи се образуват с конфикса *до-(при-)/-ее* (*домъчнее / домъчнява ми*), а в някои случаи със *за-/ее* и *о-/ее* (*захладнее / захладнява ми, олекне / олеква ми*) (Радева 1993). Инхоативни глаголи се образуват предимно от предикативите, означаващи физиологично или емоционално състояние.

Таблица 1. Предикативи на *-о/-е* и техните инхоативни съответствия

Статична предикативна конструкция с дат. клитика	Инхоативен глагол с дат. клитика
хладно ми е	захладнее / захладнява ми
студено ми е	застудее / застудява ми, достудее / достудява ми
лошо ми е	прилошее / прилошава ми
зле ми е	призлее / призлява ми
леко ми е	олекне / олеква ми
мъчно ми е	домъчнее / домъчнява ми, примъчнее / примъчнява ми
тъжно ми е	дотъжее / дотъжава ми
жал / жално ми е	дожалее / дожалява ми
мило ми е	домилее / домиява ми
скучно ми е	доскучае / доскучава ми
криво ми е	докривее / докривява ми

⁴ За предикативите в български вж. (Рожновская 1956, Маслов 1982, Иванова 2016).

Глаголи за физиологично състояние

Инхоативните глаголи за физиологично състояние *застудее ми, захладнее ми, прилошее ми, призлее ми, олекне ми* съответстват на статичните предикативни конструкции *студено, хладно, лошо, зле, леко ми е*. Централният аргумент е дателното местоимение със семантичната роля експериенцер⁵. Вторият аргумент е предложна фраза със семантичната роля локатив⁶, означаващ частта от тялото, свързана с даденото усещане. Този аргумент се изразява с предложна фраза с предлога *на* (1), но са възможни и други локативни предлози, като *зад* (2):

1. *Беше му прилошало на стомаха <...> и това чувство се усилваше⁷.*
2. *Нещо ми захладня зад ушите, попипах — кръв.*

При инхоативните глаголи *прилошее ми* и *призлее ми* по-често се изразява експлицитно и трети аргумент — стимулът за съответното физиологично състояние. Този аргумент се изразява с предложна фраза с предлога *от* (3), като се срещат и примери с предлога *заради* (4):

3. *Казах ти, че от уиски с кола ще ти прилошее.*
4. *На 36 човека в София им е прилошало заради жегите.*

Този аргумент е възможен и при съответните статични конструкции, но изразяването на стимула за новото състояние е присъщо най-вече на инхоативните предикати, тъй като те означават промяна в състоянието на експериенцера.

⁵ Глаголите *застудява* и *захладнява* имат отделна употреба без дателно местоимение със значение промяна в състоянието на околната среда (*В стаята застудя; Времето застудя*).

⁶ Относно семантичните роли, които приписват предикатите за физиологично състояние на своите аргументи, вж. (Джонова 2005: 574).

⁷ Примерите се цитират според оригиналния правопис.

При инхоативните глаголи *прилошее ми*, *призлее ми* стимулът може да се представи като място или ситуация, която обичайно предизвиква съответното физиологично състояние. Тя се представя с предложна фраза с предлога *в* (в *кола*, в *самолет*) или с израз от типа на *при вида на X*, *при мисълта за X*. За разлика от предлога *от*, който насочва към конкретен стимул за появата на даденото състояние, разглежданите конструкции представят обобщена, обичайна ситуация и това е причината съществителното в предложната фраза да е употребено генерично. Подобно изразяване на стимула за даденото физиологично или емоционално състояние не е възможно при съответните статични предикативни конструкции:

5. *Прилошава ми при вида на лепило.*
6. *Прилошава му дори в плувен басейн.*
7. *Не беше от хората, на които им прилошава при вида на кръв.*

За разлика от съответните статични конструкции при *прилошее ми*, *призлее ми* е възможно и наличието на адюнктна предложна фраза с предлога *на*, с която се представя мястото, на което се е появило описваното усещане:

8. *Прилоша ми на тренировка сутринта.*
9. *Прилоша ми на една изложба.*

Наличието на експлицитно изразен стимул прави възможна преносната употреба на инхоативните глаголи *прилошее ми*, *призлее ми* и *олекне ми* като предикати за емоция (вж. по въпроса за преносната употреба на предикатите за физиологично състояние [Кустова 2002: 17]), като в тази употреба стимулът може да бъде изразен и с комплементно *да*-изречение (при *призлее ми*) или *че*-изречение (при *олекне ми*) (вж. [Коева 2019а: 65]):

10. *На младока едва не му призлява от въодушевление.*
11. *Тя не проумяваше, че от думите ѝ на него не му олеква, а му става още по-тежко.*

12. *Не ви ли **призлява да** говорите за времето?*

13. *Госпожице Нит, нямам думи да ви опиша колко ми **олекна, че** се измъкнах от онази дупка.*

При *олекне ми* аргументът локатив *на душата, на сърцето* също насочва към емоционално, а не към физиологично състояние: **Олекна ми на душата.**

Възможно е и изразяването на стимула с предложна фраза с предлога *от* и местоимение (14) или съществително, чието съдържание се уточнява от атрибутивно съюзно изречение (Коева 2019б: 64):

14. *Все още му **призлява от това, че** САЩ не са успели да открият оръжия за масово унищожение.*

Може да се обобщи, че при инхоативните предикати за физиологично състояние възможните аргументи са дателно местоимение експериенцер и предложна фраза със семантичната роля стимул или локатив. При преносна употреба тези предикати означават емоционално състояние и в тази употреба стимулт може да се изрази с комплементно *че*-или *да*-изречение.

Глаголи за емоционално състояние

Инхоативните глаголи за емоционално състояние *домъчнее ми, дотъжее ми, дожалее ми, домилее ми, доскучае ми, докривее ми* съответстват на статичните предикативни конструкции *мъчно, тъжно, жал, мило, скучно, криво ми е*. При тази семантична група инхоативи обектът на емоцията е изразен с непряко допълнение с предлога *за* подобно на съответните предикативни конструкции:

15. *Така ще им **дотъжее за** училище и като почнат на 20-ти януари ще са огън от любов.*

Семантичната роля стимул се приписва на непрякото допълнение с предлога *от* или на комплементно изречение

със съюза *да* (при *домъчнее ми, домилее ми, доскучае ми*) или *че* (при *домъчнее ми, докривее ми*). За сравнение при съответните статични предикативи стимулът може да се изрази само с подчинено изречение:

16. *Радвам се, че не се сетих по-рано, толкова ми домъчнява от това!*

17. *Красиви истории. Да ти домилее да ги слушаш.*

18. *И тъкмо да ми докривее, че не мога да разчитам на приятелите си, чувам някой зад мен да брои.*

19. *Легнах при тебе, без да ти се обадя, защото ми домъчня да те събудя... ти така сладко спеше!*

20. *Те никога не бяха я виждали така хубава и малко им домъчня, че ето сега ще я напуснат и надали някога ще се върнат в нея.*

По отношение на предикативните конструкции за емоционална реакция или оценка Св. Коева посочва, че обектът може да се реализира с комплементно *че*-изречение, косвен въпрос или *да*-изречение, които се редуват с предложна група (Коева 2019а: 63). При инхоативните предикати също се откриват отделни примери с косвен въпрос:

21. *...че на човек да му дожалее колко може да деградира като военен министър един български генерал от резерва...*

Възможно е изразяването едновременно на обекта на емоцията с предложна фраза с предлога *за* и стимула с комплементно изречение, като предложната фраза е кореферентна на аргумент от комплементното изречение. В следващия пример обектът на емоцията *за пръстена* е кореферентен на допълнението *го* в подчиненото изречение:

22. *На невицата ѝ домъчня само за пръстена, че ще трябва да го връща, но в името на другите се съгласи.*

Св. Коева посочва подобна възможност при предикатите за предаване на информация и за знание, като разглежда

случаите на експлицитно изразяване на обекта на знанието като *вътрешна лява дислокация* — явление, свързано с топикализацията на даден аргумент от подчиненото изречение в обектна позиция при главния предикат, като в същото време допуска и експлицитна реализация в подчиненото изречение (*Чух го той да ми говори; Видяхме ги да ги водят*) (Коева 2021: 14). Смятаме, че експлицитното изразяване на обекта на емоцията също трябва да се разглежда като случай на вътрешна лява дислокация.

Може да се обобщи, че инхоативните предикати за емоционално или физиологично състояние означават ново състояние на експериментера, изразен с дателно местоимение. В семантично отношение те съответстват на статични предикативни конструкции. За разлика от тях при инхоативните предикати за физиологично състояние по-често се изразява аргументът стимул, като освен с предлога *от* той може да се въведе и с израз като *при мисълта за, при вида на* или *в*, който представя ситуация, която обичайно предизвиква съответното състояние. При предикатите за емоция стимулът може да се изрази с предложна фраза или с комплементно изречение. Възможно е и едновременното изразяване на стимула и обекта на емоцията, като в този случай обектът на емоцията е кореферентен с аргумент от подчиненото изречение.

Литература

- Джонова 2005 — Джонова М. Предикати със задължителен аргумент експериментер от типа «дострашее ме», «домъчнее ми» // *Littera scripta manet*: сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Василка Радева. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. С. 568–577.
- Иванова 1974 — Иванова К. Начини на глаголното действие в съвременния български език / Бълг. акад. на науките. Инст. за бълг. език. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974.
- Иванова 2016 — Иванова Е. Ю. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериментера в болгарском

- языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Моск. гос. пед. ун-т; Ин-т языкознания РАН; отв ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. (Studia Philologica). С. 332–368.
- Коева 2019а — *Коева С.* Комплементите в български // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 14–15 май 2019 г.). Сборникът се посвещава на 150-годишнината от основаването на Българската академия на науките / отговорни редактори: В. Мичева, Д. Благоева, С. Колковска, Т. Александрова, Х. Дейкова. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019. С. 57–68.
- Коева 2019б — *Коева С.* Типология на рестриктивните и нерестриктивните изречения в български // Български език. Приложение. № 66. 2019. С. 49–76.
- Коева 2021 — *Коева С.* Към типологичен анализ на комплементността в български // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 2021). Сборникът се посвещава на чл.-кор. проф. д.ф.н. Емилия Пернишка по случай 85-ата ѝ годишнина и чл.-кор. проф. д.ф.н. Мария Попова по случай 80-ата ѝ годишнина / съст. С. Коева, М. Стаменов. Т. 1. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021. С. 13–27.
- Кустова 2002 — *Кустова Г. И.* О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 16–34.
- Маслов 1982 — *Маслов Ю. С.* Граматика на българския език. София: Наука и изкуство, 1982.
- Мурдаров 2016 — Официален правописен речник на българския език. Глаголи / ред. В. Мурдаров. София: Просвета, 2016.
- Недялков 1987 — *Недялков В. П.* Начинателность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / [А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. С. Храковский, В. П. Недялков и др.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.]; Ин-т языкознания АН СССР. Л.: Наука, 1987. С. 180–195.
- Радева 1993 — *Радева В.* Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993.
- РБЕ 1977–2015 — Речник на българския език. Т. 1–15. София: Институт за български език, 1977–2015. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (26.09.2021).

- Рожновская 1959 — *Рожновская М. Г.* Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 379–432.
- Koeva et al. 2012 — *Koeva S., Stoyanova I., Leseva S., Dimitrova T., Dekova R., Tarpatanova E.* The Bulgarian National Corpus: theory and practice in Corpus design // *Journal of Language Modelling*. 2012. Vol. 0. No. 1. P. 65–110.

Dative Inchoative Verbs in Bulgarian

This paper deals with the syntactic description of inchoative verbs of physiological state or emotion that denote a new state obtained by an experiencer argument, where the experiencer is expressed as a dative pronoun. Semantically, these verbs correspond to stative predicative constructions. Based on the analysis of corpus and dictionary data, we come to the conclusion that the inchoative verbs under discussion take three arguments — physiological state predicates assign an experiencer, a stimulus and a locative role, whereas predicates of emotion take an experiencer, a stimulus and an object of emotion. In addition, we present conclusions regarding the syntactic properties of each argument, as well as observations on the frequency of expression of the different arguments, where relevant.

DOI: 10.31168/0459-6.08

М. В. Ермолова (Москва, Россия)

О соотношении двух плюсквамперфектов в псковских говорах в сопоставлении с инославянским материалом

Как известно, для части севернорусских говоров (прежде всего, архангельских) характерно использование плюсквамперфектных форм типа *был*, *-а*, *-о*, *-и* + *-л*-форма. Детально

функционирование этих форм в архангельских говорах освещено С. К. Пожарицкой (Пожарицкая 1991, 1996, 2014 и др.). Как показал материал недавних экспедиций в Опочецкий район Псковской области, такого рода плюсквамперфект есть и в псковских говорах, однако на сегодняшний момент отсутствуют работы, посвященные функционированию, семантике и происхождению форм типа *был, -а, -о, -и + -л-*форма в псковских говорах. В докладе предлагается предварительное решение проблем, на которые необходимо будет обращать внимание при дальнейшем изучении данной темы по мере пополнения корпуса примеров с исследуемыми формами.

Сложность описания плюсквамперфектных форм в псковских говорах заключается в том, что наряду с формой *был, -а, -о, -и + -л-*форма существует форма *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма. Необходимо ответить на вопросы, какова грамматическая семантика этих форм, как они соотносятся друг с другом, членами каких грамматических категорий являются. Кроме того, здесь встает и терминологическая проблема: к каждой из обсуждаемых форм можно применить термин *плюсквамперфект*, так как плюсквамперфектом принято называть сложные формы прошедших времен.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма в опочецких говорах имеют ярко выраженное результативное значение, ср.:

(1) *Был у меня тогда. Нинка была померши, он жил у меня еще, в город не был уехавши жить, не был замуж вышедши.*

Нет никаких сомнений, что данную форму нужно рассматривать в ряду других результативных форм, обозначающих результат, помимо прошедшего, в настоящем и будущем временах и в сослагательном наклонении. Таким

образом, формы типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма являются граммемой прошедшего времени в грамматической категории перфекта (подробнее см. (Кузьмина, Немченко 1971: 219). Их можно называть плюсквамперфектом, так как и формально, и семантически они соответствуют тому, что принято обозначать данным термином (результативное значение — одно из основных типологически известных значений плюсквамперфекта (см. [Сичинава 2013: 25–28]). Однако, учитывая наличие в говорах еще другого ряда плюсквамперфектных форм, во избежание терминологической путаницы более удачным решением кажется называть анализируемые формы перфектом в прошедшем или перфектом прошедшего времени, как это делается в (Дьяченко и др. 2019), или новым плюсквамперфектом (по аналогии с термином *новый перфект*, которым часто называют перфектные формы на *-вши — -ши*).

В двух контекстах можно говорить об антирезультативном значении (в понимании В. А. Плунгяна (Плунгян 2001) — еще одним характерном¹ для плюсквамперфекта значении, когда плюсквамперфектной формой обозначается действие, которое не было достигнуто или результат которого был отменен. Рассмотрим один из них:

(2) (О попытке убежать от мужа). *А войти² некуда было. Была раз отошедши. И шла с Борькой. Только с кустов вышла — слышу топот конский, еще Леньки не было. Я оглянулась назад — уже он подъехал, ножик взят: «Не поедете со мной, сейчас зарежу обоих».*

Таких примеров на 42 примера с конструкциями типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма всего два. Очевидно, что антирезультативность является контекстуальной: на ре-

¹ Характерном для плюсквамперфекта как типологически, так и в истории русского языка, см. (Шевелева 2007; Сичинава 2013).

² Пск., значит 'уйти'.

результативное значение формы в контексте накладывается семантический компонент отмененности или недостижимости действия. Данный факт служит в пользу версии о происхождении антирезультативного значения плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, которую, анализируя древнерусский материал, отстаивает М. Н. Шевелева (Шевелева 2007: 219). Это противоречит гипотезе В. А. Плунгяна о связи антирезультативного значения со значением давнопрошедшего, основанной на типологических данных (Плунгян 2001). Возможно, эволюция значений плюсквамперфектных форм в истории русского языка шла по отличному от других языков сценарию.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -л-форма*

В собранном нами материале отмечено 6 примеров с сочетанием *был, -а, -о, -и + -л-форма*. При рассмотрении таких сочетаний в говорах всегда встает проблема интерпретации глагола *быть*. Для корректного анализа необходимо определить, является ли он глаголом-связкой или самостоятельным бытийным предикатом (см. [Пожарицкая 2014: 218–220]). Во встретившихся нам контекстах *быть*, без сомнения, является связкой (в примерах отсутствует понижение тона или пауза, характерные для контекстов с полнознаменательным *быть*, а подстановка относительного местоимения или замена конструкцией «а было так, что...» невозможны). Следовательно, мы имеем дело с грамматической формой — плюсквамперфектом. В отношении псковских говоров мы предлагаем называть формы типа *был, -а, -о, -и + -л-форма* старым плюсквамперфектом.

Во всех примерах, кроме одного, формой старого плюсквамперфекта обозначается давнопрошедшее действие, не имеющее никакого отношения к настоящему; связка согласуется с подлежащим, ср.:

(3) *Тут мы чернику были собирали (про заросший бурьяном овраг, по которому гуляли вместе).*

Плюсквамперфект со значением давнопрошедшего следует интерпретировать, видимо, как граммему прошедшего времени, маркированную по признаку давности совершения действия и противопоставленную «обычному» прошедшему времени.

О соотношении двух плюсквамперфектов в инославянском контексте

Как славянским, так и языкам других групп и семей известны системы с двумя плюсквамперфектами (подробнее см. [Сичинава 2013: 47–52]). Так, ситуация, аналогичная ситуации в псковских говорах, наблюдается в македонском языке. В нем существуют две формы плюсквамперфекта: старая типа *бев видел* и новая типа *имав видено*. Новая форма выражает результирующее состояние, старая получает чисто таксисное значение, по (Friedman 1981; Фридман 1996), или значение давнопрошедшего, по (Fici 2001), ср. примеры из (Сичинава 2013: 48–49): *В шест саатот картите Мито веќе ги имаше купено* 'В шесть часов у Мито были куплены билеты'; *Той каза дека му го беше носил виното три пати* 'Он говорит, что он ему [когда-то] три раза приносил вино'.

В задачи доклада не входит подробный анализ материала македонского языка, однако само наличие в славянском идиоме ситуации, когда появляется новая результирующая форма плюсквамперфекта (естественно, наряду с новым результирующим перфектом³), а старая форма не выражает грамматического значения результата и ее значение в той или иной степени эволюционирует в сторону чистого таксиса и давнопрошедшего, кажется показательным и подтверждающим нашу трактовку диалектного материала.

³ О новых перфектах в македонском см., например, (Graves 2000; Макарова 2016).

Литература

- Дьяченко и др. 2019 — *Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В.* Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22: Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 213–229.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
- Макарова 2016 — *Макарова А. Л.* О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 12. Ч. 2: Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. С. 217–234.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. Paris, 1991. Vol. 63. No. 4. P. 787–799.
- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1991–1993: сб. науч. тр. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; [отв. ред. В. В. Иванов]*. М.: Наука, 1996. С. 268–279.
- Пожарицкая 2014 — *Пожарицкая С. К.* Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте // *Contemporary approaches to dialectology. The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects / ed. by Pja A. Seržant, Björn Wiemer*. Bergen: University of Bergen, Dept. of Foreign Languages, 2014. (Slavica Bergensia; vol. 12). P. 216–244.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.
- Фридман 1996 — *Фридман В.* О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // *Вопросы языкознания*. 1991. № 1. С. 116–124.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

- Fici 2001 — *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // Македонски јазик. № 51/52. 2001. С. 61–88.
- Friedman 1981 — *Friedman V. A.* The pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica*. 1981. Vol. 4. No. 2/3. P. 273–282.
- Graves 2000 — *Graves N.* Macedonian — a language with three perfects? // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / ed. O. Dahl. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. (Empirical approaches to language typology; 20–6). P. 479–494.

On the Correlation of two Pluperfect Forms in Pskov Dialects in Comparison with the Material of other Languages

There are two pluperfect forms in Pskov dialects: “to be (past tense) + *vši*-form” and “to be (past tense) + *l*-form”. The first one has a resultative meaning and should be considered in the row of other perfective forms with the verb *to be* in the present tense, future tense and in the form of subjunctive mood. The second one has a meaning of discontinuous past. Apparently, it is a grammeme of the past tense and it is opposed to the “simple” past tense by the meaning of the irrelevance of the action to the present. There are similar systems with two pluperfect forms in other Slavic and non-Slavic languages.

DOI: 10.31168/0459-6.09

Г. П. Пилипенко (Москва, Россия)

Адаптация испанских глаголов в речи славян-переселенцев в Аргентине

На северо-востоке Аргентины в провинции Мисьонес (исп. Misiones) проживают носители украинских, польских, белорусских диалектов, потомки переселенцев трудовых мигрантов, которые начали обосновываться на этих землях с конца XIX в. Во время экспедиций, проводившихся с 2015 по 2019 г., были собраны нарративы, диалектные записи на

указанных языках (Пилипенко 2018; 2020). В докладе будут рассматриваться модели адаптации заимствованных из испанского языка глаголов в речи потомков славянских переселенцев. Привлекаться будут как записи устной речи, так и письменная фиксация диалекта (дневник переселенца с Воьлыни Кирилла Вознюка, написанный на южноволынском диалекте украинского языка). Модели адаптации глаголов во всех трех языках совпадают.

Примеры заимствованных глаголов из дневника Кирилла Вознюка:

образованные от испанского глагола с испанским инфинитивным окончанием: **абандар**-ити (*abandonar* «покидать»), **асалтар**-ити (*asaltar* «нападать»), **вісітар**-ити (*visitar* «посещать»), **комер**-к-ати (*comer* «есть»), **подар**-ити (*podar* «обрезать»), **прогресар**-ити (*progresar* «прогрессировать»), **продусір**-ити (*producir* «производить»);

глаголы без испанского инфинитивного окончания: **аредл**-яти (*arreglar* «устраивать, проводить в порядок»), **косіч**-увати (*cosechar* «собирать урожай»), **компан**-о/ювати (*acompañar* «сопровождать»), **манс**-увати (*amansar* «приручать»), **моліст**-овати (*molestar* «мешать»), **накард**-авати (*cargar* «грузить»), **плян**т-увати (*plantar* «сажать»), **ранк**-увати (*arrancar* «заводить мотор»), **тас**-увати (*tasar* «оценивать»).

В первой группе примеров в украинском языке они приобретают окончание *-ити*; во второй приобретают чаще всего суффикс *-ова/-ува-*. В одном случае обнаружено образование при помощи суффикса *-к-* от основы инфинитива (*комеркати*).

О двух типах образования глаголов в украинском языке мигрантов писал (Ризванюк 1974: 71–76); в письменных текстах и в речи его информантов отмечаются колебания — от одного корня может быть образован украинский глагол двумя способами: *ареглювати* — *ареглярити* (*arreglar* «устраивать, приводить в порядок»), *планчувати* — *планча-*

piti (planchar «гладить»), *felicituvati* — *felicitaruti* (felicitar «поздравлять») (Ризванюк 1974: 73). Исследователь полагает, что образование глаголов непосредственно от испанских инфинитивов характерно более для разговорного языка, а модель с суффиксом *-uva-* — для языка прессы. В случае образования глаголов от инфинитивов ударение падает не на украинские морфологические элементы, а на испанские, таким образом, ощущается более тесная связь с испанским прототипом в отличие от глаголов с суффиксом *-uva-*, у которых ударение падает на украинский суффикс (Ризванюк 1974: 75). По данным нашего корпуса, в языке украинцев Аргентины представлены обе модели, в дневнике Кирилла Вознюка преобладает модель без испанского инфинитивного показателя.

Что касается устного корпуса, то можно выделить следующие высокочастотные глаголы: *aban'daraty* (abandonar «покидать»), *diver'tirylyš* (divertirse «развлекаться»), *intere'saryš* (interesarse «интересоваться»), *imben'taryc'a* (inventarse «изобретаться»), *insta'laryw* (instalar «устанавливать»), *kusyču'valy* (cosechar «собирать урожай»), *mante'neryty* (mantener «поддерживать»), *mesk'laryc'a* (mezclarse «смешиваться»), *napl'antu'vaw* (plantar «сажать»), *pl'antu'valy* (plantar «сажать»), *sa'karyty* (sacar «вынимать»), *sal'varyla* (salvar «спасать»), *straduk'tyryly* (traducir «переводить»), *tradu'siryty* (traducir «переводить»), *xuvi'larywša* (jubilarse «выходить на пенсию», ср. *хубіляритись* (Ризванюк 1974: 294)). Среди заимствованных глаголов обнаруживаются и возвратные, образованные от соответствующих испанских аналогов: *diver'tirylyš* (divertirse), *mesk'laryc'a* (mezclarse), *xuvi'larywša* (jubilarse), ср. возвратные глаголы в (Ризванюк 1974: 241): *креаритись* (crearse «создаваться»). Однако возвратная частица при них не всегда употребляется последовательно: ср. *interesaryš* (interesarse «интересоваться»). Возвратная частица появляется при заимствованных глаголах в страдательном залоге: *imben'taryc'a*. Зафиксировано два глагола

со значением «переводить», образованные от разных основ: *tradu'siryty*, *stradyk'tyryly*. Первый образован от инфинитива *traducir*, второй (приставочный), по всей видимости, от существительного *traductor* («переводчик»). Большинство представленных глаголов образованы от испанских инфинитивов на *-ar*, *-er*, *-ir* и изменяются как глаголы II спряжения на *-yty*. Отмечены глаголы, образованные при помощи суффикса *-uva-* и изменяющиеся как глаголы I спряжения на *-aty*: *pl'antu'valy*, *napl'antu'vaw*, *kusyču'valy*.

В докладе будут приведены также примеры адаптированных испанских глаголов в польском и белорусском языках славян-переселенцев, проживающих в Аргентине.

Литература

- Пилипенко 2018 — Пилипенко Г. П. Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.
- Пилипенко 2020 — Пилипенко Г. П. Лингвистическая экспедиция к славянским сообществам в Аргентину и Парагвай // Славяноведение. 2020. № 5. С. 128–138.
- Ризванюк 1974 — Ризванюк С. О. Іспанізм в мовленні української трудової імміграції Аргентини: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1974.

Spanish Verb Adaptation in the Speech of Slavic Immigrants in Argentina

In the north-east of Argentina, in the province of Misiones, there are speakers of Ukrainian, Polish, Belarusian dialects, descendants of labor migrants who began to settle there since the end of the XIX century. During the field researches carried out from 2015 to 2019, narratives in dialect were collected in these languages. The paper discusses models of verb adaptation borrowed from the Spanish language in the speech of the descendants of Slavic immigrants. Both oral speech recordings and written sources of the dialect are involved (the diary of a migrant from Volhynia, Kirill Wozniuk, written in the South Volhynian dialect of the Ukrainian language). The models of verb adaptation in all three languages are identical.

**СЛАВЯНСКАЯ
ПИСЬМЕННОСТЬ
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА**

Я. А. Пенькова (Москва, Россия)

Из наблюдений над семантикой имперфективного будущего в среднерусской письменности

Настоящая работа посвящена имперфективному будущему — конструкции *буду* + инфинитив — в начальный период ее возникновения и эволюции в истории русского языка. В фокусе внимания находится аспектуальная семантика глаголов, употреблявшихся в составе этой конструкции в среднерусский период (XV–XVII вв.), не связанная с корреляцией СВ/НСВ, поскольку в образовании перифразы *буду* + инфинитив участвуют только глаголы несовершенного вида.

Конструкция *буду* + инфинитив засвидетельствована не во всех славянских языках: она отсутствует в современных южнославянских языках, а для восточной части южнославянского мира (болгарского и македонского языков), а также для словенского языка не была известна и в исторической перспективе. В истории сербохорватского языка эта конструкция функционировала как второе будущее, т. е. средство для референции к будущему в зависимых предикациях.

Почти во всех восточно- и западнославянских языках, за исключением серболужицких, эта перифраза всегда сочеталась только с имперфективами, и только в серболужицких и в истории сербохорватских говоров имеет или некогда имела возможность употребляться с глаголами СВ. Среди славянских языков, в глагольной системе которых присутствует конструкция *буду* + инфинитив, позднее всего ее приобретает русский язык: первые единичные примеры — в текстах с языковыми чертами простой мовы —

фиксируются с середины XV в., а в собственно великорусских памятниках эта перифраза регулярно употребляется только с XVII в.

О конструкции БУДУ + инфинитив в современном русском языке и в его истории существует обширная литература. Назовем здесь наиболее важные, с нашей точки зрения, работы исторического характера. М. Мозер обсуждает контактное польско-рутенское влияние на распространение в русском языке конструкции БУДУ + инфинитив (Moser 1998: 303–330). Х. Кржижкова, напротив, полагает, что грамматикализация имперфективного будущего в истории русского языка не связана с польско-рутенским влиянием (Křížková 1960: 173–180). О. Сван рассматривает вопрос о том, почему конструкция БУДУ + инфинитив вытеснила другие перифрастические конструкции, существовавшие в средне-русской письменности, предполагая, что БУДУ + инфинитив стала лишь заменой уже грамматикализованному будущему со вспомогательным глаголом СТАТИ (Swan 2012). М. Валей объясняет грамматикализацию конструкции БУДУ + инфинитив в славянских языках тем, что вспомогательный глагол приобрел инхоативную семантику и стал употребляться с инфинитивом НСВ, подобно другим инхоативам (Whaley 2000: 142–143). В настоящей работе мы проверим справедливость выводов О. Свана и М. Валей для русского языка и покажем, что конструкция БУДУ + инфинитив не была «импортирована» русским языком как простая замена конструкции СТАНУ + инфинитив, но заняла свою особую нишу в системе перифрастических форм с референцией к будущему.

Материалом настоящего исследования послужил существенно пополненный в последние годы среднерусский корпус НКРЯ. Интересующая нас конструкция не имеет высокой частотности в корпусе (и в среднерусской письменности в целом), поэтому мы располагаем полной выборкой контек-

стов из памятников XV–XVII вв., которая насчитывает более трехсот примеров в текстах различных жанров и регистров. Полученные контексты были классифицированы по следующим признакам: источник, дата создания текста и создания списка (для случаев, когда обе даты не совпадают), семантика конструкции (дуративное, прогрессивное, континуативное, итеративное, инхоативное значение и др.) и акциональная семантика инфинитива. В последнем случае использовалась классификация Е. В. Падучевой (Падучева 2009), обобщившей подходы Э. Вендлера и Ю. С. Маслова и интегрировавшей в их схему агентивность глагола. Мы также опирались на недавнее исследование Н. М. Стойновой (Стойнова 2019), рассматривающей различия между *стану* и *буду* как вспомогательными глаголами в конструкции с инфинитивом на материале современного русского языка. Согласно указанной работе, различия между перифразами заключаются прежде всего в том, что *стану*, в отличие от *буду*, требует отчетливого контраста с настоящим, ср. пример из указанной работы (Там же: 64):

(1) Мы пришли в начале седьмого, сели за столик. Предупредили, что **будем расплачиваться** ^{OK}расплатимся / ^{??}станем расплачиваться) картой.

Следствием из этого является способность *буду* + инфинитив и неспособность *стану* + инфинитив в неотрицательных предикациях употребляться в контекстах прогрессива, с общефактическим (ср. пример 1), дуративным и континуативным значениями, а также с предикатами постоянного отношения. Неясно, однако, является ли эта и ряд других особенностей конструкции *буду* + инфинитив позднейшим расширением семантики или же она изначально присутствовала в семантике и в таком случае обеспечила *буду* + инфинитив победу над другими конкурентами в среднерусский период.

Сравним акциональные классы глаголов в составе конструкций БУДУ + инфинитив и СТАНУ + инфинитив в среднерусской письменности. В нашей выборке встретилось 160 различных глаголов со вспомогательным глаголом БУДУ и 135 со вспомогательным СТАНУ. Вопреки ожиданиям, лишь небольшая доля этого списка глаголов является общей для двух конструкций (глагольные лексемы совпадают только в 48 случаях).

Наиболее значимым отличием первого списка от второго является присутствие в нем стативных глаголов, обозначающих свойства, соотношения и состояния, ср.: *ненавидѣти, подлежати, пребывати, боятися, вѣдати, знати, имѣти, разумѣти, слыти, вдовствовати* и др. Напротив, в конструкции со СТАНУ такие глаголы практически не фиксируются. Исключениями можно назвать *бѣсноватися* и *владѣти*. Однако в последнем случае *владѣти*, употребляемый с БУДУ, и *владѣти*, зафиксированный со СТАНУ, представлены в разных лексических значениях. В первом случае это действительно стативный глагол со значением ‘господствовать, царить’ (ср. 2), а во втором — скорее предикат, обозначающий деятельность (*владѣти* в значении ‘управлять’), ср. (3):

(2) До тѣх мѣсть стояти будет государство всякое, пока мѣста в нем добродѣтель **владѣти будет**, и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести содержаные будутъ. [О причинах гибели царств (1600–1610)];

(3) И детей моих Никифора и Гаврила ему, Богдану, грамоте научити и беречи и покоити всем, покаместа Бог их подымет на свои ноги, и **станут** собою сами **владети**. [Данная Ивана Григорьевича Нагого своему человеку Богдану Сидорову на сщ. Ануфриево с дд. в Селехове слб. Бельского у (1597–1598)].

С другой стороны, со СТАНУ гораздо охотнее сочетаются предикаты, обозначающие предельные действия с накоплением эффекта, например: *городити, жечи, задѣловати,*

строити, съяти, орати ‘пахать’. Напротив, предикаты такого типа практически не встречаются с БУДУ. В качестве исключения можно назвать *дѣлати*. Однако при более пристальном внимании к контексту становится понятно, что появление БУДУ, а не СТАНУ в этом случае объясняется именно континуативным значением (‘продолжу делать, доделаю’), которое вовсе не характерно для СТАНУ (Стойнова 2019: 68–70), ср.:

(4) а я сирота твой тотъ достальной кирпичь 130,000 **буду дѣлать** въ нынѣшнемъ 208 году въ лѣтнее время. [Дело о неисполнении подряда сделать 300000 кирпичу (1699.10.14)].

Такие различия в сочетаемости между БУДУ и СТАНУ в конструкциях с инфинитивами, по-видимому, не случайны. Они показывают, что БУДУ вовсе не был простой «иностранный» заменой СТАНУ, но проникал в глагольную систему через особый набор контекстов, не связанных с инхоативностью (выражением фазовой семантики), тогда как для обозначения возникновения новой ситуации или начала процесса в среднерусском языке существовали другие конструкции с инхоативами (СТАТИ и УЧАТИ, см. [Пенькова 2019]).

По-видимому, бóльшую склонность конструкции БУДУ + инфинитив к употреблению со стативами можно связать также с косвенным влиянием употреблений БУДУ в качестве связки именного сказуемого — т. е. в составе конструкции, также обозначающей свойства или качества субъекта. На это могут указывать такие контексты, в которых интересующая нас форма фактически является перифразой конструкции БУДУ + *причастие*:

(5) Яко сам Господ рече: «Не вы **будете глаголюще**, но Духъ Отца вашего **будет глаголати** в васъ». [Андрей Курбский. Предисловие к переводам житий Симеона Метафраста (1564–1583)];

(6) Аз отвѣщал: «Аще, — молвлю, — и добуду грецким **умѣющаго**, або латинским, но словеньский не **будут умѣти**». [Андрей Курбский. Послание Марку Сарыхозину (1564–1583)];

(7) Ах, горе, рече: поиди от мене, проклятий, Во огонь вечный: там **будеш** дияволи **ятий**, **Будеш** во тме кромешней на веки **сидети**, **Будеш** зубами **скрежащ** в геене **горети**! [Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680–1690)].

Различия между *буду* и *стану* (а также другими инхотивами, оставшимися здесь за рамками рассмотрения) вовсе не ограничиваются описанными выше особенностями, их следует искать и в семантике конструкций, и в характере самих письменных источников, однако всё перечисленное требует дальнейшего отдельного исследования.

Литература

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
- Падучева 2009 — Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания, № 6 (2009). С. 3–20.
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67, no. 4). S. 569–586.
- Стойнова 2019 — Стойнова Н. М. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. [Т.] 37, № 1. С. 58–82.
- Křížková 1960 — Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Moser 1998 — Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1998.
- Swan 2012 — Swan O. E. Why budu? // Russian Linguistics. No. 36 2012. P. 305–318.
- Whaley 2000 — Whaley M. L. The evolution of the Slavic 'BE(COME)'-type compound future: PhD dissertation. The Ohio State University, 2000.

Some Observations on the Semantics of the Imperfective Future in Middle Russian

The present paper investigates differences between the semantic types of predicates which occurred in the constructions with the auxiliaries *budu* and *stanu* in Middle Russian. The data for the research was collected using the Middle Russian part of the Russian National Corpus. The examples in the final dataset were classified according to the date, source, and semantic type of the verb used in the constructions in question. The study has shown that states were more likely to co-occur with the auxiliary *budu*, whereas accomplishments denoting the accumulation of effect — with the auxiliary *stanu*. Such differences between *budu* and *stanu* show that *budu* was not a simple “foreign” replacement for *stanu* but penetrated the verb system through a separate set of contexts not related to expressing inchoative meaning.

DOI: 10.31168/0459-6.11

Н. И. Зубов (Одесса, Украина)

Две рукописи Слепченского кодика XVI в. из Македонии

Слепченский кодик (иначе — помянник, поминальная книга) представляет собой рукопись, начало составлению которой положено в середине XVI в. в монастыре св. Иоанна Предтечи близ села Слепче в общине Демир-Хисар в Македонии. Рукопись была приобретена В. И. Григоровичем во время его научной командировки в 1844–1847 гг. в славянские земли, находившиеся тогда под владычеством Турции, и вывезена в Россию вместе с другими памятниками старой славянской письменности (Григорович 1848). В Одессу это рукописное собрание было привезено после назначения В. И. Григоровича деканом историко-филологического фа-

культета только что образованного в 1865 г. Новороссийского университета в Одессе. Ныне рукопись хранится в собрании Одесской национальной научной библиотеки (ОННБ) под номером 1/116.

О Слепченском кодексе в Одессе нам уже приходилось писать в соавторстве с Д. С. Ищенко (Ищенко, Зубов 2008: 103–110; Зубов, Ищенко 2011: 209–211). В дальнейшем, уже после смерти Д. С. Ищенко, нам удалось выяснить, что рукопись, среди прочего, содержит два тождественных списка мужских имен и два тождественных же списка женских. По кодикологическим признакам в обоих случаях нами выделены первичный и вторичный блоки имен, о чем написана отдельная большая статья (Зубов 2021). В предлагаемом докладе, продолжая предпринятый анализ, остановимся на некоторых аспектах сближения Слепченского кодекса по рукописи 1/116 и еще одного кодекса из того же монастыря и того же периода. Это рукопись 1015, хранящаяся в Национальной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия (НБКМ) в Софии (Болгария).

В 1879 г., т. е. намного позже В. И. Григоровича, об этом кодексе в том же монастыре упоминает архимандрит Антонин (Капустин) (Антонин 1879: 300), а во время Первой мировой войны рукопись была вывезена в Болгарию в Народный музей в Софии, откуда в 1939 г. была передана в Национальную библиотеку — место ее нынешнего хранения. Рукопись в наше время детально исследована И. Герговой. Насколько известно из этого описания, рукопись содержит поминальные списки имен архиепископов, митрополитов, епископов, а также светских лиц, как мужчин, так и женщин (Гергова 2006: 50–88). При этом, по наблюдениям А. М. Селищева, еще раньше писавшего об этой рукописи, список мирян охватывает почти 7 тетрадей-кватернионов (Селищев 1933: 52, 55).

В свое время Й. Иванов дважды упомянул, что рукопись 1/116 в Одессе является *частью* Слепченского помянника (Иванов 1970: 479, 480). Сегодня с учетом иссле-

дования И. Герговой можно предположить, что первой, условно говоря, частью рукописи 1/116 в Одессе является рукопись 1015 в Софии. Изложим несколько аргументов в пользу этого предположения.

Во-первых, один из главных типов записей (т. е. почерк, оформление колонтитулов с поминальной формулой *по-мени, Господи, душе рабъ твоихъ* и некоторые другие признаки) в рукописи 1/116 идентичен тому типу записей рукописи 1015, который находим в иллюстративном материале монографии И. Герговой (ср. ил. 1–2 ниже в Приложении). Надо сказать, что близость почерков в обеих рукописях не оставалась незамеченной ранее. Как сообщает И. Гергова с ссылкой на С. Николову, в свое время Б. Ангелов в черновом варианте исследования об иеромонахе Виссарионе из Дебара, одном из искуснейших книжников монастыря св. Иоанна Предтечи в рассматриваемый период, указал на схожесть письма в обеих рукописях, однако изъясил это замечание из окончательного варианта своей статьи (Гергова 2006: 50). Сегодня, имея возможность сравнить письмо оригинала рукописи 1/116 и письмо рукописи 1015 по иллюстрациям И. Герговой, мы всё-таки беремся утверждать, что по крайней мере один из почерков и способов оформления записей в обеих рукописях тождественны (без доступа к рукописи 1015 мы не можем знать, есть ли в ней другой тип записей с его соответствием в рукописи 1/116, — это вопрос будущего).

Во-вторых, хотя в одесской рукописи 1/116 во вступительной части на л. 2 об. сказано, что в ней поминаются архиепископы, митрополиты, епископы, игумены, иеромонахи и монахини, однако соответствующих мест в основном текстовом корпусе рукописи не обнаруживается, за исключением одного особого списка поминальных имен диаконов (лл. 150–160 об. + 27–38 об.). Поскольку софийская рукопись 1015, как сказано выше, содержит имена архиепископов, митрополитов, епископов, то тем самым обе рукописи как бы восполняют друг друга.

В-третьих, бумага обеих рукописей имеет одну и ту же филигрань *якорь в круге со звездой над якорем*. Сам по себе факт общности филиграней еще не доказывает напрямую единство рукописей — монастырь, скорее всего, попросту приобрел партию бумаги для разных целей своего скриптория (ср. [Селищев 1933: 52–53], где сообщается об активной книжной работе в этом монастыре того периода). Однако в контексте нашего исследования важно указать, что один из двух вариантов кириллических нумераций-сигнатур (наличие особого подписного знака в сигнатуре см. на ил. 1 в Приложении) в тетрадах-кватернионах рукописи 1/116 точно в том же виде представлен в рукописи 1015 (Зубов 2021: 155). Это, по-видимому, значит, что для помянника сразу было подготовлено два комплекта тетрадей, в одном из которых тетради получили особую маркировку (вероятно, во избежание путаницы). Более того, как можно предполагать, первичный экземпляр помянника составляли по более ранним монастырским записям, упорядочивая их, ср. (Селищев 1932: 57). В рукописи 1/116 на это указывает, например, то, что мужской поминальный список, идентифицируемый нами как первичный, оформлен прилежнее в сравнении с его дубликатом в другой части той же рукописи (Зубов 2021: 160–166). Особенно важно в этом отношении обратить внимание на то, что первые семь мужских имен на л. 161 в первичном поминальном списке вписаны с почетным титулом *кир*. Очень маловероятно, что смерти этих достойных монастырского поминания людей случились подряд одна за другой, почему они и могли бы оказаться подряд в помяннике. Скорее всего, эти имена, как замечено выше, были подобраны и вставлены сюда именно из более ранних записей.

Если опираться на приведенную аргументацию, то нельзя обойти вниманием вопрос о датировках обеих рукописей. И. Гергова, идентифицируя филигранные согласно Ш. М. Брике, датирует бумагу рукописи 1015 не ранее 1573 г. (Гергова 2006: 50). Вместе с тем еще раньше мы с Д. С. Ищенко на осно-

вании классификации филиграней Л. П. Лихачева отнесли этот же тип бумаги в рукописи 1/116 к периоду между 1503 и 1578 гг., от которого в Европе сохранилось много рукописей с этим водяным знаком (Ищенко, Зубов 2008: 107). В целом датировка бумаги И. Герговой попадает в нижнюю границу этого диапазона. При этом, как указывает исследовательница, в самой рукописи 1015 прямо написано, что начата она после смерти охридского владыки Паисия — дата смерти между концом 1566 г. и началом 1567 г. (Гергова 2006: 50). В итоге выходит, что дата начала самой рукописи 1015 не может быть старше ее бумаги (1573 год как *terminus post quem*, если принимать датировку И. Герговой), что от кончины архиепископа Прохора до кончины архиепископа Паисия прошло примерно 16 лет и что кончина Прохора вообще чуть ли не на четверть века отстоит от 1573 г. Впрочем, если для филиграней все же принять как *terminus post quem* 1503 год, то это последнее допущение снимается. Тогда можно признать, что помянник начал составляться и немногим ранее, т. е. до 1573 г.

И тем не менее, наше предположение о былом единстве обеих рукописей наталкивается на то возражение, что в рукописи 1/116 имеются две еще более ранние даты — 24 февраля 1544 г. и 16 марта 1548 г. Это значит, что начало рукописи 1/116 оказывается старше начала рукописи 1015 по крайней мере лет на шестнадцать, поэтому по линии прямой преемственной связи текстовые блоки рукописи 1/116 не могут отражать содержания рукописи 1015. С другой стороны, рукопись 1015 содержит более важные для монастыря помянники высшего и среднего духовенства, которые, если полагать умозрительно, должны были бы составляться ранее прочих поминальных списков, но их внутренняя датировка в рукописи 1015 оказывается более поздней, нежели датировка поминальных списков мирян в рукописи 1/116.

Присмотримся, однако, внимательнее ко всем указанным датам. Наиболее ранняя из них в рукописи 1/116 при-

надлежит соборному постановлению о чине поминаения усопших монахов, утвержденному игуменом иеромонахом Игнатием и монастырской братией: *съборно записахмо азъ іеромонахъ Ігнатіа игумень, съ вѣсєю братію* (л. 9). Датируется постановление в его конце особо важным для монастыря днем его небесного покровителя (кстати, это был четверг): *въ лѣт(о) 7052 (= 1544 г.) м(ѣ)сяца ф(евр)ля 24 д(е)нь на обрѣтеніе честніе главы Пр(е)дт(е)чевы. В нед(ѣ)лю сиропустную, а дниктион (= индиктион) 2. Въ д(ѣ)ни тые быс(ть) архіеп(и)скопъ квр Прохоръ* (л. 9 об; ср. ил. 1 в Приложении). А. М. Селищев по поводу этого места рукописи осторожно заметил, что «запись или постановление сделано» было в 1544 г. (Селищев 1933: 50). Верным представляется всё же второе: дело в том, что Прохор Охридский был архиепископом с 1527 или с 1529 г. вплоть до своей кончины в 1550 г. Следовательно, время Прохора видится книжнику в прошлом — *в те дни был архиепископом Прохор*. А это значит, что постановление было составлено, очевидно, в 1544 г., но в помянник переписано уже после смерти Прохора, почему писец и счел нужным дать историческую справку о нем. Что касается собственно церковнославянской аористной формы *бысть*, которая в изначальном виде передает идею становления, появления (сугубо теоретически можно понимать так: *в те дни Прохор стал епископом и продолжает им быть сейчас*), то в данном случае ее семантика под влиянием народно-разговорной стихии уже совместилась со значением аориста *бъ* и имперфекта *беше*¹. Иными словами: для писца время Прохора осталось в прошлом.

Указание на тот же 1544 год находится в рукописи 1/116 еще раз в самом низу листа 7 об., в верхней половине которого расположена запись об обете помощи монастырю кира

¹ Автор выражает благодарность О. В. Трефиловой как за обстоятельную консультацию в истолковании этого места в рукописи, так и за тщательную редакторскую помощь в целом.

Божидара из г. Конюха (Эльбасана), а в свободной части листа кто-то позже оставил несколько коротких строк в виде фрагмента азбуки и упражнения в написании букв. К этому следует еще добавить, что 1543 годом датируется письмо игумену Игнатию от протопопа Луки — это наиболее ранняя документальная дата, касающаяся монастыря св. Иоанна Предтечи, хотя не исключено, что он существовал уже в XIII в. (Селищев 1933: 49–50).

Вторая из указанных выше дат в рукописи 1/116 представлена в конце оглавления помянника (в силу разных давних ревизий рукописи оно оказалось в ее срединной части): *Въ лѣт(о) 7056 (= 1548) м(есяц)а м(а)р(та) 16 (дня) (л. 160)*. По сути (и вопреки киноварному началу *Изоглавлєніє ѿ помѣницѣ* на л. 159) это не оглавление, а вступительное слово, встречающееся и в других помянниках, в том числе и русских, ср. (Селищев 1933: 18).

Из сказанного следует, что канонически необходимые сопроводительные тексты (а не только собственно поминальные списки-синодики) для Слепченского помянника по рукописи 1/116 начали складываться, вероятнее всего, не позже 1544 г., и, очевидно, эта работа продолжалась еще в 1548 г. при жизни как игумена Игнатия, так и архиепископа Прохора. В то же время имя Прохора находим вписанным первой строкой в поминовение епископов в Слепченском кодексе по рукописи 1015. Здесь же в третьей строке видим имя упомянутого выше Паисия (Гергова 2006: 50, 51).

В итоге, если опираться на указание, что помянник по рукописи 1015 начал составляться не ранее начала 1567 г., то надо полагать, что имя Прохора, умершего примерно за 16 лет до этого, внесено сюда из какого-то более раннего поминального списка как отправная точка. И это не случайно: как известно из церковной истории, архиепископу Прохору принадлежит знаковое место в жизни Охридской архиепископии. Тогда даты 1544, 1548 и 1550 гг. могут знаменовать некую особо важную веху в работе над помянниками в мона-

стыре св. Иоанна Предтечи. Вместе с тем становится ясно, что рукопись 1/116 стала составляться всё же после 1550 г., имея вероятный *terminus post quem non* начало 1567 г. В этом смысле предположение о том, что сегодня рукописи НБКМ 1015 и ОННБ 1/116 представляют собой своеобразное смешение оригинала одной из поминальных книг и ее копии, не лишено оснований. Остается надеяться, что более тщательное сличение обеих рукописей в будущем если и не подтвердит это предположение, то всё же позволит более глубоко понять несомненные связи обеих рукописей и сам характер книжной работы в Слепченском монастыре в XVI в. Это особенно важно в свете той научной работы, которая ведется сегодня в монастыре с целью реконструкции и сбережения его культурного наследия.

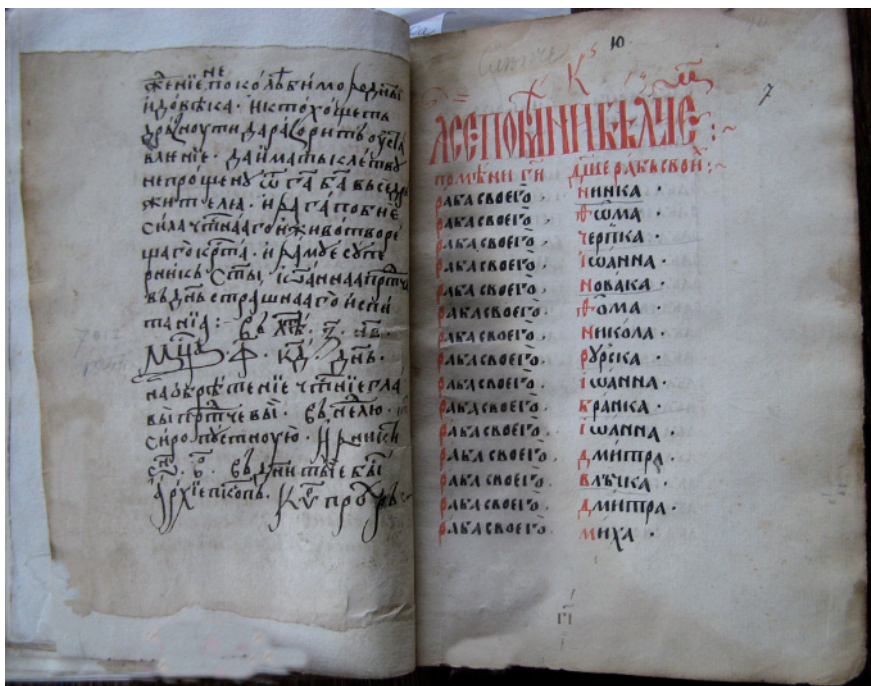
Литература

- Антонин 1879 — *Антонин [Капустин], архим.* Поездка в Румелию. СПб., 1879.
- Гергова 2006 — *Гергова И.* Поменици от Македония в български сборки. София: Акад. изд-во «Проф. Марин Дринов», 2006.
- Григорович 1848 — *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.
- Иванов 1970 — *Иванов Й.* Български старини из Македония. София: БАН, Изд-во наука и изкуство, 1970.
- Ищенко, Зубов 2008 — *Ищенко Д. С., Зубов М. I.* Рукописи південнослов'янського походження в зібранні Одеської державної наукової бібліотеки ім. О. М. Горького: стан і перспективи дослідження // Мовознавство. 2008. № 2–3. С. 103–110.
- Зубов, Ищенко 2011 — *Зубов Н. И., Ищенко Д. С.* Антропонимия Слепченского помянника XVI–XVII ст. // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 209–211.
- Зубов 2021 — *Зубов Н. И.* О кодикологических особенностях одесской рукописи Слепченского помянника XVI–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 151–178.
- Селищев 1933 — *Селищев А. М.* Македонские кодексы XVI–XVIII веков: Очерки по ист. этнографии и диалектологии Македонии. София: Изд. Македонского научного института, 1933.

Two Manuscripts of the Slepchensky Codic of the 16th Century from Macedonia

The report is devoted to a comparative analysis of two manuscripts of commemorative books of the 16th century from the monastery of St. John the Baptist in Macedonia: manuscript CMNL 1015 in Sofia and manuscript ONSL 1/116 in Odessa. Both manuscripts are supposed to presumably represent one monument of ancient writing made in two copies. Over time, the original variant and the copy were chaotically mixed up and ended up in different museum collections of the two countries — Bulgaria and Ukraine.

Приложение

Ил. 1. Рукопись ОННБ 1/116. Л. 9 об. — 10

Ил. 2. Фрагмент л. 10 рукописи НБКМ 1015.
 Фото с обложки книги (Гергова 2006)

П. Женюх (Братислава, Словакия)

Современные полевые исследования литургического языка словаков византийско-славянской традиции¹

Специфическую часть исследований лингвокультурного сознания общества представляют вопросы адаптации литургического языка к национальному языку. Этой проблематике необходимо уделить внимание в контексте использования церковнославянского языка в среде словацких христиан византийского обряда. При исследовании особенностей использования церковнославянского литургического языка мы исходим из того, что языковое сознание словацких греко-католиков и православных представлено устной формой языка, т. е. словацким языком в его литературной или диалектной форме. Именно литературный и диалектный варианты словацкого языка представляют собой средство коммуникации, с помощью которого можно объясниться во всех областях повседневной жизни. В качестве носителя лингвокультурного самосознания не принимаются различные варианты церковнославянского литургического языка, так как используемый литургический язык указывает прежде всего на конфессиональную принадлежность говорящего (Женюх 2017: 35–36).

О проблематике использования церковнославянского литургического языка в словацкой языковой среде уже существует несколько статей, которые были написаны в связи с исследованиями кириллических письменных памятников (Шашерина 2020: 494–498). Отдельное место занимают этнолингвистические работы, документирующие прежде всего культурно-религиозные аспекты отражения словацкого

¹ Работа выполнена при поддержке гранта VEGA 2/0002/21.

культурного сознания в кириллической письменной культуре под Карпатами (Женюхова, Китанова, Женюх 2017; Женюх 2019а).

Материалом для создания описания словацкого варианта литургического церковнославянского языка являются звукозаписи, полученные в ходе полевых исследований от респондентов из Восточной Словакии, посещающих богослужения на церковнославянском языке и использующих этот язык в личных молитвах. Нам удалось записать несколько часов личных молитвенных чтений, также были сделаны записи литургий. При анализе полученных звукозаписей из экспедиций 1999–2021 гг. можно отметить особенности используемого церковнославянского литургического языка на фонетическом и морфологическом уровнях; эти данные подтверждаются анализом языка кириллических письменных памятников из Восточной Словакии. Следует также добавить, что полученные записи сделаны в различных диалектных областях Восточной Словакии. Речь идет прежде всего об областях Южного и Среднего Земплина, некоторых областях Шариша и Спиша и о нескольких деревнях в регионе Гемер и Абов. Особенно интересен материал, полученный в Ужском комитате, он имеет значение для последующих этнолингвистических исследований (Валенцова 2020: 41–50; Узенёва 2013: 59–68).

Необходимо добавить, что в словацких греко-католических храмах позволено проведение богослужений и на словацком языке. Литературный словацкий язык в качестве литургического применяется в Словакии с 1968 г. В то же время церковнославянский язык не утратил своей роли официального языка богослужений и литургических обрядов греко-католиков и православных в Словакии. Использование литературного словацкого языка в литургическом процессе греко-католической церкви обусловлено постановлением Второго Ватиканского собора, которое позволяет совершение литургии на национальном литературном языке для

всех последователей католической церкви вне зависимости от принадлежности к обряду (латинскому или византийскому). Это правило распространяется на греко-католическую церковь в Словакии, в которой литературный словацкий язык стал неотъемлемой частью процесса богослужения. Эта практика обоснована потребностью прихожан в полной мере понимать богослужебные тексты своей церкви. Для этого наиболее подходит именно современный многофункциональный литературный язык, который приспособливается к актуальным потребностям пользователей литургического языка на всех его уровнях (Доруля 2017: 19–20).

Отдельного внимания заслуживает вопрос выбора редакции церковнославянского языка, который используют словацкие последователи византийского обряда в личных молитвах и при пении богослужебных и литургических текстов. Обычно при анализе особенностей языка богослужения словацкой греко-католической и православной церкви говорится об украинской редакции церковнославянского языка. Остается открытым вопрос, в какой мере ее используют именно словаки византийско-славянского обряда, у которых нет украинского или русинского языкового сознания.

На адаптацию церковнославянского литургического языка влияет использование живых местных диалектов. Необходимо принимать во внимание также отношение пользующихся церковнославянским языком к литературному словацкому языку, особенно это касается верующих младшего и среднего поколений. Именно диалектные особенности и влияние литературного словацкого языка обуславливают функционирование местного словацкого варианта литургического церковнославянского языка. Литургическую форму или редакцию литургического церковнославянского языка изначально определяет орфоэпическая составляющая, системная звуковая основа используемого национального языка. В устной речи (при декламации или пении молитв и литургических гимнов) церковнославян-

ский язык адаптируется к особенностям звуковой системы национального языка, поэтому можно говорить о влиянии национальной языковой среды и самосознания носителей языка на литургическую форму церковнославянского языка. С этим связано и возникновение отдельной национальной языковой редакции литургического церковнославянского языка, которая реализуется в связи с определенной языковой средой (например, болгарской, русской, украинской, сербской и др.).

К важным моментам при становлении местной редакции церковнославянского языка определенно относится и восприятие литургического языка как культурного наследия, объединяющего всех представителей христианской церкви византийского обряда в Словакии без различия их этнической или языковой принадлежности. Специфичными, однако, остаются языковые особенности, которые проникают в церковнославянский язык из языкового узуса или сознания верующих (Кравецкий 1999). К ним относятся прежде всего языковые явления, которые в живой народной речи или в литературном словацком языке являются естественными и системными (Женюх 1999б; 2000). Богослужение наряду с местными вариантами редакции литургического языка²

² Церковнославянский язык в среде исторической Мукачевской епархии под Карпатами (речь идет о территории сегодняшней Закарпатской области Украины, прилежащих областей в северо-восточной части Венгрии и Румынии, но прежде всего о территории целой Восточной Словакии) без различия этнического происхождения его пользователей (словаки, русины, украинцы, румыны, венгры) использовался не только в многочисленных памятниках письменности, например в специальной литературе, в среде административной письменности, в образовательных целях и при подготовке священнослужителей. В язык таких литературных памятников проникали явления из народного языка. В среде исторической Мукачевской епархии под Карпатами постепенно возникла форма письменного языка, которая использовалась в целом спектре кириллических письменных и литературных памятников.

и кириллической письменностью³ является символом единства конфессионального самосознания греко-католиков; вместе они воспринимаются как проявление преемственности местной церковной традиции.

Местная форма церковнославянского языка, основанная на украинском варианте восточнославянской редакции церковнославянского языка, представляет собой уникальный компонент литургического языкового сознания словацких греко-католиков и православных. Для нее характерны языковые элементы, проникшие в литургический церковнославянский язык из словацкой языковой среды. Приведем тут хотя бы несколько примеров явлений, типичных для словацкого варианта церковнославянского языка, например: неразличение [и] и [ы] при реализации гласных, записанных графемами и, ы, і, ї, v. Смягчение согласных [л], [н] перед фонемами «и» и «е», которые на письме передаются графемами *и* и *ε*; в украинской редакции смягчения в такой позиции не происходит. Спорадически наблюдается также смягчение согласных [д], [т] перед фонемами «и» и «е». Можно отметить произношение *ь* как смягчающего [і], известное в восточнословацких и русинских диалектах, реализация *ь*

³ Использование кириллицы в качестве графической системы не имеет ничего общего с этническим самосознанием его пользователей. Кириллическое письмо играет роль атрибута конфессиональной идентификации. Письмо — это графическая система, с помощью которой записываются реализованные фонемы (звуки) речи. В то же время оно имеет и определенную культурно-идентификационную функцию, особенно в связи с историко-конфессиональным развитием. Кириллическая графическая система в словацкой конфессиональной среде понимается как проявление самосознания, связанного с византийско-славянской религиозной и обрядовой традицией. В качестве примера подобного явления можно привести швабах, графическую систему, которая долгое время была характерна для словацких протестантов. Словацкие верующие византийского обряда воспринимают кириллицу как сакральный атрибут, символ, знак своей религиозной традиции и конфессионального самосознания.

как [e] практически регулярно встречается в местоимениях типа *тебѣ, себѣ* — [тебе], [себе], причем в соответствии с процессами, характерными для восточнословацкого диалектного ареала, не происходит смягчения согласного [т]: в таких позициях здесь предполагается ассимиляция $t' > [c]$, $d' > [z]$. Также можно отметить передвижение ударения на предпоследний слог в соответствии с состоянием в восточнословацких диалектах. Встречаются причастия прошедшего времени на *-л* вместо церковнославянского на *-ѣ*, а также использование окончания *-ого* вместо цсл. *-аго* и т. п. Такие изменения отмечаются и в кириллических церковнославянских письменных памятниках, которые возникли в восточнословацкой среде.

Приспособление церковнославянского языка к местному языку — это необратимый, долговременный и постоянный процесс, который невозможно остановить; свое начало он берет в период распространения византийско-славянской традиции в восточнословацкой языковой и культурной среде.

Литература

- Доруля 2017 — *Doruľa J.* Bibličtina // Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií / eds. P. Žeňuch, P. Zubko, S. Vašíčková. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV: Slovenský komitét slavistov, 2017. S. 13–20.
- Кравецкий 1999 — *Кравецкий А. Г.* Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой / ред. Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова. Москва: Индрик, 1999. С. 228–242.
- Шашерина 2020 — *Šašerina S.* K problematike výskumu a publikovania písomných pamiatok // *Slavica Slovaca*. 2020. Vol. 55. № 3. S. 494–498.
- Узенёва 2013 — *Uzeňova E. S.* Slovenská ľudová tradícia v kontexte terénnych etnolingvistických výskumov Karpát a Balkánu // *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach* / eds. P. Žeňuch, E. Uzeňova, K. Žeňuchová. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV: Slovenský komitét slavistov: Zemplínske

- múzeum v Michalovciach: Институт славяноведения РАН: Кирило-Методиевский научен център към БАН, 2013. S. 59–68.
- Валенцова 2020 — *Valencovová M.* Súčasné terénne výskumy ruských etnolingvistov na Slovensku a otázka dynamiky hodnotenia a hodnôt // *Etnolingvistický výskum na Slovensku. Súčasný stav a perspektívy / zost. K. Žeňuchová.* Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2020. S. 41–50.
- Жеңюхова, Китанова, Жеңюх 2017 — *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky / eds. K. Žeňuchová, M. Китанова, P. Žeňuch.* Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV: Slovenský komitét slavistov; София: Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин» при БАН, 2017. 320 s.
- Жеңюх 2017 — *Žeňuch P.* Cirkevná slovančina slovenských veriacich byzantského obradu // *Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií / eds. P. Žeňuch, P. Zubko, S. Vašíčková.* Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV: Slovenský komitét slavistov, 2017. S. 21–36.
- Жеңюх 2019a — *Pohľady do problematiky cyrilskej písomnej tradície na Slovensku / P. Žeňuch a kol.* Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV: Slovenský komitét slavistov: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2019. 192 s.
- Жеңюх 2019b — *Žeňuch P.* Cirkevná slovančina gréckokatolíkov na prelome 18. a 19. storočia v kontexte vzniku Prešovskej eparchie // *Gréckokatolícka cirkev na Slovensku vo svetle výročí. 5 / ed. Jaroslav Coranič.* Prešov: Prešovská univerzita, Gréckokatolícka teologická fakulta, 2019. S. 51–60.
- Жеңюх 2020 — *Žeňuch P.* Poznámky o jazyku prameňov byzantsko-slovanského obradu v slovenskom prostredí // *Philologia.* 2020. Vol. 30. № 1. S. 197–212.

Actual Field Research in the Liturgical Language of Slovaks of the Byzantine-Slavic Tradition

The paper focuses on the issue of the existence of the Slovak variant of the Church Slavonic language. The cultural-historical and linguistic specifics of the liturgical language forms are pointed out. The author obtained the research findings on the liturgical Church Slavonic of Slovak believers of the Byzantine rite during several years of field research.

DOI: 10.31168/0459-6.13

А. Г. Кречмер (Вена, Австрия)

История славян в «Славяносербских хрониках» Георгия Бранковича

Для исследования текстового наследия поздней Православной Славии и процессов перехода к культурной парадигме Нового времени нами был разработан интердисциплинарный подход (Kretschmer 1989; 1998), при котором рассматриваются все характеристики конкретного текста — лингвистические, текстуальные, культурологические, социокультурные и этнолингвистические. Это позволяет реконструировать не только язык, но и сознание человека и общества, их видение мира, ср. (Кречмер 2012; Kretschmer 2009). Корпус представлен частной перепиской поздней Московской Руси и петровского времени, ср. (Кречмер 2009; 2018), «Славяносербскими хрониками» (ср. [Бранковић 2008; 2011]) и образцами славяносербской письменности (ок. 1760–1850 гг.; ср. [Кречмер 2007; 2008; Kretschmer 2012a, 2012b]).

Здесь будут на материале историографического труда Георгия Бранковича (ок. 1645–1711) показаны представления сербов на рубеже XVII–XVIII вв. о происхождении славян, их этно- и глоттонимах. К личности и труду Бранковича в полной мере можно отнести высказывание А. А. Алексеева о том, что «историческая действительность не имеет прерывов» и что «новый период начинают те же люди и те же тексты, которые завершают старый» (Алексеев 1993: 240). Тематический и временной охват «Хроник» весьма широк — от эпохи раннего христианства и истории Византии и до событий сербской истории конца XVII в. В них наряду с систематической презентацией истории сербов и их соседей немало внимания уделяется истории раннего христианства, древней истории славян, славянскому этно- и глоттогенезу.

Бранкович широко опирается на авторитетные источники, от Античности и до современных ему авторов, представ-

ляет разные точки зрения на определенные темы и вопросы, оставаясь практически всегда объективным хронистом. Безусловно, он не был профессиональным историком, труд его во многом основан на компиляции. Но следует учитывать глобальный культурный контекст, в котором формировался автор «Хроник». Письменная культура Православной Славии была почти полностью сакральной, светская письменность, наука представлены в ней лишь маргинально. Секуляризация культуры начинается поздно и с большим временным отрывом в разных частях этого культурного ареала.

Автор «Хроник» был широко образованным человеком. Сходный уровень знаний в рамках Православной Славии его времени можно найти, видимо, лишь у восточнославянских книжников Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. И в том и в другом случае речь идет о православном славянском миноритарном социуме в мажоритарном европейском культурном окружении в ситуации продолжительных языковых, этнических, конфессиональных и культурных контактов.

Как видел историю славян, их языков, их расселения в Европе ученый серб в конце XVII в., будет показано на примере нескольких отрывков из первой книги «Хроник»¹.

(I/8–53)² <...> Биондо Флавио <...> описывая время императоров Аркадия и Гонория, упоминает славян и то, что они впоследствии расширили свои земли, завоевав у римских императоров Мизию, Дакию, Паннонию, Дарданию, Либурнию, Далмацию, Иллирию, Истрию и некоторые другие государства на севере, как, например, Македонию, Фракию, Эпир, Грецию и Италию, и разорили их. <...> Со временем они <...>

¹ Примеры приводятся в нашем переводе (и пунктуации) с максимальным приближением к языку и стилю оригинала.

² Римскими цифрами обозначена соответствующая книга «Хроник», арабскими страница рукописи. В квадратных скобках даются необходимые для лучшего понимания вставки, многоточием обозначены пропущенные фрагменты текста.

заняли почти половину Европы и часть Азии. В этом славянском народе есть и поныне особенно великие и сильные — те, кого называют русы, волыны, москвы, болгары, роксоланы, как и фракийцы, сербы, бошняки, карантанцы, хорваты и те, что владеют Далмацией, Иллирией, Истрией и Венгрией и горами. Им в особой степени соответствует имя славян или славных. Есть и такие, которые проживают на море и на островах, их называют вендами, а греки называют их энетами — по свидетельству Аполлония и Ливия. Некоторые считают, что они пришли из Савроматии, другие — что из Пафлагонии. Проходя через Ливонию и Пруссию, они захватили территории вандалов и там поселились — это те, кого называют венедями или энетами. О них обо всех пишет в своей «Славянской Хронике» Гельмольд. Тех же, кто живет у Немецкого океана, на реках Сале и Эльба (оставшихся и по сей день славянами) немцы называют винде или венды. О разных их разделениях, именах и народах сообщает Видукинд.

<...> Суммируя сказанное — славянский народ происходит от самого Иафета, которого греки называют Япетом, сына Ноева, — как о том пишут те, кто описывает историю ляхов и чехов.

<...> По свидетельству Меланхтона в 1-й книге его хроники, имя сербы произошло от савроматийского. Под савроматами же подразумеваются все народы, которые проживают в европейских и азиатских степях, где стекаются реки Танаис и Днепр. Они образуют три больших народа — русов или москвалей, ляхов и литовцев — так свидетельствует Георг Хорн в своей истории. <...> А немцы называют сербов сорабы и сорбы и зорбек — все эти народы проживали у Миотийского озера — где и поныне простирается Московская земля до этого Миотийского озера. <...>

Переходим к рассмотрению вопроса о происхождении названий славяне и славные. <...> Об этимологии названия славян — изначально название это происходило от слова, т. е. языка <...>. Когда же они одержали славные победы над Римом и всяческими народами, они стали называть себя славными и продолжают поныне называться этим именем

славные в западных и северных областях. А в восточных и южных землях они сохраняют имя словесных или словен — поскольку язык требует тут сокращения на один звук, что и лучше согласуется с этимологией, чем у греков и у некоторых итальянцев. <...> Они обычно говорят склави и склавины. Мы же <...> по происхождению нашего отечества считаем первичным именем нашим название словесные или словены.

<...> И так по делам своим они приняли себе славяно-славное имя от превеликой славы.

<...> Затем они распространились по Европе и называли себя по-славянски гости, в насмешку над теми, кого они победили и чьи земли завоевали. Этих гостей греки <...> называли скифскими готами, как и римляне. <...> А все эти вышеупомянутые народы были в союзе с болгарами, сербами, фракийцами и роксоланами и поселились позднее как гости во Фракии, Македонии и во всей Иллирии и подчинили их себе. Также и те славяне, которые населяли савроматийские горы, как гости поселились сначала в Ливонии и Пруссии, а затем те же славянские гости заселили Вандалию <...>.

Подобного рода исследования сохранившегося текстового материала могли бы помочь в реконструкции мировоззренческой парадигмы поздней Православной Славии и ликвидации немалочисленных еще существующих лакун в наших знаниях о ней.

Литература

- Алексеев 1993 — Алексеев А. А. Внутренняя хронология русского литературного языка // *Philologia Slavica* (к 70-летию академика Н. И. Толстого) / РАН, Отд-ние литературы и языка, Отд-ние истории, Ин-т славяноведения и балканистики; ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1993. С. 238–244.
- Бранковић 2008 — Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске = Славяно-сербские хроники / Српска академија наука и уметности приред. А. Кречмер; уред. Н. Стипчевић. Београд: Српска академија наука и уметности (САНУ), 2008. (Критичка издања српских писаца; 7).
- Бранковић 2011 — Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске. Књ. 2 / Српска академија наука и уметности; приред. А. Кречмер. Београд: Српска

- академија наука и уметности (САНУ), 2011. (Критичка издања српских писаца; 8).
- Кречмер 2007 — *Кречмер А.* Славеносрпска писменост и њено значење за историјску србистику // Шездесет година института за српски језик САНУ. Зборник радова. 1. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 313–320.
- Кречмер 2008 — *Кречмер А.* Смена културној парадигми в зеркале славјаносербској письменности // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика = Ethnolinguistic explorations of the Serbian and other slavic languages: у част академика Светлане Толстој / уред. П. Пипер, Ј. Раденковић. Београд: Српска акад. наука и уметности, Одб. за савремени српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија, 2008. (Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија = The Serbian language in the light of current linguistic theory / Српска акад. наука и уметности, Од-ње језика и књижевности; књ. 3). С. 187–197.
- Кречмер 2009 — *Кречмер А.* Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. Категория родства в языке и культуре / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. (Б-ка Ин-та славяноведения; 16). С. 36–56.
- Кречмер 2012 — *Кречмер А.* Картина мира Православной Славии накануне Нового времени (на русском и сербском материале) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г. / Уральский гос. ун-т; отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 29–30.
- Кречмер 2018 — *Кречмер А.* Макро- и микромир русского человека поздней Московской Руси (на материале частной переписки) // In honorem: сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна / под ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожинной. Минск: РИВШ, 2018. С. 133–145.
- Kretschmer 1989 — *Kretschmer A.* Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slaveno-serbischen Schriftums). München: Otto Sagner, 1989. (Slavistische Beiträge; Bd. 241).
- Kretschmer 1998 — *Kretschmer A.* Zur Geschichte des Schriftrussischen Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts. München: Peter Lang International Academic Publishing Group, 1998. (Specimina Philologiae Slavicae; Suppl.-Bd. 62).
- Kretschmer 2009 — *Kretschmer A.* Человек за письмом (русский человек Петровского времени в частной переписке) // Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation = Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация:

Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter / hrsg. von J. Besters-Dilger, F. B. Poljakov. Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, 2009. (Русская культура в Европе = Russian culture in Europe, vol. 1). S. 267–287.

Kretschmer 2012a — *Kretschmer A.* Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der Slavia Orthodoxa // An den Anfängen der serbischen Philologie. «Salo debeloga jera libo azbukoprotres» von Sava Mrkalj (1810–2010) = На почецима српске филологије. «Сало дебелога јера либо азбукопротрес» Саве Мркаља (1810–2010) / hrsg. von G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka. Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, 2012. (Philologica Slavica Vin-dobonensia; Bd. 1). S. 21–47.

Kretschmer 2012b — *Kretschmer A.* Šta bi bilo da nije bilo Vuka? // An den Anfängen der serbischen Philologie. «Salo debeloga jera libo azbukoprotres» von Sava Mrkalj (1810–2010) = На почецима српске филологије. «Сало дебелога јера либо азбукопротрес» Саве Мркаља (1810–2010) / hrsg. von G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka. Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, 2012. (Philologica Slavica Vin-dobonensia; Bd. 1). S. 281–285.

Slavs and their History in the “Slavoserbian Chronicles” by G. Branković

This paper deals with the methods and possibilities which older literature can offer for investigations of the worldview reflecting times long passed. Such an approach is presented here at the example of the “Slavoserbian Chronicles”, written by G. Branković about 1700 — with regard to the origin of Slavs and their names.

DOI: 10.31168/0459-6.14

И. В. Вернер (Москва, Россия)

Супин в чешских библейских переводах эпохи национального возрождения (вторая половина XIX в.)

Древнечешский супин, унаследованный от общеславянского образования на *-tъ*, имел в отличие от последнего некоторые особенности формообразования и синтаксического

функционирования (Sukač, Šefčík, Dufková 2014: 6–7). Прежде всего, для древнечешского языка характерны формы супина только от глаголов несовершенного вида, отличавшиеся от инфинитива на *-ti* краткостью корневого гласного у односложных глаголов (*brat, spat, dat* vs. *bráti, spáti, dáti*) и отсутствием перегласовки *'a/ä* в *ě* перед твердым согласным (*ležat, večeřat* vs. *ležěti, večeřěti*). Так же, как и в старославянском, чешский супин в отличие от инфинитива управлял родительным падежом, а не винительным (*jdu lovít ryb* — *lovítí ryby*). Конкуренция супина и инфинитива в целевых глагольных конструкциях, поддержанная сокращением синтаксических функций родительного падежа и его заменой винительным, отмечается уже в письменных памятниках XIV в. (Gebauer 1909: 80). Этому способствовало и формальное совпадение супина с инфинитивом, утратившим конечный гласный и пережившим отвердение *-t*. На протяжении XIV–XV вв. в письменных памятниках встречаются контаминированные конструкции, в которых с инфинитивом употребляется генетив зависимого имени (типа *jdu plnítí zákona*), а с супином — аккузатив (*jdu naplnít zákon*). К XVI в. чешский супин становится редким архаизмом и исчезает из письменных текстов. Однако в диалектах его присутствие отмечается вплоть до XX в. (Travníček 1935: 384–385).

В эпоху чешского национального возрождения супин снова появляется в литературном языке и сразу же получает характеристику искусственного и во многом ошибочного уподобления древним формам, используемого без всякой необходимости (Gebauer 1888: 104). Однако масштаб распространения этой формы во второй половине XIX в. довольно значителен и показателен в свете представлений о норме литературного языка, а особенно одного из его функциональных стилей — языка Библии и Священного Писания.

В эпоху национального возрождения на протяжении всего XIX века чешский библейский язык был объектом

приложения переводческих и лингвистических усилий католического духовенства: в отличие от некатолических изданий (начиная со второго издания Кралицкой Библии 1596 г.), носивших название *Bibli svatá* и имевших широкое распространение, католические переводы (в XVII — начале XX в. имевшие титул *Bibli / Bible česká*) гораздо позднее входят в обиход домашнего чтения, тогда как в служебном церковном обиходе, за исключением проповедей, используется латынь (Komárek 2017: 75). «Устроение» чешского библейского языка выступало одной из филологических составляющих национального возрождения середины — второй половины XIX в.

Большинство католических библейских изданий XIX в. основывались на версии текста Библии, опубликованного в 1804 г. Ф. Ф. Прохазкой, который, в свою очередь, при редактировании исходил из перевода католической Святовацлавской Библии, но также привлекал некатолическую Кралицкую Библию, греческий и еврейский тексты. Издание Прохазки было положено в основу Консистерной Библии под редакцией Я. Крбца 1851 и 1857 гг., Библии 1860–1864 гг. под редакцией И. А. Френцла и Я. Ф. Десолды, Библии св. Иоанна 1888–1889 гг. под редакцией В. Штульца и А. Ленца, Золотой Библии 1884–1894 гг. под редакцией К. Борового, Я. Дрозда и Й. Киселки. Изданная в 1862–1865 гг. Библия под редакцией Ф. С. Бездеки представляла собой редакцию Кралицкой Библии с незначительными изменениями (Dittmann 2012: 315–330). Особняком от так называемой «главной линии» чешских библейских изданий XIX в. стоит перевод Нового Завета Ф. Сушила с толкованиями 1864–1872 гг. (*Suš*), а также два известных на сегодняшний день новозаветных перевода, выполненных с привлечением церковнославянского текста: Новый Завет Ф. Новотного 1810 г. (*Nov*) (Bartoň, Dittmann 2018) и Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. (*Apr*) (Вернер 2018). Объектами настоящего исследования являются последние три текста, а также Биб-

лия Ф. Ф. Прохазки 1804 г. (*Pro*) и Библия И. А. Френцла — Я. Ф. Десолды 1860–1864 гг. (*Des*), отличающаяся от остальных изданий «главной линии» католических переводов наибольшим объемом исправлений.

Супин присутствует во всех перечисленных текстах, однако распространенность его форм и их статус существенно различны, как показывает сравнение всех переводов в объеме Евангелия от Иоанна (единственного на сегодняшний день изданного текста *Nov*). Так, в *Pro* супин встречается лишь спорадически как остаточный архаизм и употребляется всего дважды: 21:3 *jdu* (*pŕjdu*) *ryb lovit*; 4:7 *přišla žena* <...> *vážit wody*. В *Des* супин встречается помимо этих случаев также еще в следующих стихах: 1:33 *poslal mne křtít*; 4:15 *aniž chodila sem vážít*; 4:33 *zdali mu kdo přinesl jíst*; 4:38 *Jáť jsem vás poslal žít*. В *Suš* присутствуют все перечисленные формы супина (лексемы в некоторых случаях отличаются), а также форма в 14:2: *jdu pŕipravit vám místa*. Последний пример является одной из двух форм супина в Евангелии от Иоанна в переводе *Nov* (вторая форма отмечена в 4:7). В объеме Евангелия от Иоанна *Suš* насчитывает максимальное относительно остальных изданий число употреблений супина; всего на одну форму меньше встречается супин в *Des*. Тексты *Nov* и *Apr*, несмотря на использование церковнославянских источников, ненамного превосходят *Pro* в употреблении супина; его присутствие в этих переводах не мотивировано непосредственно церковнославянскими текстами (Бартонь 2018: 190; Вернер 2018: 106–107).

Более частотны формы супина в Евангелии от Матфея. Так же, как и в тексте Евангелия от Иоанна, чаще всего супин употребляется в *Suš*, а также в *Des*: 2:2 *přijeli jsme poklonit* (= *Des*) *se jemu*; 5:17 *že jsem přišel zrušit* (*Des rušit*) *zákona anebo proroků, nepřišel jsem zrušit* (*Des rušit*), *nébrž naplnit* (= *Des*); 8:29 *přišel jsem před časem trápit* (= *Des*) *nás*; 10:34 *pokoj přišel pustit* (*Des poslat*) *na zem*; 10:35 *přišel jsem zajisté rozloučit* (*Des rozdělit*) *člověka proti otcí jeho*;

27:49 přijde-li Eliaš vysvobodit (= *Des*) Ho; 9:13 nepřišel jsem povolat (= *Des*) spravedlivých; 18:11 přišel Syn člověka spasit (= *Des*); 18:12 zdaliž <...> nejde hledat (= *Des*) zbloudilé. Меньшая часть форм супина в *Suš* соответствует целевым конструкциям с формами кондиционала в *Des*: 28:8 běžíce zvěstovat (*Des* aby <...> zvěstovaly) učeníkům; 12:42 přijela <...> uslyšet (*Des* aby slyšela); 14:23 vstoupil na horu sám pomodlit se (*Des* aby se modlil); 24:18 nevrát se zpět vzít roucha svého (*Des* aby vzal); 26:55 vyšli jste s meči a kyjmi pojit mne (*Des* abyste mne jali); 22:3 poslal služebníky své povolat (*Des* aby povolali) pozvaných na svatbu; 20:1 vyšel <...> najmout dělníků (*Des* aby najal).

Супин в *Suš* образуется от глаголов как несовершенного, так и от совершенного вида, причем последних форм существенно больше: *poklonit*, *zrušit*, *pustit*, *rozloučit*, *pomodlit*, *vzít*, *pojit*, *vysvobodit*, *povolat*, *uslyšet*, *naplnit*, *zvěstovat*, *trápit*, *hledat*. *Des* использует формы от глаголов совершенного вида несколько меньше и уступает *Suš* в количестве супина за счет синонимичных по значению конструкций с кондиционалом. В обоих текстах супин употребляется при широком круге глаголов движения, супин от переходных глаголов — только с генетивом зависимого имени.

Использование супина в *Des* и особенно в *Suš* имеет, несомненно, маркированный характер. Оба текста, опубликованные почти одновременно в 1860-х гг., объединяют также переводческая и языковая стратегии их редакторов. И *Des*, и *Suš* опираются на широкий круг источников, среди которых не только Вульгата, но и греческий, еврейский, старшие чешские переводы, а также церковнославянский. Оба издания были подготовлены под знаком возвращения к общеславянскому кирилло-мефодиевскому наследию и приурочены к широко отмечавшемуся в 1863 г. тысячелетнему юбилею Моравской миссии. Активным сторонником и пропагандистом кирилло-мефодиевской идеи был священник и богослов Ф. Сушил, один из организаторов журнала

«Кирилл и Мефодий» в Оломоуце и общества «Наследие св. Кирилла и Мефодия» в Брно. В языковом отношении эти тексты руководствуются, с одной стороны, принципом *ad fontes* в целях максимальной точности перевода с латыни, с другой — пиететом по отношению к синтаксическим и лексическим формам чешского библейского языка XVI в., а в некоторых случаях и более ранних чешских переводов. Сочетание буквализма перевода и архаичных языковых средств делает язык этих библейских изданий значительно дистанцированным от живого чешского языка XIX в. и иногда не вполне доступным для рядового читателя (Komárek 2017: 76–79).

Некоторую дистанцию от общелитературного чешского языка демонстрирует перевод Ф. Сушила и в отношении супина: при пересказе евангельских стихов в своих толкованиях Сушил зачастую заменяет формы супина на иные конструкции. Ср. комментарий к Мт. 2:2: *přišli jsme, praví, abychom se poklonili Jemu*; Мт. 14:23 *dí, aby se na hore modlil o samotě*; Мт. 9:13 *přišel pro hříšné, aby je ku pokání uvedl*; Ин. 4:33 *Zda Mu někdo jídla přinesl*; Ин. 14:2 *an dí: Nebo jdu, abych vám připravil místo*. Формы супина, таким образом, являются принадлежностью библейского языка и стиля.

Присутствующий в библейских текстах супин образован строго по правилам древних форм, исключение составляет лишь их распространение на глаголы совершенного вида в *Suš.* Однако для знатока старославянского языка Ф. Сушила такое формобразование могло быть оправданно большей древностью и исконностью старославянского супина, допускавшего как совершенный, так и несовершенный вид. Как показывают переводы *Nov* и *Apr*, использовавшие церковнославянские источники, супин был не текстовым заимствованием, но средством искусственной архаизации высокого библейского стиля, инспирированным старочешскими переводами и стилистическими предпочтениями католических переводчиков и редакторов второй половины XIX в.

Литература

- Бартоň 2018 — *Бартоň Й.* Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи) // Slověne = Словѣне. 2018. Vol. 7. № 2. С. 179–198.
- Вернер 2018 — *Вернер И. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 94–109.
- Bartoň, Dittmann 2018 — *Bartoň J., Dittmann R.* Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže — edice Janova evangelia. Praha: Scriptorium, 2018.
- Dittman 2012 — *Dittmann R.* Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici. Olomouc: Refugium, 2012.
- Gebauer 1888 — *Gebauer J.* České supinum // Listy filologické. 1888. Roč. 15. Č. 2. P. 100–105.
- Gebauer 1909 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl 3. Sv. 2: Tvarosloví. Časování. Praha: F. Tempský, 1909.
- Sukač, Šefčík, Dufková 2014 — *Sukač R., Šefčík O., Dufková K.* K původu a fungování staročeského supina // Linguistica Brunensia. 2014. Roč. 62. Č. 2. P. 5–15.
- Trávníček 1935 — *Trávníček F.* Historická mluvnice československá: úvod, hláskosloví a tvarosloví. Praha: Melantrich, 1935.
- Komárek 2017 — *Komárek K.* České katolické bible 2. pol. 19. století: poslední fáze před zlomem v tradici // Bohemica Olomucensia. 2017. Roč. 9. Č. 2. P. 72–87.

Supine in Czech Biblical Translations of the National Revival Period (second half of the 19th century)

The paper deals with the use of supine in the catholic biblical translations of the Czech National Revival as a means to archaize the high biblical style, inspired by old Czech translations and stylistic preferences of the catholic translators and editors in the second half of the 19th century.

**ЭТИМОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Ж. Ж. Варбот (Москва, Россия)

К семантике и генетическим связям праслав. **tem-/ *tom-* (на материале восточнославянской диалектной лексики)¹

Продвижение исследований по реконструкции праславянского лексического фонда, особенно в словарной форме, предполагающей последовательный охват всей потенциальной праславянской лексики (см. ЭССЯ), убеждает в необходимости возможно более полного привлечения лексики славянских диалектов, часто восполняющей лакуны в материалах литературных языков в отношении представления этимологических гнезд, их структурных и семантических характеристик и индоевропейского родства.

Реконструкция праслав. глагола **teti / *tymo* ‘давить, сбивать, сжимать’, основанная на генетическом отождествлении корней глаголов словен. *stéti se, stámem se* ‘сгустеть’ и диал. словен. *raztêmati se* ‘растопиться, распуститься’, сербохов. *utêmati, ùtemam* ‘забить’ позволила объяснить славянские родственные связи для праслав. **tomiti* (Borys 1981: 25–29; Borys 2007: 242–245). Последний имеет следующие продолжения в славянских языках: ст.-слав. **ѠМИТИ** ‘испытывать, пытаться’, болг. диал. (Банско) *тѠме* ‘соблазнять, возбуждать желание’, сербохорв. *tòmiti* ‘давить’, словен. *tomljati* ‘слоняться’, русск. *томить* ‘мучить; (о еде) обрабатывать теплом в закрытом сосуде, без доступа воздуха’, укр. *томити* то же, блр. *таміць* то же. Этимологические исследования

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19–012–00059.

привели ранее, до реконструкции праслав. **tęti* / **tъmǫ*, к гипотезе о первичности для **tomiti* семантики *‘лишать воздуха, удушать’ и возведению его к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный (лишенный воздуха)’ (Pokorný I: 1063; Skok III: 480; БЕР 8: 110). Лексические соответствия для **tomiti* из и.-е. языков достаточно убедительны.

Реконструировав праслав **tęti* / **tъmǫ* и истолковав этот глагол как производящий для **tomiti*, Бориш распространил версию о происхождении **tomiti* из гнезда и.-е. **tem-* также и на исходный праславянский глагол **tęti* / **tъmǫ* (Boryś 2007: 245). Польск. *ciemęga* ‘вялый, нескладный человек’, очевидно семантически близкое к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный’, истолковано как производное от **ciemiac*, **ciemić*, соответствующих сербохорв. **temati* ‘давить’ (см. выше *utęmati* ‘забить’) (Boryś 2005: 79–80). Семантика словен. *stęti se*, *stątem se* ‘сгустеть’ толкуется Боришем из *‘сдавиться, сбиться’, а сербохорв. ‘забить’ рассматривается как реликт ‘сдавить’, и далее предполагается семантическое тождество с ‘душить’ (Boryś 2007: 27), отсылающее как будто к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный (лишенный воздуха)’. Очевидно слияние в семантике словен. *stęti se*, *stątem se* ‘сгустеть’ семантических составляющих ‘сдавиться’ и ‘сбиться’. Физическая сущность обозначаемых глаголов *давить* и *бить* очень близка и может быть источником для семантики ‘душить’ (ср. чеш. *dušit* ‘давить, душить’ и *dušat* ‘сбивать, трамбовать’), однако все-таки семантика ‘душить’ как исходная для гнезда **tęti* / **tъmǫ* может предполагаться только на основе значения ‘обрабатывать теплом без доступа воздуха’ восточнославянских продолжений **tomiti*.

Расширение круга потенциальных лексических продолжений этимологического гнезда праславянского глагола **tęti* / **tъmǫ* за счет русских и белорусских диалектизмов, ранее не рассматривавшихся в аспекте родства с **tomiti* и приведенной выше южнославянской лексикой, позволяет уточнить исходную семантику гнезда. Диалектизмы

обнаруживают несколько семантических характеристик. Прежде всего, это отражение глагольной семантики сдавливания = сплочения: русск. арханг. *притѡм* ‘хлев для скота; место в реке, озере, где скапливается рыба’ (СРНГ 32: 19); соединение семантики сплочения с семантикой направления движения: русск. *притѣм* ‘о главном, важном месте, направлении и т. п.’, дон. *жить на притѣме* ‘жить на людном месте (где сходится много дорог)’, иркут. в *притѣм* ‘плотно’ (возможно, сюда же первично и русск. волог. *притѣмиться* ‘притихнуть, выжидая’) (СРНГ 32: 14–15); семантика преследования: русск. диал. *утѣмиться* мордов. ‘пойти, направиться куда-л.’, нижегор., влад., яросл., костр. ‘пойти за кем-л. следом, увязаться’, урал. ‘погнаться за кем-л.’ (СРНГ 48: 229); семантика направления взгляда, смотрения: русск. курск., яросл. *утѣмить* ‘устремить, уставить (взгляд)’, яросл. *утѣмить глаза на кого-л.* ‘засмотреться на кого-л.’, волог. *утѣмить* ‘устремить взгляд в одну точку, неотступно следовать постоянной цели’ (СРНГ 48: 148, 157); семантика сообщения: русск. кольск. *втѣмить* ‘сказать, сообщить’ (СРНГ 5: 226), ср. русск. обск. *подтомить* ‘подсказать’ (Сл. русск. говоров Оби. Доп. II: 94); семантика внимания и понимания: блр. *прыцѣміць* ‘заметить’ (Народ. слова: 96), *цяміць* ‘понимать, схватывать’ (Касьпяровіч 1927: 340). Очевидно, семантика сплочения соответствует первичности семантики **teti/*tymo* ‘давить, сдавливать’. Семантика направления взгляда, смотрения и сообщения вторична по отношению к семантике следования, преследования, погони, а семантика смотрения объясняет появление семантики понимания. Семантика следования/преследования/погони близка к семантике направленного толчка = удара, следовательно, к семантике южнославянских глаголов ‘забить’ и ‘сбиваться’. Существенно, что почти все восточнославянские диалектизмы представляют первичную огласовку корня **tem-*. Поэтому диалектный семантический комплекс может рассматриваться как аргумент в поддержку первичности для

праслав. **tęti* / **tyto* семантики ‘бить’ / ‘сбиваться’, при производности от нее семантики ‘давить’ и появлении только на основе последнего (как третьего этапа) семантики *‘душить’ (= восточнослав. ‘обрабатывать без доступа воздуха’). Это позволяет предположить для праславянского глагола происхождение от и.-е. **stem-* ‘толкать, ударять’ (лит. *stūmti* ‘колотить, толкать’, см. Pokorny I: 1021) с производностью от последнего и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный (лишенный воздуха)’, ср. образование и мотивацию русск. *ударенный, чокнутый*.

Литература

- БЕР — Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Т. Тодоров и др. София: БАН. Т. 1–, 1971–.
- Каспярович 1927 — *Каспярович М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер’ялы). Віцебск: Заря Запада, 1927.
- Народ. слова — Народнае слова / пад рэд. А. Н. Баханькова. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
- Сл. русск. говоров Оби. Доп. II — Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби / Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева; под ред. доц. В. В. Палагиной. Т. 2: [Ж — О] / [сост. словар. статей: В. В. Палагина, О. И. Блинова, М. Н. Янце-нецкая и др.]. Томск: Изд-во Томского университета, 1965.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л. (СПб.); М.: Наука. Вып. 1–51, 1965–2019.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41). М.: Наука, 1974–2018–. Вып. 1–41–.
- Boryś 1981 — *Boryś W.* Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych // *Rocznik slawistyczny*. Т. 42. 1981. S. 25–29.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Boryś 2007 — *Boryś W.* Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW): Instytut slawistyki PAN, 2007.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag. Bd. 1–2. 1948–1959.

Skok 1971 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika Knj. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1971.

On Semantics and Genetic Connections of Proto-slav. **tem-* / **tom-* (on the Material of East Slavic Dialect Lexic)

Reconstruction of Proto-slav. lexical fund requires researches of dialect lexic. Verb family **tem-* / **tom-* was reconstructed with supposed semantics ‘strangle’ and genetic connection with I.-E. **tem-* ‘stuned (= deprived of air)’ on the base of South Slavic lexicon. In the article some dialect East Slav. verbs are analysed as additions to Proto-slav. **tem-* / **tom-* and on the base the initial semantics of the family is reconstructed as ‘beat’. So the genetic connection of Proto-slav **tem-* / **tom* with I.-E. **stem-* ‘beat’ (>**tem-* ‘stuned (= deprived of air)’) is supposed.

DOI:10.31168/0459-6.16

М. Н. Саенко (Москва, Россия)

Реконструкция семантики праслав. **кълкъ*

Ранее нами было показано, что в праславянском между словами **bedra* и **stegno* существовало семантическое различие: **bedra* имело значение ‘боковая поверхность таза’, в то время как **stegno* означало ‘часть ноги от коленного сустава до тазобедренного’ (Саенко 2020).

Еще одним словом, семантически связанным с бедром и реконструируемым для праславянского уровня, является **кълкъ*. Сперва рассмотрим семантику его потомков в славянских языках.

В первую очередь это болгарское *кълк* / *кълка* ‘бедро’, довольно широко представленное в диалектах (ОЛА 9/44;

Стойков 1968: 123). В говорах *кълка* имеет также значения ‘тазовая кость’¹, ‘резкий изгиб реки’ (Станчев 1999: 121), ‘изгиб дороги’ (Антонова-Василева, Митринов 2011: 161), ‘бок’ (Колесник 2019: 288) и ‘угол комнаты, в котором находится очаг’ (БЕР 3: 190).

Следует также отметить ряд важных производных:

— диал. *кълъчек* ‘щиколотка’ (Станчев 1999: 121);

— диал. *кълчест* ‘искривлённый’ (БЕР 3: 190);

— *изкълчвам* (нсв.) / *изкълча* (св.) ‘вывыхиваю кость’ (РБЕ).

В македонском *колк* значит ‘тазобедренный сустав; бедро’ (ОДРМЈ; Шклифов 1977: 258; Hendriks 1976: 264; Groen 1977: 260).

Особое внимание следует обратить на болгарское церковнославянское *кълка ножнаа*, зафиксированное в Манассиевой хронике (XIV в.). Оно соответствует греческому ἀγκύλη ‘сгиб руки или ноги’, на основании чего Миклошич глоссировал его как *poples* («подколенная впадина») (Miklosich 1977: 290). Тем не менее, текст не вполне однозначен, и у нас нет уверенности, что болгарский переводчик подразумевал именно подколенную впадину. Речь идёт о римском царе Анке Марции: **Маркіе, нареу(е)ный Яггила, икѡ кълка емѣ ножнаа гѣ нездрава, тог(о) ради сице нареу(е)нъъ выс(т^а)** (Cyrillomethodiana). Нам кажется, что в свете вышеуказанных значений слова *кълка* в болгарском, связанных не с коленом, а с бедром, *кълка ножнаа* вполне допустимо понимать как «тазобедренный сустав».

В сербохорватском *kùk* значит ‘тазобедренный сустав; холм’. В говорах также «бедро; вяленый свиной окорок, ветчина; кость в свином окороке» (РСКНЈ 10: 774).

В словенском мы находим *kòlk* / *kòlk* (ранее *kòlk*, gen. sg. *kòlka*) ‘тазобедренный сустав’. Слово в этом значении широко распространено в словенских говорах (SLA 1/61).

¹ Сам Станчев приводит довольно странное определение — «тазова (бедрена) кост», из которого непонятно, идет ли речь о тазовой кости, бедренной или же тазобедренном суставе. Мы склонны подозревать последнее.

Среди потенциальных потомков *кълкъ называют также чешское *kelka* «культя руки или ноги; протез руки или ноги; хвост у парнокопытных, бобра и медведя» (SSJĀ). Однако праславянское *кълкъ не могло дать *kelka* чисто фонетически. Нормальным рефлексом *ТълТ в современном чешском является TluT/TlouT: *гълкъ > *hluk* ‘шум’, *мълвити > *mluvit* ‘говорить’, *стълръ > *sloup* ‘столб’, *сълньсе > *slunce* ‘солнце’, *рълкъ > *pluk* ‘полк’, *тълстѣъ > *tlustý* ‘толстый’, *тълѣи > *tlouci* ‘колодоть’. На наш взгляд, предпочтительнее иное решение: *kelka* может быть дериватом от *kel* ‘клык’, получив название по торчащей кости культы (Utěšený 1986). Перенос на хвост вторичен: относительно короткие хвосты оленя или медведя были названы культей (хвоста).

Г. Шустер-Шевц предлагал связывать с *кълкъ также в.-луж. *kulka* ‘щиколотка’ и пол. диал. *kulka* ‘щиколотка’ (Schuster-Šewc 10: 723). Однако, во-первых, это проблематично фонетически, во-вторых, эти слова довольно прозрачно связаны с *kulka* ‘шарик, пуля’. Для щиколотки вообще довольно характерно, что на нее переносятся названия круглых предметов.

В этимологической литературе широко цитируется также русское диалектное *колк* «костяной комель, под рогом быка и коровы», почерпнутое в словаре Даля. При этом обычно не уточняется, что в самом словаре стоит следующая пометка: [колóк?], а также нет указания на местность, где эта форма записана (Даль 2¹: 749; Даль 2²: 139; Даль 2³: 348). Видимо, неслучайно эта форма не была включена в «Словарь русских народных говоров».

Более надежным кандидатом на роль континуанта *кълкъ на восточнославянской почве является ярославское *кólки* (pl.) «голеностопные сочленения; щиколотки» (ЯОС 5: 50).

Показательно заимствованное из древнерусского пра-прибалтофинское *külki ‘бок’ (Koivulehto 2008: 310).

А. А. Зализняк связывал с *кълкъ древнерусские имена Колка, Колчко, Колочко и Колокы из берестяной грамоты № 410 (Зализняк 2004: 509).

Отсутствие западнославянских континуантов и не слишком надежные континуанты в восточнославянском ареале ставят праславянский статус *kьlkь под сомнение, однако его архаичная структура, а также этимология говорят в пользу праславяности этого слова.

Если говорить о роде, то ЭССЯ реконструирует две формы — *kьlka / *kьlkь (ЭССЯ 13: 188), — ставя форму женского рода на первое место. Тем не менее женский род характерен только для болгарского, да и то не для всего ареала. Прочие же данные говорят в пользу исконности формы мужского рода *kьlkь.

Перейдем к семантике. В литературе значение *kьlkь восстанавливается следующим образом:

- а) ‘гибкий сустав’ (ЭССЯ 13: 188);
- б) ‘bony stump’ (костяная культя) (Derksen 2008: 260);
- в) ‘gibljiv telesni del’ (подвижная часть тела) (Snoj 2016: 320);
- г) ‘hip’ (бедро) (Matasović 2013: 89).

Отдельно следует упомянуть о концепции В. В. Мартынова, который рассматривал праславянские *kьlkь и *bedro как абсолютные синонимы, не видя также никакого семантического различия между ними и *stegno. При этом он считал *bedro итальянским «инфильтратом», а *stegno, по его мнению, указывало на связи с индоиранскими языками (Мартынов 2004: 73–74).

Если не принимать во внимание несоматические значения континуантов *kьlkь², мы имеем дело со следующим спектром семантики:

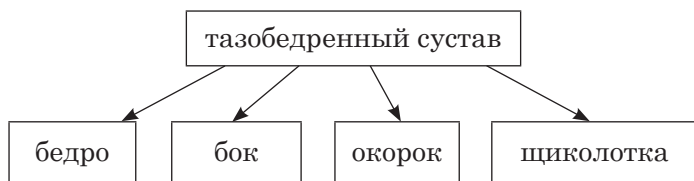
- а) тазобедренный сустав;
- б) бедро;
- в) окорок;
- г) бок;
- д) щиколотка.

² О географических значениях см. (Куркина 1979: 48).

Шире всего представлено значение ‘тазобедренный сустав’, оно зафиксировано во всех южнославянских языках, являясь основным в словенском и сербохорватском. В болгарском на первоначальную связь *кълка* с костью указывает дериват *изкълчвам* ‘вывихиваю кость’, что можно также рассматривать как свидетельство исходной семантики «тазобедренный сустав», ср. словенское *izkólčiti* ‘вывихнуть ногу в тазобедренном суставе’. Мы полагаем, что в части Южной Славии произошло расширение значения ‘тазобедренный сустав’ > ‘бедро’ или ‘бок’. Аналогичный случай можно наблюдать в резьянском словенском деревни Била, где *sklíp* значит ‘бедро’ (Steenwijk 1992: 309) при словен. лит. *sklep* ‘сустав’.

Что касается щиколотки, перенос названия одной кости, выпирающей под кожей, на обозначение другой вполне понятен. Несоматические значения ‘угол комнаты’, ‘изгиб реки / дороги’, ‘холм’ также можно вывести из обозначения тазобедренного сустава.

Попробуем составить схему дрейфов соматических значений:

Литература

- Антонова-Василева, Митринов 2011 — Антонова-Василева Л., Митринов Г. Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. София: Институт за български език «Професор Любомир Андрейчин», 2011.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8. София: Издателство на Българската академия за науките, 1971–2017.
- Даль 1–4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 1-е изд. М.: Издательство Общества любителей российской словесности, 1863–1866. 2-е изд. СПб., М.: Издание М. О. Вольфа, 1880–1882. 3-е изд. СПб., М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.

- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Колесник 2019 — *Колесник В.* Говорка болгар с. Городнього (Чийшія), Бессарабія: словник. Одеса: Астропринт, 2019.
- Куркина 1979 — *Куркина Л. В.* Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков) // *Этимология* 1977. М.: Наука, 1979. С. 39–54.
- Мартынов 2004 — *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М.: УРСС, 2004.
- ОДРМЈ — Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>.
- ОЛА 9 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9: Человек / под ред. Я. Сятковского, Я. Ваняковой. Кракów: Instytut Języka Polskiego PAN, 2009.
- РБЕ — Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/>
- РСКНЈ 1–19 — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–19. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959–2014.
- Саенко 2020 — *Саенко М. Н.* Семантика праславянских слов *bedro и *stegno и их континуантов // *Славяноведение*. 2020. № 6. С. 82–96.
- Станчев 1999 — *Станчев Д.* Речник на странџанския говор. Бургас: Делфин прес, 1999.
- Стойков 1968 — *Стойков С.* Лексиката на банатския говор. София: Издателство на Българската академия на науките, 1968.
- Шклифов 1977 — *Шклифов Б.* Речник на костурския говор // *Българска диалектология. Проучвания и материали*. Т. 8. София: Издателство на Българската академия на науките, 1977. С. 201–328.
- ЭССЯ 1–41 — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018.
- ЯОС 1–10 — *Ярославский областной словарь*. Вып. 1–10. Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1981–1991.
- Cyrrillomethodiana — *Cyrrillomethodiana*. Текстов корпус. URL: <https://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>.
- Derksen 2008 — *Derksen R.* Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Groen 1977 — *Groen B.* A structural description of the Macedonian dialect of Dihovo. Lisse: The Peter de Ridder Press, 1977.
- Hendriks 1976 — *Hendriks P.* The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian. Lisse: The Peter de Ridder Press, 1976.
- Koivulehto 2008 — *Koivulehto J.* Frühe slavisch-finnische Kontakte // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2008. Vol. 32: Evidence and Counter-Evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt. Vol. 1: Balto-Slavic and Indo-European Linguistics. P. 309–321.

- Matasović 2013 — *Matasović R.* Substratum words in Balto-Slavic // *Filologija*. 60. 2013. S. 75–101.
- Miklosich 1977 — *Miklosich F.* *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Aalen: Scientia Verlag, 1977.
- Schuster-Šewc 1–24 — *Schuster-Šewc H.* *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. Hf. 1–24. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1978–1989.
- SLA 1 — *Slovenski lingvistični atlas 1: Človek (telo, bolezni, družina)*. Ljubljana: Založba ZRC, 2011.
- Snoj 2016 — *Snoj M.* *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, 2016.
- SSJČ — *Slovník spisovného jazyka českého*. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz>.
- Steenwijk 1992 — *Steenwijk H.* *The Slovene dialect of Resia*: San Giorgio. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1992.
- Utěšený 1986 — *Utěšený S.* *Názvy pro levou ruku a leváka v českých nářečích* // *Naše řeč*. 1986. Roč. 69, č. 2. S. 65–71.

Reconstruction of the Semantics of Proto-slavic *кълкъ

The article is an attempt to reconstruct the semantics of the Proto-Slavic word *кълкъ. The meanings of its descendants are analysed sequentially and each form is scrutinised in order to determine if it belongs to this word family. Basing on the conducted research, the author comes to the conclusion that the original semantics of *кълкъ is ‘hip joint’.

DOI: 10.31168/0459-6.17

Т. В. Шалаева (Москва, Россия),
П. Дембовяк (Краков, Польша)

Славяно-румынские лексические связи в лингвогеографическом представлении

Всестороннее изучение истории и диалектологии языка невозможно без обращения к его связям с соседствующими языками. Этот аспект особенно наглядно проявляется

в лингвогеографии, когда объектом картографирования является или целая языковая группа (пример — «Общеславянский лингвистический атлас»), или территориально смежные родственные и неродственные языки (пример — «Общекарпатский диалектологический атлас»). Составители указанных трудов неоднократно указывали на важность использования в своей работе неславянских данных (Аванесов, Бернштейн 1958: 23; ОЛА 1994: 35–36; Бернштейн 2000: 120, 125).

Наше нынешнее исследование посвящено славяно-румынским лексическим связям, а именно анализу географического распространения и количественной представленности румынизмов в славянских языках. Также оно предполагает некоторые выводы о возможности привлечения полученных результатов при этимологизации славянской лексики.

Материалом для анализа послужили сведения «Общеславянского лингвистического атласа» (9 томов лексико-словообразовательной серии), который позволяет наглядно показать влияние румынского языка на значительную часть славянского языкового континуума, в то время как работы, посвященные конкретным славянским языкам и диалектам (монографии, словари, атласы), описывают его частные связи с отдельными славянскими идиомами.

Что касается ареала румынских заимствований в славянских языках, то его центр локализуется в северных болгарских (ОЛА: пп. 114–116, 120, 130–131) и юго-западных украинских говорах (ОЛА: пп. 465–469, 485, 496–498), непосредственно граничащих с румынским языком. Менее часто, но регулярно румынизмы фиксируются на остальной территории Болгарии и Украины, а также в Македонии, на северо-востоке Сербии, повсеместно в Словакии, на востоке Чехии и на юге Польши. Кроме того, наиболее массово румынский элемент ожидаемо представлен в лексике славянских диалектов в Румынии и Молдавии, конкретно в болгарских, сербских и украинских населенных пунктах.

Подобные сведения о географии распространения лексических заимствований из соседних языков могут быть использованы при определении происхождения отдельных славянских слов. Например, изучение локализации унгаризмов на славянской территории позволило атрибутировать как венгерские заимствования следующие глаголы: укр. диал. *fíťkati* ‘свистеть’, хорв. *fićkati*, *fućkati* ‘то же’, словен. *fûčkati*, *fûckati* ‘то же’. Они представляют собой дериваты венгерского корня *-üty- / -fity-* (ср. венг. *fütyül* ‘свистеть’), будучи известными исключительно на юго-западе Украины, на востоке Словении и на севере Хорватии, т. е. в славянских диалектах, вобравших в себя наибольшее количество венгерских слов (Vaščenková, Šalajevová 2019: 362; Ващенко, Шалаева 2020: 168–169). То же происхождение весьма вероятно и для формы *kukurica* ‘растение кукуруза’, отмечаемой исключительно в словенских говорах на востоке Словении и в Венгрии, а также в хорватских говорах в Австрии и в Венгрии. А именно, по-видимому, она представляет собой заимствование из венгерского языка, в котором лексема *kukurica* употребляется как фонетический вариант от *kukurica*, в свою очередь заимствованной из славянских языков, ср. чешск. диал., словац. диал., польск. диал. *kukurica* (Vaščenková, Šalajevová 2019: 362–363; Ващенко, Шалаева 2020: 169).

Представляется, что изучение и румынской по происхождению лексики может быть полезным для славянской этимологии. Так, в южно- и западнославянских языках известен корень *-škrť-* ‘жадный, скупой’. П. Скок предположил его генетическую связь с румынским прилагательным *scurt* ‘короткий’ (аромун. *șurtu* ‘то же’), выводимым из лат. *excurtāre* ‘сокращать’ от *curtus* ‘короткий’ или напрямую из *curtus* (Skok III: 403–404; ОЛА 12: 205–206; Ciorănescu 2007: 701; Papahagi 2013: 1148). Эта гипотеза признаётся несостоятельной с точки зрения и структуры, и семантики, поскольку есть вполне надежные основания считать прилагательное *škrť* ‘жадный, скупой’ продолжением праславянского

имени **škrortō* (**škrrotō*) (Machek 1971: 614; Gluhak 1993: 611; Furlan 2005: 76). Лингвогеография, в свою очередь, дает наглядное опровержение версии П. Скока, так как на южно-славянской территории *škrt* ‘жадный, скупой’ и его дериваты известны в словенском, хорватском, сербском и македонском языках, в то время как на юге Славии румынизмы локализируются преимущественно в болгарском, македонском и северо-восточных диалектах сербского (см. выше). Следовательно, вопрос о румынских истоках славянского *škrt* снимается окончательно.

Литература

- Аванесов, Бернштейн 1958 — *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка: О принципах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. Москва, август 1958 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1958. С. 3–30.
- Бернштейн 2000 — *Бернштейн С. Б.* Карпатский диалектологический атлас // *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии: сборник статей. М.: Индрик, 2000. С. 115–132.
- Ващенко, Шалаева 2020 — *Ващенко Д. Ю., Шалаева Т. В.* Данные венгерского языка в славянской этимологии // *Jezikoslovni zapiski. Letn. 26. 2020. Št. 1. S. 163–185.*
- ОЛА 1994 — Вступительная статья // Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы, справочные материалы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1994. С. 22–41.
- ОЛА 12 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12. Личные черты человека / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
- Ciorănescu 2007 — *Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii Române / Ediție îngrijită și traducere din limba spaniolă: T. Șandru Mehedinți, M. Popescu Marin. București: SAECULUM I. O., 2007.
- Furlan 2005 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 4 / avtorji F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan; ured. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005.
- Gluhak 1993 — *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993.
- Machek 1971 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia, 1971.

- Papahagi 2013 — *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân: general și etimologic / ed. N. Saramandu, M. Nevaci. București: Editura Academiei Române, 2013.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Vaščenková, Šalajevoá 2019 — *Vaščenková D. J., Šalajevoá T. V.* Slovenské lexikální izoglosy na slovansko-maďarské hranici (na materiálu Slovenského lingvistického atlasu a Atlasu maďarských dialektů) // *Valašsko: Historie a kultura II. Obživa* / ed. S. Urbanová, L. Dokoupil, J. Ivánek, P. Pumpr. Ostrava: Ostravská univerzita, Národní muzeum v přírodě, 2019. S. 357–365.

Slavic-romanian Lexical Links in Linguistic Geography Presentation

The paper deals with geographical and quantitative analysis of the Romanian loanwords in the Slavic languages on the basis of “Slavic Linguistic Atlas” materials (9 volumes of lexical and word-formation series). It shows their main location and gives some ideas on the Slavic etymology.

DOI:10.31168/0459-6.18

И. А. Седакова (Москва, Россия)

О специфике ЛСГ «Бедность» и «Богатство» в болгарских диалектах (на материале «Идеографического диалектного словаря болгарского языка»)

Болгарская диалектология — одна из основных сфер научных интересов С. Б. Бернштейна на протяжении всей его научной деятельности. Диалекты Болгарии и диаспор не только тщательно изучались и описывались Самуилом Борисовичем — на их основе он отработывал вопросы теории и создания крупнейших лингвистических атласов болгарских

и других славянских и неславянских языков (Бернштейн 2000). Создание лексикографических трудов, словарей как литературного болгарского языка, так и его диалектов, всегда было в центре его внимания. Так и проект по созданию «Идеографического диалектного словаря болгарского языка» (ИДРБЕ), идея которого была сформулирована в 1950-х гг. болгарским лингвистом-диалектологом Ст. Стойковым, не мог остаться вне поля его зрения¹.

Публикация проекта ИДРБЕ состоялась в 1969 г. (Младенов, Стойков 1969), первый том Словаря вышел в 2012 г., после многолетней работы с картотекой и архивами, второй — в 2021 г. (авторы Т. Бояджиев, Вл. Жобов, Г. Колев, М. Младенов, Д. Младенова и В. Радева, которая стала и главным редактором двух томов). Об уникальности концепции и исполнения данного проекта в общеславянском научном масштабе говорить не приходится (из многочисленных рецензий на ИДРБЕ см. Толстая 2013).

Эта статья основывается на материалах первого тома ИДРБЕ и ставит целью на примере двух лексико-тематических гнезд (ЛСГ) — «бедность» и «богатство» — показать сложность болгарского диалектного словесного ландшафта, отражение в его лексическом составе языковых и культурных контактов.

Согласно принципам ИДРБЕ, опорным словом в словнике служит литературное, а в словарной статье собираются синонимы и близкие по значению лексемы, известные болгарским диалектам. Семантическая оппозиция «бедность — богатство» обладает ярко выраженными социальными оценочными характеристиками и занимает важное место в иерархии народно-культурных ценностных ориентиров. Это подтверждается наличием большого числа фольклорных текстов разных жанров, в том числе пословиц и поговорок

¹ В частности, С. Б. Бернштейн упоминает проект по созданию этого словаря в некрологе Ст. Стойкову (Бернштейн 1970: 126).

(Славейков 1972). Представления о бедности и богатстве особенно существенны с учетом полиэтнической и поликонфессиональной ситуации в Болгарии (и на Балканах в целом); они соотносятся со многими стереотипами. Проникновение значительного количества неславянских лексем отражает пестроту болгарской языковой модели мира и подтверждает ее «балканскость» (по Т. В. Цивьян).

Лексика «бедности» и «богатства» в ИДРБЕ довольно многочисленна. Так, *беден* ‘бедный’ представлен в словаре 30 диалектизмами, *беднотия* ‘бедность’ — 65-ю, *бедняк* — 97-ю, *беднячка* — 14-ю. Списки междиалектных синонимов² включают фонетические и морфологические варианты, у некоторых лексем их довольно много (см. вариативность *сироммах* — *сюрмах*; *фукара* — *фукарлък* — *вукарлек* и др.). Велика и мотивационная вариативность лексики: к примеру, помимо словообразований от *бед-*, фиксируются диалектизмы, в которых актуализируются такие признаки бедности и бедняка, как «отсутствие одежды и обуви» (*голотиня*, *голотия*, *голотор*, *голтак*, *голуша*, *тѣнкоризов*, *босоча* и др.), «оборванная одежда, оборванец» (*скѣсанак*, *сѣдралетин*), «голод» (*гладник*), «отсутствие имущества, нужда» (*немотен*, *нуждѣн*, *нимане*, *немка*) и др. В этом ряду немало экспрессивной лексики разной стилистической окраски, которая передает эмоционально-оценочное отношение к человеку неимущему и восприятие его как презируемого, убогого, занимающего низкое положение в обществе, вызывающего жалость, страдающего: *долен* (диал.), *жалнат* (диал.), *клет*, *окаян* (книж.), *убог* (уст.) и др.

Здесь надо оговориться, что в литературном языке фиксируется два нейтральных слова для бедняка: *бедняк* и *сироммах*. РБЕ дает для *бедняк* одно значение, собственно ‘нищий’, тогда как *сироммах* в том же словаре наделяется двумя

² Мы не останавливаемся на терминологической дискуссии об обозначении одинаковых (или близких) понятий в диалектах.

значениями: 1. Бедный человек и 2. Вызывающий жалость. В словарной статье ИДРБЕ *сиромах* значительно превосходит по числу упоминаний лексему *бедняк*, а синонимы приводятся и в первом, и во втором значении. Это отчасти соотносится с позицией слова *беда* в болгарском словаре, для которого также есть синоним (тур. *беля*), взявший на себя часть его значений и оставивший славянской лексеме определенную семантику и узус (подробнее см. Седакова 2013).

Среди заимствованной лексики «бедности» преобладают слова арабско-турецкого происхождения: *дангул* ‘бедняк’ из тур. *dangul* ‘грубый’ (БЕР 1: 318)³, *зюрт* ‘бедняк’ из тур. *žüğür* (БЕР 1: 671), *фукара* ‘нищий, нищая’, через тур. *fukara* из араб. (БЕР 8: 849). Подобно болгарской лексике, в турцизмах присутствует семантика, отражающая характерные признаки нищего человека: *мискин(ин)* в болгарском языке, как и в турецком, *miskin* ‘оборванец, грязнуля’ (хотя в араб. *miskīn* именно ‘бедный’) (см. БЕР 4: 125). Иногда бедность описывается через понятия, с нею смежные: так, *касавет* означает ‘страдания’ от ар.-тур. *kasavet* ‘то же’ (БЕР 2: 260); *изет* ‘труд, страдания от лишений’ от ар.-тур. *eziyzet* ‘то же’ (БЕР 2: 30), *завалия* от тур. *zavalli* ‘бедняк, тот, кто вызывает жалость’ (БЕР 1: 572). Оценка бедности и человека, испытывающего лишения, одинакова у славянской и неславянской лексики и варьирует от сожаления до презрения и унижения, ср.: *келеме* ‘недостойный, несерьезный человек; пьяница; ничтожество’ (БЕР 2: 321), *мекере* разг. (груб.) ‘подлец; скотина’ от *mekere* (БЕР 3: 721).

На фоне преобладания турецких заимствований встречаются и романизмы: *мизерин*, *мизерия*, *мизерству*, *мизерлък*, образованные от *мизер-* (лат. *miser* ‘несчастный’ БЕР 3: 786) с помощью различных по происхождению аффиксов.

³ Проблема развития семантики заимствования и ее вариативности на территории Болгарии будет рассмотрена подробнее в докладе.

«Этническая» лексика отражает наличие стереотипов в представлениях о нищете и бедняках: ср. *цигания* ‘бедность’, *манго* (простонар. ирон. о цыганах, РБЕ) ‘бедняк’ от цыг. *tangav* ‘попрошайка’ (БЕР 3: 640); кроме того, встречается и турцизм *читак* (уст. пренебр.) ‘турок’ от *çitak* ‘турецкий солдат’, ‘турок’ (ПРОДД: 565; РБЕ).

Диалектная лексика «богатства» по своему количеству значительно уступает лексике бедности (то же самое относится и к фразеологии): статья *богат* включает 39 диалектизмов, *богаташ* ‘богач’ — 36 (здесь же и ‘богачка’, *богаташка* не дается отдельной статьей, как в случае с *беднячка*), *богатство* — 36. ЛСГ содержит преимущественно положительные коннотации и связывается с хозяйственностью, домовитостью, умом, основательностью, ловкостью и сообразительностью. Это характерно и для славянской лексики, и для заимствований: *домакински*, *домовит*, *държев*, *заможен*, *зафатен*, *стиговен*, *стижен*, *темеллия* и др. В данной группе также много балканских турцизмов, которые часто ассоциируются с «денежностью» и образованы от ар.-тур. *para* ‘монета’ (БЕР 5: 60): *паралия*, *паралиа*; имуществом (в том числе, например, владением земель или домашней птицей: *чорбаджия*, *тамазлък* / *дамазлък*); зажиточностью: *маллия* от тур. *mal* ‘собственность’ (БЕР 3: 628), *сермия* от тур. *sermaye* ‘капитал’ (БЕР 6: 619), ср. также *зенгин*, *манук*, *салтанат*. Для обозначения богатых людей используется номенклатура должностных лиц и сословий, именование статуса: *аговат* (вероятно, от *ага*), *باشболерин*, *болерин*, *баярски*, *челебия*. Не обошлись диалекты и без относительно поздних русизмов: так, *туз* в переносном значении и в литературном языке означает богатого человека, наделенного властью (РБЕ; БЕР 8: 352). Встречается и лексика с негативной оценкой: тур. *думбазин* / *тумбазин* помимо ‘богач’ обозначает такие качества, как ‘надменный, высокомерный’ (БЕР 1: 446).

Словарь ИДРБЕ не дает и не может дать в силу своих задач полной картины лексики «бедности» и «богатства».

Однако он показывает наличие и распространенность в диалектах заимствованной лексики, частотность и многообразную комбинаторность славянских и неславянских аффиксов, а кроме того, содержит уникальные диалектизмы, которые не фиксируются другими словарями. Анализ диалектной лексики «бедности» и «богатства», представленной в ИДРБЕ, позволяет увидеть специфику «многослойности» словарного состава болгарских диалектов и разнообразие социально-культурных понятий, им отражаемых.

Сохранность архаической семантики общеславянской лексики, в том числе уже ушедшей из литературного болгарского языка, многочисленность, частотность и полноценная освоенность турцизмов, отчасти грецизмов и романизмов, «смешанная» морфология (корень и аффиксы разного происхождения в одном слове) будут рассматриваться в докладе подробнее как типичные черты балканославянских диалектных словарей.

Литература

- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1972–2017.
- Бернштейн 1970 — *Бернштейн С. Б.* Памяти профессора Стойко Стойкова // Советское славяноведение. 1970. № 3. С. 125–127.
- Бернштейн 2000 — *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М.: Ин-т славяноведения, 2000.
- ИДРБЕ — Идеографски диалектен речник на българския език / гл. ред. В. Радева. Т. 1. А–Д. София: Български бестселър — Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012. Т. 2. Е–М. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2021.
- Младенов, Стойков 1969 — *Стойков Ст., Младенов М.* Проект за Идеографски речник на българския език // Български език. 1969. Кн. 2. С. 155–170.
- РБЕ — Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения 28.08.2021).
- ПРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / съст. Ст. Илчев и др. София: ЕМАС, 1998.
- Седакова 2013 — *Седакова И. А.* Беля ('несчастье' и др.) в болгарском языке и фольклоре на общепалканском фоне // *Slavica Svetlanica*.

Язык и картина мира. К юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 60–68.

Славейков 1972 — *Славейков П. Р.* Български притчи или пословици от характерни думи / събр. от П. Р. Славейков. София: Български писател, 1972.

Толстая 2013 — *Толстая С. М.* [Рец. на:] Идеографски диалектен речник на българския език, гл. ред. В. Радева. Т. 1. А–Д. София: Български бестселър — Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012, 1055 с. // *Rocznik slawistyczny*. Т. 62. Warszawa, 2013. S. 197–205. https://inslav.ru/sites/default/files/tolstajasm_2013_rsl-52_rec.pdf

Specific Features of the Lexical Groups “Poverty” and “Richness” in Bulgarian Dialects (on the Data of the *Ideographic Dialectal Dictionary of Bulgarian Language*)

The paper aims to shed light on some cases of complex formation of the Bulgarian dialectal vocabulary as a result of multilingual and multicultural situation in the Balkans. The main source for the analysis is the first volume of the innovative *Ideographic Dialectal Dictionary of Bulgarian Language* (Sofia, 2012). The dictionary provides a list of dialectal synonyms for a literary word and thus allows the linguists to analyze the genesis of various denotations of one particular object (person, event, quality, action etc.).

In the center of this paper there is the lexical opposition “poverty” / “richness” (correspondingly “poor”, “a poor man, woman” / “rich”, “a rich man, woman”). The dictionary documents many Turkish borrowings, which are widely spread on the Bulgarian language territory and are known to other Balkan languages. Occasionally there are Greek, Romance and Russian borrowed words. Motivational models are similar for Slavic and non-Slavic words denoting a poor or a rich man.

Many lexes have multiple formal variations on the Bulgarian territory, as a Slavic or non-Slavic root is combined with Slavic, Greek, Latin or Turkish affixes, which is a specific Bulgarian and Balkan feature.

Д. Ю. Ващенко (Москва, Россия)

Словацкие наречия группы «часто» на фоне венгерских по данным мер ассоциации

В докладе на материале Национальных корпусов словацкого и венгерского языка рассматриваются темпоральные наречия с общим значением «часто», семантика которых предполагает, что ситуация повторяется с большей или меньшей регулярностью, причем число подобных повторений представляется говорящему высоким. В ареально близких языках между лексемами, формирующими группу, наблюдается ряд формальных корреляций.

Так, в словацком языке к данной группе относятся лексемы: *často* (479 938 вхождений в Национальный корпус словацкого языка¹), *neraz* (59 093 вхождения), *viackrát* (41 206), *mnohokrát* (15 198), *veľakrát* (12 976), *častokrát* (8609), *podchvíľou* (5586), *čochvíľa* (3545). Наиболее частотным здесь является *často*, встречаемость *neraz* и *viackrát* примерно в десять раз ниже, при этом оба наречия сопоставимы по числу вхождений; относительно распространены и сравнимы между собой по употребительности наречия *mnohokrát* и *veľakrát*.

В венгерском языке группа выстроена несколько иначе. Равный порядок встречаемости имеют сразу три наречия: *többször* (144 118 вхождений в Венгерский национальный корпус²), *gyakran* (142 671) и *sokszor* (113 592), частотными являются еще два наречия, каждое из которых употребля-

¹ Slovenský národný korpus — prim-9.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2020. Dostupný z <https://korpus.juls.savba.sk>

² Magyar nemzeti szövegtár. V. 2.0.5. MTA Nyelvtudományi Intézet, Budapest. <http://corpus.nytud.hu/>

ется примерно вдвое реже, нежели указанные три, — это *rendszeresen* (63 681 вхождение) и *többnyire* (55 633). Также в Корпусе представлены *jellemzően* (17 475 вхождений), *sűrűn* (11 589) и сравнительно низкочастотные *gyakorta* (6330 вхождений) и *megannyiszor* (205).

Будут рассмотрены по пять основных наречий из каждой группы, т. е. *často*, *neraz*, *viackrát*, *mnohokrát* и *veľakrát* для словацкого языка и *többször*, *gyakran*, *sokszor*, *rendszeresen* и *többnyire* — для венгерского. Здесь наблюдается ряд формальных соответствий: коррелируют между собой в первую очередь словацкие и венгерские наречия с формантом кратности *-krát / -ször*: *mnohokrát*, *veľakrát / sokszor* (обратим внимание, что венгерскому наречию соответствует сразу два словацких) и *viackrát / többször*. Мы хотели бы рассмотреть, как данные формальные соответствия перекликаются с семантическими и каковы общие принципы структурирования семантической группы в каждом из указанных языков.

При анализе мы пользовались показателями корпусной сочетаемости лексем, оперируя данными так называемых мер ассоциации, когда принимается во внимание встречаемость каждого члена соотносительной пары и речь идет о притяжении между двумя выбранными лексемами. Тяготение лексемы к определенному кластеру лексики будет свидетельствовать об актуализации соответствующих сем в ее значении. Из всех доступных в рамках программы NoSketchEngine мер ассоциации была выбрана logDice (вводится в статье [Rýchľý 2008], базирующейся на работе [Dice 1945]), часто применяемая при анализе коллокаций.

В словацком языке в группе выделяются наречия, у которых актуализирована сема кратности — это *často*, *mnohokrát* и *veľakrát*, — и отдельно наречие *neraz*, семантика которого подобного не предполагает. *Neraz* отсылает не только и не столько к повторяемому, сколько к сложным и не-

стандартным ситуациям, т. е. «часто» означает здесь «чаще, чем следовало ожидать». В целом наречие тяготеет к ситуациям в их непосредственном восприятии, проживании — ср. коллокации с частицами *doslova* ‘буквально, дословно’, *dokonca* ‘буквально, даже’, *veru* ‘действительно’, *ba* ‘даже’; с лексемами, подчеркивающими значительность ситуации: *priam* ‘действительно, в самом деле’, *poriadne* ‘значительно, как следует’. В свою очередь, *často*, *mnohokrát* и *veľakrát*, обозначающие типовые, стандартные ситуации, также имеют внутреннюю градацию. *Často* совмещает в себе собственно фреквентативное и экзистенциальное значения. В сферу сочетаемости наречия входят глаголы и причастия с семантикой обнаружения, появления: *vyskytovat sa* ‘встречаться’, *vyskytujúci* ‘встречающийся’, *objavovat sa* ‘появляться’; фреквентативные глаголы — *vidat (sa)* ‘время от времени видеть(ся)’, *vidavat (sa)* ‘время от времени видеть(ся)’, *chodievat* ‘время от времени ходить, навещать’ и *navštevovat* ‘посещать’. *Mnohokrát* и *veľakrát*, которые являются практически полными синонимами, имеют коллокации с глаголами *opakovat (sa)* ‘повторяться’, *zopakovat (sa)* ‘повториться’; с адвербиализованной конструкцией *na úkor* ‘за счет чего-л., в ущерб чему-л.’; с глаголами, обозначающими утерю информации: *nevedomovat* ‘не осознавать’, *zabúdat* ‘забывать’; с глаголом *zažiť* ‘пережить’. Наречия чаще употребляются в контекстах, предполагающих несоответствие наблюдаемой ситуации и желаемой, в значении «чаще, чем я хочу». Отдельно выделяется наречие *viackrát*, которое, с одной стороны, точно так же, как *mnohokrát* и *veľakrát*, сочетается с глаголами, обозначающими непосредственное повторение как таковое, т. е. с *opakovat (sa)* ‘повторяться’, *zopakovat (sa)* ‘повториться’, вместе с тем высокую меру ассоциации для наречия имеют глаголы с семантикой обнаружения информации либо объекта: *stretnút* ‘встретить’, *napadnúť* ‘прийти на ум’, *upozorniť* ‘обратить внимание’. Еще одну, самую об-

ширную, группу коллокаций для наречия составляют «жанрово отмеченные» сочетания из области криминальной хроники или спортивных комментариев: *podržat* ‘поддержать’, *trestane* ‘по аресту’, *súdne* ‘в судебном порядке’, *deklarovat* ‘декларировать’, *udriet* ‘ударить’, *vyznamenat* ‘наградить’, *vyhrážat* ‘угрожать’, *verejne* ‘публично’, *nebezpečne* ‘опасно’, *vystrelit* ‘выстрелить’ и др.

Венгерские наречия, по данным logDice, делятся на жанрово маркированные и жанрово немаркированные. Так, жанровую отмеченность, по данным logDice, демонстрируют *többnyire* и *rendszeresen*. У *többnyire* в верхней части списка оказываются лексемы из тематической сферы «прогноз погоды», ср.: *időjárás* ‘погода’, *légmozgás* ‘движение воздуха’, *hőmérséklet* ‘температура’, *fok* ‘градус’, *nappali* ‘суточный’, *napos* ‘солнечный’, *zápor* ‘дождь’, *zivatar* ‘гроза’, *felhő* ‘облако’ и др. У *rendszeresen*, в свою очередь, частотными оказываются коллокации с лексемами, относящимися к жанру «репортаж», ср.: *ellenőriz* ‘проверять’, *publikál* ‘публиковать’, *fogyaszt* ‘потреблять’, *frissít* ‘освежать’, *sportol* ‘заниматься спортом’, *nézettség* ‘рейтинг’, *tájékoztat* ‘сообщать’, *konzultál* ‘консультировать’ и др. При этом у *többnyire* процент глагольной лексики в верхней части списка существенно меньше, нежели у *gyakran*, *sokszor* и *többször*, — 10 глаголов из 60, у *gyakran* и *sokszor* их количество равно 25–26, а у *többször* и *rendszeresen* — 40–41. Остальные три наречия имеют как пересекающиеся, так и различающиеся части списков. Так, у *gyakran* признаковыми будут глаголы *fordul* ‘происходить’, *megezik* ‘случаться’, обозначающие происшествие как таковое, у *sokszor* — *találkozik* ‘встречаться’, *szokik* ‘обычно бывать’, подчеркивающие узуальность действия у *többször* — *megnövekszik* ‘расти’, *elmúlik* ‘проходить’, обозначающие ситуацию в динамике.

Таким образом, в словацком языке основным противопоставлением в группе является оппозиция по стандартно-

сти/нестандартности частотной ситуации и по ее соответствию/несоответствию ожиданиям говорящего: *často* как наречие, немаркированное по данным признакам, представляет собой универсальное наречие для группы. Вместе с тем *viackrát*, тяготеющее по семантике к *mnohokrát* и *veľa-krát*, демонстрирует жанровую маркированность. В венгерском языке группа в первую очередь делится по жанрово-стилистической отмеченности наречий. Другими смысловыми оппозициями у венгерских наречий группы «часто», как представляется, являются противопоставления по узуральности/отсутствию таковой и по динамике/стабильности характеризуемой ситуации.

Литература

- Dice 1945 — *Dice L.* Measures of the amount of ecologic association between species // *Ecology*. 1945. Vol. 26. No. 3. P. 297–302.
- Rychlý 2008 — *Rychlý P.* A lexicographer-friendly association score // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008* / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9.

Slovak Adverbs of the Group ‘often’ against the Background of Hungarian Ones according to the Association Measures

In the report, the most frequent Slovak and Hungarian temporal adverbs with the meaning of high repeatability of the situation are considered on the corpus material. The compatibility of lexemes is analyzed according to the indicators of association measures, on this basis, the main trends characteristic of the structuring of the semantic group in each of the two spatially bordering languages are identified. It is shown that the Slovak language, more than Hungarian, tends to semanticize lexemes within a group, as well as to mark non-standard, according to the speaker, situations.

DOI: 10.31168/0459-6.20

К. Колева (Шумен, България; Мелитопол, Украйна),
Д.-Д. Атанасова (Шумен, България)

**От Найден-Геровия
«Речникъ на бльгарскый языкъ» (1895–1908)
до «Идеографския диалектен речник
на бльгарския език» (2012–2021):
в търсене на идиомите на народната памет
и на приноса на С. Б. Бернщейн за речниците
на бльгарския език**

Един от топосите на интердисциплинарната хуманитаристика са модалностите на паметта. Съхраняването и изследването на народната памет в глобализация се свят придобива все по-голямо значение. Паметта конструира идентичността — индивидуална и колективна. Паметта зависи от границите на общността и от мястото ѝ в обществото. Съществува не само индивидуална, но и групов памет, чийто хоризонт се простира отвъд индивида, т. е. индивидуалното разбиране за миналото е тясно свързано с колективното съзнание.

Колективната памет е основа на човешката общност. Всяка човешка общност на микро- и макроравнище се организира около споделени спомени. Родовата памет е неизменна част от личността на всеки човек.

Тезата на Халбвакс (Халбвакс 1997) за признаването на умственото съдържание в индивидуалното съзнание за колективна памет само чрез опита на обществото обяснява зависимостите между индивида и общността в полето на тази ментална категория. Разбирането на Нора (Нора 2005) за колективната памет като спомен или съвкупност от спомени за преживян или митологизиран опит от жива колективност противопоставя колективната и историческата памет.

Езикът на паметта в словесността на homo balcanicus е богат на кодове, които имат обща основа — представата за микро- и макросвета. В нея реално и магично, видимо и невидимо, индивидуално и общочовешко, земно и космично се осмислят и се сравняват с познатото, традиционното, изконното. Те се предават от поколение на поколение и са белег на рода.

В картината на света за homo balcanicus онтологичното има специфика, която може да бъде разбрана адекватно от другите през призмата на културната антропология. Различията при съпоставяне с други регионални общности са значително повече и са в сложна съотнесеност в системата (Тодорова 2004). В «балканския котел» процесите и в социума, и в езика, който ги описва, протичат неравномерно и преплитането на конвергентни и дивергентни явления не е рядкост. Реалният свят (обективното) за балканския човек е не само рационално осмислен, а и изживян, оценени и съхранен в паметта чрез на пръв поглед ирационалното и необяснимото за модерния човек, чрез идиоми, които могат да бъдат разбрани като че ли интуитивно за прагматичния съвременник. Това са следите от своеобразния мемориален код, който отключва «черната кутия» на разума и прави познаваеми диахронни пластове, фрагментарни структури и «добре забравеното старо».

Патриархалният български език пази езикови формули, в които е закодирана балканската менталност. Картината на света съдържа топоси, маркиращи географския и езиковия континуум, извън които значението на идиомите става непознаваемо. Това се доказва чрез изследванията на езика и културата на масово изселените / преселилите се българи през последните две столетия.

Данните за лексикалното и фразеологичното богатство на българския език в речниците, които включват данни за териториалното разпространение на явленията са важен източник в търсенето на архетипите на родовата и народ-

ната памет. Тълковните, етимологичните и идеографските лексикони са безценен помощник в интердисциплинарните изследвания.

Предмет на конкретен анализ тук са идиоми с компоненти от езици на Балканите, които стават разбираеми за съвременния човек в контекста на колективната памет, «освежена» с инструментариума на културната антропология при задължителната ексцерпция на посочените видове речници и данните от продължаващите теренни проучвания.

Примерите от синхронна гледна точка са диалектни и се срещат само в непрекъснатия ареал на българския език. Те са зафиксирани в академичния «Българския етимологичен речник» (БЕР). В търсене на значението, появата и разпространението им предварително е извършена внимателна проверка в лексикографските източници и диалектните картотеки на българския език. Тук се посочват само много томните лексикони, в които има референции към ключовите думи на изследваните езикови формули. Анализът на всяка от тях (предмет на друга работа) дава възможност за изясняване на редица въпроси, свързани с дълбоката семантика и пораждането на нови значения в плана на модалността.

Първият лексикографски източник е петтомният Речник на българския език, съставян едно десетилетие от книжовника енциклопедист Найдено Геров (1823–1900). В духа на просвещенската епоха речникът е смесен — тълковен, диалектен, преводен и синонимен и отразява езиковата ситуация в българското езиково землище от втората половина на XIX век. Озаглавен е «Речник на българский язык с тълкувание речиты на българскы и на рускы» (1895–1904). Издаден е в Пловдив, където Н. Геров активно участва през третата четвърт на XIX век и в борбите за устройство на новобългарския книжовен език. Той е най-яркият представител на Пловдивската книжовна школа. Според предговора към допълнението (том 6), издадено от Тодор Панчев по желание на наследниците, общият обем на словника е 78 620 заглавни

думи с примери към тях: 32 000 изречения, 5975 откъси от народни песни, 4300 особености, ок. 15 500 пословици (в това число клетви, гатанки и баяния) и 2200 лични имена. В предговора се уточнява, че в ръкописите са отбелязани източниците за почти всяка дума. Планирано е издаването на второ допълнение с още над 10 000 думи от книжовния език (нови, чуждици и термини). Това безценно лексикално богатство е включено във всички следващи речници на българския език. През 1975–1978 Найден-Геровият речник е издаден фототипно от «Български писател» — София с обширни предговори от акад. Пантелей Зарев, чл.-кор. проф. Любомир Андрейчин, научен консултант на изданието, и проф. Петър Пашов. В наши дни Речникът на Найден Геров е свободно достъпен в дигитален формат.

Многотомните академични речници на българския език, които са дело на националния научен център за изследване и описание на българския език — на неговото съвременно състояние, на историята му, на диалектното многообразие в него и на връзката му с други езици, започват да излизат повече от век след Найден-Геровия и работата по издаването им още не е приключила. Това, разбира се, е проблем. Добрата новина е, че благодарение на дигиталните и информационните технологии тези важни справочни издания стават все по-достъпни. Електронните лексикални ресурси на сайта на Института за български език имат отворен характер и се обновяват, което дава възможност отпечатаните томове да бъдат преиздадени и допълнени. Те включват масивите в картотеките на Института за български език при БАН, съдържащи данните от експедициите, анкетите и ексцерпираните печатни издания у нас и зад граница. Тези картотеки също се обогатяват постоянно и са в процес на дигитализация.

През 1971 г., предхождан от издаването на няколко свезки, е отпечатан първият том (А — З) на «Българския етимологичен речник» (БЕР) с редактор Владимир Георгиев.

Съставители са още Иван Гълъбов, Йордан Заимов и Стефан Илчев. Предговорът започва с формулиране на задачата: в БЕР да се обясни произходът на словесното богатство на българския език, на всички думи, събрани дотогава.

В обширната Библиография са включени трудове на големия българист и славист проф. Самуил Борисович Бернщейн, уважаван учен, учител и съратник на българските си колеги. Две десетилетия преди това в Москва е издаден «Атлас болгарских говоров в СССР» (1958), а няколко години по-късно ръководителят на екипа, изследвал селища с компактно българско преселническо население в Бесарабия и Таврия, заедно със Стойко Стойков застава начело на работата по първия том на Българския диалектен атлас (БДА 1. Югоизточна България). Теренната работа е по земите, откъдето са мигрирали българите в резултат на кримските войни за проливите между двете империи — Руската и Османската. В списъка с библиографията в БЕР 1 намират място 8 самостоятелни изследвания на видния учен и 3 в съавторство с Е. В. Чешко. С тези 11 труда С. Б. Бернщейн е авторът с най-много заглавия (БЕР 1).

Големият българист е в течение на идеята на основателя на съвременната университетска диалектология и ръководител на многотомния «Български диалектен атлас» проф. Стойко Стойков (1912–1969) за издаване на идеографски диалектен речник на българския език, който да предхожда диалектния речник на българския език. Той е посветен в «Проекта за “Идеографски речник на българския език”» на Ст. Стойков и ученика му и съратник Максим Сл. Младенов и познава богатия диалектен архив в Софийския университет и в Института за български език, запознат е и с «манифеста» на тази фундаментална задача — публикацията на Ст. Стойков за речниковото богатство на българските говори (Стойков 1955: 441–445). Патосът на Проекта е натрупването в научните архиви лексикално богатство да бъде обединено, час по-скоро да бъде публикувано и да бъде достъпно, тъй

като е «изключителна ценност както за науката, така и за практическото езиково строителство, за обогатяването и освежаването на нашия книжовен език» (пак там).

«Заветът» на Ст. Стойков се превръща в кауза за неговите ученици Максим Младенов (1930–1992), Тодор Бояджиев и Василка Радева, които приобщават към това мащабно дело своите докторанти и по-късно преподаватели по диалектология в Софийския и Шуменския университет, а също и колеги от БАН. Първият том на Идеографския речник (А — Д) излезе през 2012, а вторият (Е — М) — т. г. (ИДРБЕ 2012; ИДРБЕ 2021). Той беше официално представен на 31.08.2021 в Софийския университет като събитие на Осмия международен колоквиум по старобългаристика. Работата под ръководството на гл. редактор на Речника проф. дфн Василка Радева продължава. Третият том е в напреднала фаза. Предстои публикуването на двата тома в е-формат — нов, много богат източник на информация за речниковото богатство на българския език в допълнение на базата данни със свободен достъп до БЕР и РБЕ на сайта на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин». Свободният е-достъп до лексиконите достъп на българския език е без алтернатива. Перспективна според нас е идеята за интерактивен достъп до лексикалните електронни ресурси, подобно на възможността в Картата на диалектната делитба на българския език на сайта на Института за български език при БАН.

Илюстрацията по формулираната в заглавието на текста тема не случайно е свързана със знаков за българите концепт, чрез който те съизмерват българското с балканското и европейското и му придават категориално значение. Основна ключова дума в изследваните идиоми е названието на реката, която свързва българите на юг и на север от река Дунав, където историческата съдба ги е отвела преди 200 години. Думите, компоненти в коментирания съчетания, вербализират съхранения колективен спомен. Те са придоби-

ли универсална семантика и са се превърнали в метафори (концепти).

Хидронимът *Дунав* е широко разпространен и е познат в различни фонетични варианти включително извън индоевропейските езици, към които принадлежи етимологичната му основа. Това се дължи на универсалността на семантиката му. Дунав означава 'река'.

Естествено е този апелатив да има различни значения и употреби, широка деривационна мрежа и висока фреквентност, като най-високата им концентрация е в басейна на Долния Дунав, т. е. на Балканите, където реката е най-широка и най-пълноводна, с най-много притоци и с най-голям брой населени места. Отражението на тези факти в езика са очаквани и те се потвърждават от данните на лингвистичната география.

Като се има предвид полилингвалната езикова ситуация на Балканите с престижния османскотурски езиков код в историческия контекст на петвековното политическо господство на Османската империя, чиято северна граница е река Дунав, обяснима е появата на турския облик *Туна* на голямата река в българските диалекти, които имат по-интензивен контакт с езика на владетеля. В турските североизточни диалекти *туна* се използва със значение 'много изобилно', чиято семантика става ясна от данните за честите и големи разливи на Дунава в миналото.

В значение за *голямо количество* в говора на Прилеп (Вардарска Македония) се употребява съчетание с хидронимни компоненти *туна и сава* (от поречието на най-голямата европейска река). В Егейска Македония (Емборе, Леринско) с подобно значение се употребява съчетанието *дунав вода*.

1. *Туна и сава*

Българското диалектно съчетание *тѹна и сѹва* 'в много голямо количество, извънредно много' се среща в Прилеп (Вардарска Македония). Според «Българския етимологичен

речник» (БЕР 1971: 446) компонентът *туна* е турският вариант на р. Дунав — *Tuna*. Следва и препратката към турското диалектно *tuna* ‘много изобилно’. Втората съставка очевидно е хидронимът *Сава* от поречието на тази най-голяма европейска река.

Както може да се проследи от данните в етимологичните речници на руския език (Фасмер 1986: 552–553) и на полския (Брюкнер 1985: 103), паралели с думи и съчетания, производни от *Дунав*, могат да се открият далеч на изток и на запад от Балканите. Очевидно тази възможност се корени в паметта на езика, която пази информацията за дълбоката семантика на собственото име на реката.

Съчетанието от двата хидронима *туна* и *сава* е регистрирано само в българския езиков ареал и не е познато в сръбския. Фонетичният му облик насочва към хронологията на явлението (не по-рано от XIV век), което се подкрепя от общоизвестните исторически данни за османското нашествие на Балканите. Компонентът *сава* е названието на втория по големина десен приток на Дунав — река Сава, пълноводна и в по-голямата си част плавателна. В дискурса на патриархалния език за сърбите *Сава* се тълкува ‘дъжд’, тъй като след дъждове реката бързо приижда. Както е известно, Сава се влива в Дунава при едно от най-емблематичните за историята на Балканите селища — Белград. Тук от далечни времена високите води на двете реки са често явление, факт, който е актуален и днес. Освен че са пълноводни, през вековете и двете реки служат за езикови и политически граници (още от славянската колонизация на Балканите). Известно е, че в историята на балканските народи Дунав и Сава играят важно значение.

2. Дунав вода

За българина статутът на най-дългата европейска река, по която в земите му идват различни етноси и култури, е оценен чрез езиковата експликация на този хидроним (Колева

2008). Не случайно в българската фолклорна култура *Дунав* се среща като ключова дума в пословици и поговорки, в чието значение се съдържа представата за голямо пространство, което е преграда, напр. *Власите се давят на края на Дунава* (РБЕ 2: 263).

Този популярен хидроним в партиархалния език на българина се среща и като апелатив в съчетания. В говора на Емборе, Леринско в Егейска Македония има израз *дѹнав вѹда*, означаващ 'много вода, обикновено след проливни дъждове или наводнение' (БЕР 1971: 446). Безспорна е референцията с най-голямата река, до която е имал достъп българинът. За мащабите ѝ има вербални характеристики в различни фолклорни текстове (Колева 2009).

Важно е да се отбележи, че съчетанията *туна* и *сава* и *дунав вода* са регистрирани в ареали, които не са в поречието на река Дунав. Но в югозапада на българското езиково землище, в географската област Македония (Вардарска и Егейска) също протичат големи реки, които обаче се вливат в Бяло море поради наклона на континенталната плоча на юг.

По теренни данни от Бесарабия и на север по Долния Дунав изследваните съчетания не са познати, което има обяснение в историята на миграционните процеси на север от голямата река.

От компонентите в съчетанията (*дунав*, *туна*, *сава*, *вода*) в други метафори се среща само апелативът *вода*, но липсва квантитативно значение. Потърсихме в речниците употребите на семантично свързаните с двата метафорични изрази думи: *голям(а)*, *много* (вода, дъжд), *проливен* (дъжд), *извънредно*, *изключително*, (голямо) *количество* (вода), *наводнение* (вж. библиографираните тук томове на НГер (НГер 1: 142–143; 379; НГер 3: 75; 126; НГер 5: 127; 400), БЕР, РБЕ 2, 4, 9, 10 и ИДРБЕ), но подобни значения не са описани. Възможни са съчетания с някои от диалектните словоформи, навлезли също чрез османския турски език, в разновидността **Доста много* на заглавната дума МНОГО (ИДРБЕ

2: 857). Бъдеща задача е да се направят справки в диалектните картотеки и в лексиконите на балканските езици в контакт с турския.

Извън специализираната езикова информация двете регионално маркирани словесни формули с хидронимни компоненти *дунав вода* и *туна и сава* свидетелстват за знанието, което имат големите реки начело с Дунав за живота на Балканите и в представите на *homo balcanicus* за света.

Литература

- БЕР 1971 — Български етимологичен речник. Т. 1 / съст. Вл. Георгиев и др. София: Издателство на БАН, 1971. URL: <https://ibl.bas.bg/ber/>, <https://ibl.bas.bg/lib/ber/#page/17/mode/1up>.
- Брюкнер 1985 — *Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985.
- ИДРБЕ 2012 — Идеографски диалектен речник на българския език / съст. В. Радева (гл. ред.), Т. Бояджиев, Вл. Жобов, Г. Колев, М. Младенов, Д. Младенова. Т. 1: А — Д. София: Български бестселър, 2012.
- ИДРБЕ 2021 — Идеографски диалектен речник на българския език / съст. В. Радева (гл. ред.), Т. Бояджиев, Вл. Жобов, Г. Колев, М. Младенов, Д. Младенова. Т. 2: Е — М. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2021.
- Колева 2008 — *Колева К. Danube Bulgarian anthropological area // Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Ediția XIII / ed. M. Niagu. Călărași: MDJ, 2008. P. 369–373.*
- Колева 2009 — *Колева Кр. Река Дунав: един европейски концепт в българския културноантропологичен дискурс // Език и литература. 2009. № 1/2. С. 153–157.*
- НГер 1, 3, 5 — *Геров Н. Речник на българския език. Т. 1: А — Д. Пловдив, 1895. Фототипно изд. София: Български писател, 1975. URL: http://macedonia.kroraina.com/pdf/gerov_rechnik_tom_1.pdf; Т. 3: Л — О. Пловдив, 1899. Фототипно изд. София: Български писател, 1977. URL: http://macedonia.kroraina.com/pdf/gerov_rechnik_tom_3.pdf; Т. 5: Р — Я / [ред. Т. Панчев]. Пловдив, 1904. Фототипно изд. София: Български писател, 1978. URL: http://macedonia.kroraina.com/pdf/gerov_rechnik_tom_5.pdf.*
- Нора 2005 — *Нора П. Места на памет. Т. 1: От републиката до нацията; Т. 2: От архива до емблемата. София: Дом на науките за човека и обществото, 2005.*

- РБЕ 2, 4, 9, 10 — Речник на българския език. Т. 2: В. 2. доп. и прераб. изд. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов»: ЕТ «ЕМАС», 2002.; Т. 4: Деятелен — Е. 2. доп. и прераб. изд. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012; Т. 9: М. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов»: ЕТ «ЕМАС», 1998; Т. 10: Н. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов»: ЕТ «ЕМАС», 2000.
- Стойков 1955 — *Стойков Ст.* Речниковото богатство на българските народни говори // *Език и литература*. 1955. № 6. С. 441–445.
- Тодорова 2004 — *Тодорова М.* Балкани — балканизъм. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2004.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
- Халбвакс 1997 — *Халбвакс М.* Колективната памет // *Духът на «Анали»* / съст. Л. Деянова. София: Критика и хуманизъм, 1997.

**From Naiden-Gerov's "Dictionary
of the Bulgarian language" (1895–1908)
to "Ideographic dialect dictionary
of the Bulgarian language" (2012–2021):
Searching the Idioms of Folk Memory
and the Contribution of Samuil B. Bernstein
to the Dictionaries of the Bulgarian Language**

The text is inspired by S. Bernstein's great contribution to Bulgarian dialectology and especially to the study of migrant Bulgarian dialects in the lands north of the Lower Danube. An analysis of two rare idioms from the Bulgarian language continuum with the keyword *Danube* with quantitative meaning of metaphors was made, based on the lexical resources of the Bulgarian language. Explanatory dictionaries, the etymological dictionary and the unique ideographic dictionary, in the preparation of which we participate, are excerpted.

**ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
АТЛАСОВ**

Т. И. Вендина (Москва, Россия)

**Размышления С. Б. Бернштейна
по поводу
«Общеславянского лингвистического атласа»¹**

Компаративистика XX в., критически освоившая опыт диахронической лингвистики предшествующего поколения, оказалась перед фактом ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений. Уже в начале XX в. стало очевидно, что эмпирические наблюдения над их историей имеют атомарный характер. Необходимы были обширные исследования всех славянских языков с целью систематизации и интерпретации этих явлений в пространственно-временном аспекте. Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «*Projet d'un Atlas Linguistique Slave*», в котором поставил вопрос о необходимости создания «Общеславянского лингвистического атласа» для изучения генетических проблем славянских языков методами лингвистической географии.

В этом докладе С. Б. Бернштейн особо выделил один чрезвычайно важный, с его точки зрения, пункт. «Французские ученые предлагали рассматривать славянский диалектный континуум в аспекте единого языка. <...> К этому их толкала

¹ Публикация является расширенным вариантом тезисов, опубликованных в сборнике: Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна, Москва, 15–17 марта 2011 г. / Ин-т славяноведения РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический фак-т; [гл. ред.: А. Ф. Журавлев, Н. Е. Ананьева]. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2011. С. 51–54.

и привычная ситуация для германских и романских языков, где диалектные различия внутри одного языка сплошь и рядом глубже диалектных различий самостоятельных славянских языков» (Бернштейн 1990: 6).

Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого славянского языка, с одной стороны, и “Общеславянским лингвистическим атласом” — с другой. Общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» (Аванесов 1978: 5). И только лишь спустя тринадцать лет после окончания Второй мировой войны, в 1958 г. на IV Международном съезде славистов этот проект вновь стал предметом обсуждения, когда с докладами о создании «Общеславянского лингвистического атласа» выступили З. Штибер («O projekcie Ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego») и Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн («Лингвистическая география и структура языка»).

Следует отметить, что уже при написании этого доклада между Р. И. Аванесовым и С. Б. Бернштейном возникли разногласия. «Один докладчик главную задачу видел в том, чтобы с помощью будущего атласа выяснить вопрос об отношении лингвистической географии к проблемам структуры языка. Основное внимание другого докладчика было направлено на конкретные проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Практически различия сводились к следующему: один докладчик хотел выяснить на материале славянских языков одну из общих проблем теоретического языкознания; другой же стремился решать конкретные проблемы из истории славянских языков. Выход был найден: первую часть доклада писал один докладчик, вторую часть — другой» (Бернштейн 1990: 10).

Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд принял решение развер-

нать работу над «Общеславянским лингвистическим атласом» и рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка «Вопросника» Атласа, его «Программы». Работа эта велась в острой дискуссионной форме. Разногласия участников международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа выявились особенно четко после доклада С. Б. Бернштейна уже на первом заседании этой комиссии в 1959 г.

Основные положения этого доклада сводились к следующему:

1. В ОЛА национальная атрибуция диалектов лишена всякого смысла. Мы изучаем не русские, польские, болгарские и т. д., а славянские говоры. Мы имеем дело не с национальной атрибуцией, а с этнической атрибуцией (славянское противопоставляется неславянскому). Так понимали задачу ОЛА первые его создатели. Карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский языковой мир и показывают его диалектные типы, поэтому на картах ОЛА государственных границ не будет.

2. Вся наша работа в области лингвистической географии шла в плане диахронического языкознания. Однако в отличие от обычных национальных атласов ОЛА потребует от нас особого внимания к синхронно-функциональному аспекту. Именно здесь лежит главное отличие ОЛА от национальных атласов.

3. Транскрипция. Нет сомнений в том, что в ОЛА должна быть единая фонетическая транскрипция, основанная на латинской графике.

4. Число населенных пунктов. В Москве на съезде называли очень большую цифру. Реалистичнее предложение Э. Штибера — 350 пунктов.

5. Вопросник. Нужно ли включать в вопросник ОЛА вопросы, представленные во всех национальных атласах?

Уверенно ответить на этот вопрос трудно. Нужно всесторонне его обсудить.

6. «На Московском съезде славистов широко обсуждали вопрос о роли и месте в ОЛА неславянских языков. Здесь нужно различать два явления: неславянские языки (румынский, венгерский и др.) и славянские говоры на территории неславянских государств. Очевидно, что мимо данных фактов пройти нельзя» (Бернштейн 1990: 12).

Доклад С. Б. Бернштейна вызвал острую дискуссию. После этого доклада (особенно положений о национальной атрибуции лингвистических фактов) инициативная группа раскололась на два лагеря. Как пишет С. Б. Бернштейн, «в самой решительной форме <...> [проф. В. Дорошевский] заявил, что выступает против основных положений доклада. <...> Он заявил, что если доклад будет утвержден, то тогда он и его коллектив диалектологов принимать участия в работе над ОЛА не будут» (Бернштейн 1990: 12–13).

Следует отметить, что этот вопрос остается болезненным до сих пор, и в истории ОЛА был период, когда вопрос о национальной атрибуции диалектного материала, собранного в славянских диалектах на территории Греции и Турции и, соответственно, самих этих пунктов, стал причиной международного конфликта, приведшего к выходу болгарской национальной комиссии из этого международного проекта (в настоящее время после 25-летнего периода отсутствия болгарская национальная комиссия вновь возвратилась в Атлас).

Другой, не менее болезненный, вопрос — это вопрос о задачах атласа. С самого начала основания проекта С. Б. Бернштейн настаивал на синхронно-типологической или синхронно-функциональной ориентации Атласа. Именно в этом, с его точки зрения, заключается главное отличие ОЛА от национальных атласов. Однако именно этот синхронно-функциональный аспект, по его мнению, не учитывался при

разработке «Программы» и, соответственно, «Вопросника» Атласа.

Между тем этот синхронно-типологический подход в Атласе оказался все-таки реализованным. В обеих сериях Атласа — и в фонетико-грамматической, и в лексико-словообразовательной — появились структурно-типологические, обобщающие карты, эксплицирующие результаты анализа материала карт всего тома Атласа.

Синтезируя и упорядочивая огромный материал целого тома, эти обобщающие карты являются по своей сути интерпретационными, поскольку на них репрезентируются результаты сопоставления современных континуантов с более ранними, причем факты, не являющиеся продолжением развития собственно праславянских единиц, авторами элиминируются. При этом на картах получают отражение не только рефлексy картографируемых праславянских фонем, но и их позиционное поведение (отношение к ударению, вокальному количеству и консонантному окружению). После тщательного, скрупулезного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа авторами карт материалов всего тома искомая информация предстает на обобщающих картах в «чистом виде», что делает эти карты бесценным вкладом в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Функциональный подход к интерпретации славянского диалектного материала лежит в основе и другой серии карт — грамматической. В настоящее время в Македонии, Словакии, Польше, Хорватии ведется работа над томами, посвященными выявлению сходств и различий славянских языков в системе имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов. В основе этой серии карт лежит именно функциональный подход, ибо они призваны показать дифференциацию славянских языков с точки зрения эволюции соотношения формы и функции праславян-

ских морфосинтаксических конструкций, заданных в «Вопроснике».

Не менее значимой является структурно-типологическая информация и на сводных лексико-слово-образовательных, мотивационных и номинативных картах, цель которых — представить в обобщенном виде различия либо в способах номинации, либо в словообразовательных средствах славянских языков. Карты этой серии позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков (см., например, реконструкцию метафорических образов божьей коровки в статьях В. Н. Топорова [Топоров 1999: 491], Т. И. Вендиной [Вендина 2003: 193]).

Думается, что излишний пессимизм Самуила Борисовича опровергается самой работой международного коллектива лингвистов. Несмотря на то что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать девять томов фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *ё» (Београд, 1988), «Рефлексы *е» (Москва, 1990), «Рефлексы *q» (Warszawa 1990), «Рефлексы *ьг, *ьr, *ьl, *ьb» (Warszawa 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006), «Рефлексы *е» (Москва, 2011), «Рефлексы *о» (Москва 2008), «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt» (Praha, 2019) — и девять томов лексико-словообразовательной серии: «Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Мінск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), «Человек» (Kraków, 2009), «Сельское хозяйство» (Bratislava, 2012), «Народные обычаи» (Москва — Санкт-Петербург, 2015), «Личные черты человека»

(Москва — Санкт-Петербург, 2020) — и это при том, что в 80-е годы публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли трудности экстралингвистического характера.

Благодаря Атласу произошло укрупнение компаративистских исследований, расширилась сама их парадигма, так как предметом изучения стала не просто структура слова, его этимология, но и его ареал и время возникновения. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство компаративистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Поэтому материалы Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления типологических особенностей их исторического развития.

Атлас, бесспорно, явится прочным фундаментом не только для новых сравнительно-исторических, но и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Литература

- Аванесов 1978 — *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, Загреб — Любляна, 1978. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 5–26.
- Бернштейн 1990 — *Бернштейн С. Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 5–16.
- Вендина 2003 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас как источник реконструкции языка культуры // Общеславянский

лингвистический атлас. Материала и исследования 1997–2000. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 6–21.

Топоров 1999 — *Топоров В. Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 491–532.

Samuil B. Bernstein's thoughts about “Slavic Linguistic Atlas”

The paper deals with the history of “Slavic Linguistic Atlas” project and gives critical assessment of Samuil B. Bernstein’s viewpoint on the possibility of its successful realization.

DOI: 10.31168/0459-6.22

М. Номати (Саппоро, Япония)

Эволюция взглядов С. Б. Бернштейна на кашубский вопрос

1. С 2005 г. кашубский язык в Польше имеет официальный статус самостоятельного регионального языка и упоминается как отдельный язык в польских научных публикациях (Oczkova 2011). В то же время вопрос о том, является ли он отдельным языком, остается открытым; на самом деле эта тема обсуждалась учеными с конца XIX в. и всё еще обсуждается в настоящее время (Popowska-Taborska 2006; Тихомирова 2017: 373). Противопоставление «язык — диалект» и таксономия языков неизбежно переплетаются с экстралингвистическими факторами, подвергаясь рассмотрению разными заинтересованными сторонами, которые меняются в зависимости от периода, в который описывается язык. Необходимо отметить, что официальная позиция относительно того или иного языка славянской группы России и Советского Союза как одной из влиятельных сил

в политике и в науке также была важной для участников дискуссии. Поэтому эволюция взглядов С. Б. Бернштейна на кашубский вопрос является интересной и важной темой в истории славистики.

2. Ситуацию с кашубским вопросом на момент начала XX в. можно кратко охарактеризовать как непрекращающийся спор между тремя лагерями (Treder 2006: 85–92):

1. Кашубский — это диалект польского языка: Калина, Карлович.
2. Кашубский — это отдельный западнославянский язык: Рамулт, Лоренц.
3. Кашубский — это отдельный язык, который является ответвлением польского, занимая позицию между польским и полабским: Гильфердинг, Бодуэн де Куртенэ.

В дореволюционной России преобладала третья точка зрения, в чем можно убедиться, обратившись к такому справочному пособию, как «Лекции по славянскому языкознанию II» Флоринского (1897), в котором кашубский рассматривается в отдельном разделе наряду с другими западнославянскими языками. Аналогичных взглядов придерживается Селищев в своем пособии «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (1914).

В 1930–1940-е гг., когда в советской лингвистике главенствовал так называемый марризм, славянская лингвистика пребывала в состоянии упадка. Это была мрачная эпоха, в особенности для славянского сравнительно-исторического языкознания, поскольку эта фундаментальная дисциплина не признавалась «Новым учением о языке» Н. Я. Марра. В этом контексте примечательна первая публикация С. Б. Бернштейна под названием «Польский язык» (Бернштейн 1935), включенная в «Литературную энциклопедию». Аккуратно избегая давать диахроническое описание польского языка и обходя тему его происхождения от праславянского, которые подразумевали бы несогласие С. Б. Бернштейна с «Новым

учением», он определяет польский язык следующим образом: «Польский язык принадлежит к группе зап.-славянских яз. и вместе с кашубским и вымершим полабским яз. составляет их лехицкую группу».

Необходимо отметить, что эта статья включает раздел, посвященный языковой политике в современной Польше, в котором он среди прочего пишет: «Языковая политика в современной Польше тесно связана с общей националистической политикой польского империализма. Наиболее актуальным является так наз. кашубский вопрос, имеющий многолетнюю давность... Польская официальная наука видит в кашубском яз. лишь диалект П. яз., отстоящий якобы от него только несколько дальше, нежели диалекты собственно польские. Для кашубов обязательным лит-ым яз. признан польский».

В некотором смысле в этой статье кашубский язык является средством обличения польского империализма, а в следующей статье «Славянские языки» (Бернштейн 1937), написанной как продолжение вышеупомянутой статьи и также входящей в «Литературную энциклопедию», можно найти следующее относительно завуалированное определение места кашубского языка¹: «К западной группе принадлежат языки чешский, словацкий, польский с кашубским, лужицкие и вымерший в 18 веке полабский, на котором говорили славянские племена, населявшие берега Эльбы».

Следующая статья С. Б. Бернштейна (Бернштейн 1940) с тем же, что и статья 1935 г., названием «Польский язык», опубликованная в первом издании «Большой советской энциклопедии», отличается от упомянутой статьи тем, что в новой статье кашубский язык вообще не упоминается.

¹ Термин «польский с кашубским» можно найти в дореволюционной энциклопедической статье «Славянские языки», написанной Бодуэном де Куртенэ (Бодуэн-де-Куртенэ 1900: 317), который в этой статье отделяет польский язык от кашубского.

Причиной того, что кашубский язык не упоминается в статье, может являться тот факт, что, с одной стороны, это же издание энциклопедии содержит отдельную статью «Кашубский язык», подписанную *К. Н.* (К. Н. 1936), с другой стороны, кашубский упоминается как один из независимых западнославянских языков в статье С. Б. Бернштейна «Славянские языки» в том же издании «Большой советской энциклопедии» (статья была написана в 1943 г. и опубликована в 1945 г.).

В своей неопубликованной статье под названием «Славянские языки и народы», написанной в 1941 г., С. Б. Бернштейн определяет кашубский язык так: «Кашубский язык близок к польскому. Это дало право утверждать группе языковедов, что кашубский язык является лишь диалектом польского языка. В действительности это не так. Пережив много общих процессов с польским, кашубский язык, однако, имеет особенности, которых нет в польском языке... Один из крупнейших культурных деятелей кашубского народа, Ф. Цейнова, писал на северном диалекте» (Бернштейн 1941).

Примечательно, что в этой статье С. Б. Бернштейн также упоминает кашубов как отдельный народ, помимо того что рассматривает их язык как самостоятельный. В еще одной неопубликованной статье под названием «Славянские языки (общий обзор)», написанной в 1944 г., С. Б. Бернштейн фокусирует свое внимание на других аспектах вопроса: «Правильное решение “кашубского вопроса” принадлежит русскому славяноведению. Известные русские слависты Гильфердинг и Бодуэн де Куртенэ на основании всестороннего и объективного изучения этого вопроса пришли к выводу, что кашубский язык не представляет собою говора польского языка, а является самостоятельным славянским языком... Этот взгляд нашёл полное признание среди славистов, далёких как от польских стремлений, так и от кашубского национализма» (Бернштейн 1944).

В этой статье С. Б. Бернштейн акцентирует два момента: значимость вклада российских ученых в славянскую лингвистику для правильного понимания кашубского вопроса и нейтральность решения, не поддерживающего чьи-либо националистские взгляды, что отличает эту статью от статьи 1935 г.

Позднее С. Б. Бернштейном было написано шесть статей с названием «Славянские языки», которые были опубликованы в следующих изданиях: во втором издании «Большой советской энциклопедии» (Бернштейн 1956), в «Украинской советской энциклопедии» (Бернштейн 1963), в третьем издании «Большой советской энциклопедии» (Бернштейн 1976), в его предисловии к коллективной монографии «Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков» (Бернштейн 1977), в энциклопедии «Русский язык» (Бернштейн 1979) и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (Бернштейн 1990). Все эти статьи отличны друг от друга. В статьях 1956 и 1963 гг. кашубский исключен из списка западнославянских языков и о нем нет ни единого упоминания.

Третье издание «Большой советской энциклопедии» всё еще содержит пару статей, а именно отдельные параграфы о польском и кашубском языках, в то же время С. Б. Бернштейн не упоминает кашубский язык в своей статье «Славянские языки», опубликованной в том же издании. В статье 1976 г. С. Б. Бернштейн приводит уточнение, поскольку меняет свои взгляды на кашубский язык, и классифицирует славянские языки следующим образом: «Современные славянские языки принято делить на 3 группы: восточнославянскую (рус., укр., белорус. языки), южнославянскую (болг., макед., сербохорв., словен. языки), западнославянскую (чеш., словац., польск. с кашубским диалектом, верхне- и нижнелужицкий языки)».

Теперь кашубский считается диалектом польского языка. Примечательно, что третье издание «Большой советской эн-

циклопедии» (1969–1978) уже не содержит статьи «Кашубский язык». Вместо нее в нем остается только статья «Кашубь». В этой статье утверждается, что «они [кашубы] говорят на кашубском диалекте польского языка» (Анонимный автор 1973: 560).

В статье 1977 г., используя практически тот же подход, С. Б. Бернштейн более конкретно обосновывает свою классификацию, указывая на важность наличия литературного стандарта как признака самостоятельности языка: «Важнейшим признаком самостоятельности каждого славянского языка является наличие соответствующего литературного языка, письменной и устной литературной нормы... А это все определялось не особенностями языков, несобственно лингвистическими факторами, а историческими условиями формирования народностей и наций».

В статье 1979 г., придерживаясь той же классификации и ссылаясь на тот факт, что классификация была осуществлена в соответствии с представлениями о литературном языке на момент написания статьи 1977 г., С. Б. Бернштейн говорит о кашубском языке так: «Кашубский — потомок вымершего поморского языка, сохраняющий самостоятельность, может уже в какой-то степени рассматриваться как диалект польского языка» (Бернштейн 1979: 298).

3. Таким образом, взгляды С. Б. Бернштейна претерпели значительные изменения: до 1944 г. С. Б. Бернштейн рассматривал кашубский как явно самостоятельный язык, но в 1956 г. кашубский им игнорировался, а после 1976 г. упоминался как диалект польского, сохраняющий, однако, некоторую степень самостоятельности. Причиной этого являлось то, что кашубский не имеет полностью сформированного литературного идиома. Возникает вопрос о том, изменил ли С. Б. Бернштейн свою точку зрения, приняв во внимание политику Польши относительно меньшинств. В какой-то степени это может быть правдой, однако в его мемуарах не упоминается о каких-либо дискуссиях на эту тему. Работа

с кашубским языком не была запрещена, в отличие от того, как это было в случае с македонским языком.

На самом деле нельзя найти ничего, что указывало бы на конкретные причины перемен. В то же время есть три вероятные причины, которые наслаиваются друг на друга. Прежде всего, эпоха марризма закончилась в 1950 г. Хотя С. Б. Бернштейн в принципе не являлся сторонником Марра, который отрицал родство славянских языков, более безопасно для С. Б. Бернштейна было рассматривать кашубский как отдельный язык в новом контексте, не отрицая взглядов на кашубский язык, устоявшихся в славянской лингвистике в дореволюционное время. Вскоре после окончания эпохи марризма у С. Б. Бернштейна появилась возможность продолжить научную работу в сфере исторической лингвистики, что позволило ему четко дифференцировать две стороны вопроса — синхронию и диахронию славянских языков. В своем «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (Бернштейн 1961: 38) С. Б. Бернштейн выражает следующее мнение: «Правы те лингвисты, которые думают, что в прошлом кашубские говоры, находившиеся в близких отношениях к польской группе говоров, представляли, однако, по отношению к ним известную самостоятельность. Кашубские и словинские говоры — остатки языка многочисленных поморских славян. При иных обстоятельствах на территории Поморья могли бы сформироваться различные западнославянские национальные языки. Но этого не случилось... Кашубы тесно связали свою судьбу с поляками, а их язык испытал глубокое влияние польского. Думаю, что для настоящего времени нет оснований говорить о самостоятельном национальном кашубском языке».

Еще один фактор, изменивший взгляды С. Б. Бернштейна, — развитие исследований в области кашубского языка, начавшееся в Польше. В начале 1950-х гг. Здзислав Штибер опубликовал серию эпохальных работ о кашубских диалектах, таких как «Zagadnienie iloczasu kaszubskiego» (1951),

«Rozwój fonologiczny kaszubszczyzny» (1952), и «Stosunek kaszubszczyzny do dialektów Polski łądowej» (1954), и основал лабораторию для разработки кашубского лингвистического атласа в 1954 г. Это убедило С. Б. Бернштейна в том, что кашубский язык следует считать диалектом польского. По словам Светланы Михайловны Толстой (при личном общении), С. Б. Бернштейн в то время относился к Штиберу с большим почтением и изучал все его работы в сфере кашубской и польской лингвистики.

Еще одним, на сей раз социолингвистическим элементом, оказавшим влияние на взгляды С. Б. Бернштейна в 1970-е гг., явилась таксономия языков, основанная на представлениях о литературном языке. В 1970-е гг. вопросы литературных языков представляли интерес для ученых-славистов в СССР, и С. Б. Бернштейн выступал в качестве руководителя разнообразных проектов, посвященных этой теме. Его статья «Культурный язык — письменный язык — литературный язык» (Бернштейн 1978) дает нам подсказку для понимания эволюции его взглядов на таксономию славянских языков, в которой кашубский не может быть принят во внимание ни на одной из трех стадий развития литературного языка.

Есть все основания полагать, что взгляды С. Б. Бернштейна относительно объективны и имеют научную природу, отражая уровень исследований. С. Б. Бернштейн ушел из жизни 6 октября 1997 г. Хотя письменная форма кашубского сформировалась в социалистический период², из мемуаров ученого не становится очевидным, был ли он знаком с соответствующими публикациями и движениями. С. Б. Бернштейн не успел в полной мере проследить за процессом формиро-

² Например, «Принципы кашубской орфографии» (1975 и 1984 г.) и «Кашубская грамматика» (1981 г.) были опубликованы Эдвардом Брезой и Ежи Тредером. Эти книги фактически выполняли функцию учебников кашубского литературного языка.

вания кашубского литературного языка, который в 2005 г. был официально признан региональным языком Польши и продолжает успешно развиваться и видоизменяться как стандартный язык (по данным 2021 г.).

Литература

- Анонимный автор 1973 — Кашубы // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. Т. 11. 1973. С. 560.
- Бернштейн 1935 — *Бернштейн С. Б.* Польский язык // Литературная энциклопедия / Коммунистическая академия, Секция литературы, искусства и языка; отв. ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарский. [М.]: Изд-во Коммунист. академии, 1929–1939. Т. 9. С. 119–123.
- Бернштейн 1937 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Литературная энциклопедия / Коммунистическая академия, Секция литературы, искусства и языка; отв. ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарский. [М.]: Изд-во Коммунист. акад., 1929–1939. Т. 10. 1937. С. 316–319.
- Бернштейн 1940 — *Бернштейн С. Б.* Польский язык // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. [1-е изд.] М.: Советская энциклопедия, 1926–1947. Т. 46. 1940. С. 234–235.
- Бернштейн 1941 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки и народы. Справочник [неопубликованная рукопись] // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАГМ). Ф. л-222. Оп. 1 Д. 12. Л. 1–38.
- Бернштейн 1944 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки (общий обзор) [неопубликованная рукопись] // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАГМ). Ф. л-222. Оп. 1 Д. 12. Л. 1–35.
- Бернштейн 1945 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. [1-е изд.] М.: Советская энциклопедия, 1926–1947. Т. 51. 1945. С. 346–378.
- Бернштейн 1956 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Большая советская энциклопедия / глав. ред. 1–7 т.: С. И. Вавилов, 8–51 т.: Б. А. Введенский. М.: Большая сов. энциклопедия, 1949–1958. Т. 1–51. 2-е изд. Т. 39. 1956. С. 305–309.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Бернштейн 1963 — *Бернштейн С. Б.* Слов'янські мови // Українська радянська енциклопедія: [в 17 т.] / голов. ред. колегія: М. П. Бажан (голов. ред.) [та інші]. Київ: Академія наук УРСР — Головна редакція Української радянської енциклопедії, [1959]–1965. Т. 13. 1963. С. 256–257.

- Бернштейн 1976 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. Т. 23. 1976. С. 552–553.
- Бернштейн 1977 — *Бернштейн С. Б.* Введение // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / ред. А. Г. Широкова, В. П. Гудков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 5–18.
- Бернштейн 1978 — *Бернштейн С. Б.* Культурный язык — письменный язык — литературный язык // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. = Les cultures slaves a l'epoque de la formation et du developpement des nations slaves XVIII–XIXes ss.: материалы Международной конференции ЮНЕСКО / ред. кол. Д. Ф. Марков [и др.]. М.: Наука, 1978. С. 106–111.
- Бернштейн 1979 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Русский язык: энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия», Ин-т рус. яз. АН СССР; гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 297–300.
- Бернштейн 1990 — *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия», Ин-т языкознания АН СССР]; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 460–461.
- Бодуэн-де-Куртенэ 1900 — *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Славянские языки // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона] / под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевского. М.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. Т. 30. С. 316–332.
- К. Н. 1936 — *К. Н.* Кашубский язык // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. [1-е изд.] М.: Советская энциклопедия, 1926–1947. Т. 32. 1936. С. 57.
- Тихомирова 2017 — *Тихомирова Т.* Польский язык // Языки мира. Славянские языки / ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик. СПб: Нестор-История, 2017. С. 373–409.
- Oczkowa 2011 — *Słowiańskie języki literackie. Rys historyczny* / red. B. Oczkowa. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011.
- Popowska-Taborska 2006 — *Popowska-Taborska H.* Szkice z kaszubszczyzny. Dzieje badań. Dzieje języka. Zabytki. Etymologie. Gdańsk: Instytut kaszubski, 2006.
- Stieber 1951 — *Stieber Z.* Zagadnienie iloczasu kaszubskiego. Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU // Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU. Kraków. Styczeń — grudzień 1950. S. 503–509.
- Stieber 1952 — *Stieber Z.* Rozwój fonologiczny języka polskiego. Warszawa: PWN, 1952.

Stieber 1954 — *Stieber Z.* Stosunek kaszubszczyzny do dialektów Polskiej łądowej // Konferencja pomorska. Prace językoznawcze / ed. Z. Stieber. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1954. S. 37–48.

Treder 2006 — *Język kaszubski.* Poradnik encyklopedyczny / red. J. Treder. Wyd. 2. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006.

The Evolution of Samuel B. Bernstein's View on the Kashubian Question

Samuil B. Bernstein was one of the most renowned Soviet and Russian Slavists, who had an unmatched scholarly breadth and depth and was interested in all aspects of Slavic linguistics. Though he was famous as a specialist in the South Slavic languages and Slavic historical and comparative grammar, he was equally interested in West Slavic languages, particularly in Polish, including Kashubian. In his lifetime, Bernstein did not write much about Kashubian, but from little that he wrote, it seems clear that he changed his views toward Kashubian several times. In this presentation, I will analyze Bernstein's published and unpublished materials in order to establish at what points in his career, and for what reasons, he changed his views on Kashubian.

DOI:10.31168/0459-6.23

P. Přadková (Brno, Česko)

Cesty české dialektologie¹

Zájem o nářečí sahá hluboko do minulosti, avšak rozmach dialektologie nastal po 2. světové válce. Soustavná a organizovaná činnost českých dialektologů započala současně se vznikem Ústavu pro jazyk český v roce 1946. V roce 1952 vzniklo

¹ Příspěvek vznikl na základě řešení projektu č DG20P02OVV029 Nářečí českého jazyka interaktivně. Dokumentace a zpřístupnění mizejícího jazykového dědictví jako nedílné součásti regionálních identit; poskytovatel podpory Ministerstvo kultury, Program NAKI II.

pracoviště dialektologického oddělení v Brně, kde sídlí dosud. Dialektologické oddělení se primárně zaměřuje na systematický výzkum tradičních teritoriálních dialektů českého národního jazyka a další zpracování získaného nářečního materiálu.

Od roku 1947 začala Dialektologická komise České akademie věd postupně vydávat celkem třináct oblastních dotazníků zaměřených především na základní jevy hláskoslovné a morfologické, jejichž cílem bylo prozkoumat sledované nářeční jevy a získat přehledný obraz jejich zeměpisného rozšíření, tedy utvořit si komplexní představu o tehdejšímu stavu dialektů na území českého národního jazyka. V letech 1954 a 1958 byly sestaveny také dva sešity dotazníku lexikálního. Za pomoci těchto dotazníků byl proveden nářeční výzkum formou nepřímé explorační — korespondenční metodou. Výsledky výzkumu byly využity v nářečních monografiích, posloužily též pro sestavení rozsáhlého inventáře diferenčních jevů a pro vytvoření *Dotazníku pro výzkum českých nářečí*. Obsahuje 2649 položek, uspořádaných do dvou oddílů: část A zahrnuje okruhy věcně-významové (místní a domácí prostředí; hospodářství; zemědělská práce; příroda; člověk; život člověka; společenský život), část B se věnuje morfologii všech slovních druhů, syntaxi a vybraným jevům slovotvorným. Podle tohoto dotazníku byl školenými dialektology proveden v terénu sběr materiálu pro *Český jazykový atlas (ČJA)*.

V letech 1964–1972 se zkoumalo ve 420 venkovských obcích (223 lokalit v Čechách, 197 na Moravě a ve Slezsku). Součástí této sítě bylo i pět vesnic ležících v dnešním Polsku, a to dvě ze starého českého osídlení v Kladsku (Słone a Jakubowice) a tři z bývalého opavského Slezska (Branice, Pietrowice Wielkie, Krzanowice). Paralelně s tím se nářečí zkoumala též v dalších třinácti vybraných vesnicích se starší českou kolonizací v zahraničí, a to v Rumunsku, v bývalé Jugoslávii a v Polsku.

V letech 1973–1976 výzkum pro *ČJA* pokračoval v 57 městech. Zde šlo o zaznamenání běžné mluvy, byly vynechány lexikální

položky spjaté s reáliemi tradičního života na venkově a dodatečně bylo připojeno 132 položek zaměřených na výzkum jazykové situace (zvláště u mladé generace) ve městech.

Na základě shromážděného materiálu vzniklo v dialektologickém oddělení ÚJČ AV ČR v letech 1992–2011 rozsáhlé šestidílné jazykovězeměpisné dílo *Český jazykový atlas*. 1.–5. díl *ČJA* obsahuje celkem 1558 map a 1578 komentářů. 1.–3. svazek je věnován lexiku spojenému s tradičním způsobem života (okruhy člověk, místní a domácí prostředí, zahrada a sad, živočišstvo, les a rostlinstvo, krajina, čas a počasí, vesnice dříve a nyní, zábavy a zvyky, hospodářská usedlost, polní práce, zemědělské náradí a nástroje, dobytek a drůbež), 4. svazek se zabývá morfologií, 5. svazek obsahuje kapitoly hláskosloví, syntax, adverbia a předkládá výsledky doplňkového výzkumu městské mluvy.

Pro *ČJA* byl autorským kolektivem zvolen způsob prezentace nářečního materiálu, který byl tehdy v oblasti areálové lingvistiky ojedinělý a novátorský. Na mapách se užívá syntetizujícího způsobu zobrazení, areálové členění je zdůrazněno kombinací techniky plošné (izoglosy s nápisy a šrafování) s technikou bodového značkování (značky lineární a figurální). Každá atlasová položka obsahuje kromě mapy i komentář, rozdělený do několika oddílů.

Závěrečný svazek *Dodatky* je svazkem sumarizujícím, zpřístupňuje *Český jazykový atlas* jako celek, přináší čtenářům další upřesnění a doplnění. Lze v něm najít charakteristiky zkoumaných lokalit, bibliografii české dialektologie od r. 1968. V úplnosti je zde publikován *Dotazník pro výzkum českých nářečí*, jenž obsahuje 2 649 položek, poprvé je tiskem zveřejněn *Dodatkový lexikální dotazník pro výzkum mluvy ve městech* se 139 položkami. Významnou část svazku tvoří souhrnné rejstříky (pro svazky 1.–5.): rejstřík zpracovaných položek, rejstřík nářečních dokladů a rejstřík autorů. Součástí *Dodatek* jsou také zvukové ukázky nářečních promluv, které byly pořízeny v průběhu terénních výzkumů pro *ČJA*. Jsou představeny na

dvou CD (první CD obsahuje 36 vyprávění z Čech, druhé CD 34 nahrávek z Moravy a Slezska). V knize samozřejmě najdeme přepis promluv do textové podoby ve zjednodušené, tzv. fonetické transkripci, ke každému přepisu je ještě připojena stručná charakteristika nářečních jevů obsažených v ukázce.

Ve snaze zpřístupnit dílo co nejširšímu okruhu uživatelů byla na internetu uveřejněna elektronická PDF verze ČJA, která odráží jeho knižní podobu (<https://cja.ujc.cas.cz/>). Zde lze procházet každý svazek samostatně, není však možné prohledávat souhrnně všech šest svazků. Proto dialektologické oddělení přistoupilo k vytvoření HTML verze *Atlasu*, která umožňuje pokročilé vyhledávání v hesláři a v rejstříku všech svazků ČJA podle zadané položky nebo jazykového dokladu (<https://cja.ujc.cas.cz/e-cja/>). Prozatím jsou zpřístupněny první čtyři svazky.

Materiál nashromážděný výzkumem pro ČJA se stal jedním ze zdrojů pro *Slovník nářečí českého jazyka (SNČJ)*, na němž dialektologické oddělení ÚJČ AV ČR začalo pracovat hned po dokončení ČJA (2011). Nejvýznamnějším a nejrozsáhlejším zdrojem je *Archiv lidového jazyka*, který je soustavně budován již od r. 1952. Obsahuje materiál získaný ze starších tištěných i rukopisných nářečních prací, slovníků, dále nářeční lexikum od dopisovatelů, průběžně je doplňován excerpty z diplomových a dizertačních prací, velký podíl na jeho obohacování mají samozřejmě i přímé terénní výzkumy. V současné době obsahuje přibližně 1,5 milionů záznamů.

SNČJ zpracovává celonárodní nářeční slovní zásobu. Zachycuje také v maximální možné míře specifické výrazy různých tradičních profesí a řemesel, často už mizejících. Je to slovník nediferenční, relativně úplný. Vzniká jako elektronická publikace. Pro vytváření slovníkových hesel byl vyvinut speciální software. Editace heslového odstavce je prováděna prostřednictvím elektronického formuláře, v němž autor hesla zadává potřebné údaje (nářeční varianty, materiálové příklady s lokalizacemi, gramatické kategorie atd.) do jednotlivých kolo-

nek. Software potom z vyplněného formuláře vytvoří podobu heslového odstavce. Hotová hesla jsou uveřejňována v internetovém *Slovníku* (<https://sncj.ujc.cas.cz>), v současnosti jsou dostupná hesla s náslovím A — Č.

Dalším velkým projektem, do něhož jsou čeští dialektologové zapojeni, je *Slovanský jazykový atlas* (*SJA*; <https://www.slavatlas.org/>). Patří k nejvýznamnějším projektům slovanské jazykovědy. Jde o projekt nadnárodní, jehož se účastní univerzitní a akademická pracoviště všech států se slovansky hovořícím obyvatelstvem (Polsko, Česko, Slovensko, Německo, Bělorusko, Ukrajina, Rusko, Slovinsko, Chorvatsko, Bosna a Hercegovina, Černá Hora, Srbsko, Make donie a Bulharsko). Myšlenka celoslovanského atlasu byla nastolena již na 1. mezinárodním sjezdu slavistů, konaném v r. 1929 v Praze. Přípravné práce začaly po 4. mezinárodním sjezdu slavistů v Moskvě v r. 1958. Od r. 1961 řídí práci na *SJA* Mezinárodní komise Slovanského jazykového atlasu při Mezinárodním komitétu slavistů, a to nejen organizačně, ale především určuje koncepci díla. V rámci účastnických států byly postupně vytvořeny tzv. národní komise. Mezinárodní komise pravidelně pořádá zasedání, kde se pracovní kolektiv soustřeďuje na řešení problémů vzniklých při zpracování materiálu. Jednácím jazykem je ruština.

Mezinárodní komise vypracovala výzkumnou síť 830 bodů, do níž byly zahrnuty i slovanské lokality administrativně začleněné do státních útvarů s majoritním neslovanským obyvatelstvem. V roce 1964 vznikla definitivní podoba Dotazníku *SJA*. Obsahuje 3454 otázek zaměřených na zkoumání jevů z oblasti hláskosloví, tvarosloví, lexika, slovotvorby, sémantiky, prozódie a syntaxe (*Вопросник ОЛА*, Moskva 1965). Terénní výzkum pro potřeby *SJA* probíhal v letech 1965–1973.

SJA vychází ve dvou řadách: lexikálně-slovotvorné a foneticko-gramatické. Jako metoda kartografického zobrazení nářeční situace bylo zvoleno zaznamenání jevů na mapě pomocí

symbolů. Svazky vycházejí v jednotlivých účastnických zemích. Jsou jednotně koncipovány: po úvodní studii týkající se tématu zpracovávaného ve svazku je vždy uveden systém fonetické transkripce, legenda a soupis zkoumaných lokalit. Následuje mapová část. Soupis nářečního materiálu je představen na levé (sudé) straně svazku, na pravé (liché) straně se nachází symbolová mapa s legendou a krátkým komentářem. V některých svazcích jsou zařazeny i svodné mapy.

V roce 2019 vydala česká národní komise svazek *Reflexy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt*. Editorkami jsou členky české národní komise SJA Martina Ireinová a Petra Přadková, pracovnice dialektologického oddělení ÚJČ AV ČR v Brně. Od roku 2017 byli členy redakčního kolektivu také Nikolaj Antropov z běloruské národní komise a Pavlo Gricenko z ukrajinské národní komise.

Tento svazek je věnován vývoji praslovanských skupin **or*, **ol*, **er*, **el* v interkonsonantických (**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*) a náslovných (**ort*, **olt*) pozicích slov v dialektech slovanských jazyků. Svazek obsahuje celkem 79 map. Reflexy **tort* jsou představeny na 25 mapách, **tolt* na 18, **tert* na 16, **telt* na 9, **ort* na 9 a **olt* na 2 mapách. Mapy jsou opatřeny legendami a komentáři a doplněny soupisy nářečního materiálu.

Slovanský jazykový atlas má mimořádný význam nejen pro lingvistiku, ale i pro řadu dalších vědních disciplín, např. historii, etnologii, kulturologii, religionistiku.

Dialektologické oddělení pracuje i na dalších projektech, o nichž zde nebylo pojednáno (např. *Slovník pomístních jmen Moravy a Slezska*, *Evropský jazykový atlas*), a do budoucna má před sebou celou řadu úkolů. Dialektologové prostřednictvím terénních výzkumů stále provádějí sběr nářečního materiálu a věnují se jeho zpracování. Velmi důležitým úkolem je tvorba *Slovníku nářečí českého jazyka* a dokončení HTML verze *Českého jazykového atlasu*. Připravuje se také interaktivní propojení *SNČJ* jak s *ČJA*, tak se *Slovníkem pomístních jmen na Moravě*

a ve Slezsku, které uživatelsky přátelským způsobem umožní využívat výsledky činnosti českých dialektologů lingvistům, pedagogům, studentům i široké veřejnosti.

Literatura

- Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 9. Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt / ed. M. Ireinová, P. Přadková. Praha: Academia, 2019.
- Balhar J. Český jazykový atlas. Dodatky. Praha: Academia, 2011.
- Český jazykový atlas 1 / ed. J. Balhar, P. Jančák. Praha: Academia, 1992.
- Dotazník pro výzkum českých nářečí. Ústav pro jazyk český ČSAV, dialektologické oddělení Praha — Brno. Praha, 1964–1965.
- Hlavsová J. Počátky české dialektologie // Naše řeč. Roč. 70. 1987. S. 75–81.
- Hlavsová J. Počátky české dialektologie II // Naše řeč. Roč. 70. 1987. S. 141–149.
- Jančák P. Lexikální výzkum našich nářečí // Naše řeč. Roč. 38. 1955. S. 245–247.
- Jančák P. Závěrečná dotazníková akce při výzkumu českých nářečí // Naše řeč. Roč. 42. 1959. S. 105–107.
- Přadková P. Slovanský jazykový atlas. Věda kolem nás. Praha: Academia, 2020.
- Slovník nářečí českého jazyka [online]. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. © 2016– [cit. 2018-03-28]. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz>.
- Utěšený S. K dotazníkovému výzkumu slovní zásoby českých nářečí // Naše řeč. Roč. 40. 1957. S. 222–227.
- Zimová B. Archiv lexikálního materiálu lidového jazyka // Naše řeč. Roč. 37. 1954. S. 235–239.
- Zimová B. Práce dopisovatelů při tvoření archivu lidového jazyka // Naše řeč. Roč. 39. 1956. S. 241–242.
- Zimová B. Soustavnost v práci dopisovatelů archivu lidového jazyka // Naše řeč. Roč. 44. 1961. S. 243–245.

Paths of Czech Dialectology

The Department of Dialectology of the Institute of the Czech Language in Brno systematically examines traditional territorial dialects. Between 1992 and 2011 six volumes of the *Czech Linguis-*

tic Atlas were published. Since 2011, Czech dialectologists have been working on the *Dictionary of Czech Dialects*. The dictionary is being created in a special computer programme. It captures the dialect lexicon in Bohemia, Moravia and Silesia over the past ca. 150 years. An electronic version of the *Dictionary* has been available since 2016. The Department of Dialectology is a team member of The Slavic Linguistic Atlas project. The 9th volume “Reflexes *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt” was published by Czech dialectologists in 2019.

DOI: 10.31168/0459-6.24

А. Панчевска (Скопје, Северна Македонија)

Називите за ‘кукла’ во македонските дијалекти во поширок словенски контекст (според материјалите на ОЛА)

Вовед

Во овој текст ќе биде обработен материјалот од прашањето од X Лексички том на «Општословенскиот лингвистички атлас» (ОЛА 10) од областа на народните обичаи. Станува збор за називите на ‘кукла’ во словенските дијалекти, т. е. во пунктовите опфатени во ОЛА — 853 населени места од целата словенска територија. Македонскиот дијалектен комплекс во овој проект е претставен со 24 населени места кои се распоредени во рамките на државните граници, но и надвор од нив. Едно населено место се наоѓа во Република Албанија, а 8 во Република Грција. Називите за *кукла* се предмет на обработка на прашањето L 2291 ‘кукла’ според *Прашалникот* на ОЛА, а се обработени во картата бр. 35 во X лексички том на ОЛА (ОЛА 10: 158).

Овие називи на целата словенска територија означуваат предмет, фигура, обично женска, што служи како детска

играчка. Куклата е модел на човечко суштество, а најчесто се користи како играчка за деца. Традиционално, овие предмети се користеле при магиски и верски обреди во целиот свет, па и кај Словените. «Трагите на оваа варијанта од веригата на траењето особено се присутни во кругот на пролетните ритуали, кои го одразуваат доаѓањето на новата година, поточно новиот плоден циклус на годината. Тие во основа, се идентични кај сите индоевропски народи. Според досегашните сознанија, словенските примери се карактеристични по тоа што во некои подрачја се заувани во мошне изворна форма. Основниот елемент во нив е обредната женска фигура — кукла, изработена од разни растителни елементи (гранки, лисја, кора, трева, слама, цветови...)» (Чаусидис 1994: 237). Традиционални кукли изработени од материјали како што се глина и дрво се наоѓаат во Америка, Азија, Африка и Европа. Најраните документирани кукли потекнуваат од древните цивилизации на Египет, Грција и Рим. Тие се изработени како сурови, рудиментирани играчки, а на некој начин претставуваат и уметнички израз.

На македонската јазична територија се појавуваат четири називи за именување на овој предмет. Пошироко, на словенската територија, се употребуваат повеќе други. Овде ќе ги разгледаме македонските називи, но и оние на останатата словенска територија, за да се согледа местото на македонските говори во поглед на овој назив во поширокиот словенски јазичен свет. Ќе бидат разгледани етимолошки, но и во поглед на семантичката мотивација, за да се најдат евентуалните нишки на поврзување при изведувањето на овие називи.

Географска дистрибуција

Во продолжение ќе бидат наведени литературните називи во сите словенски јазици: словенечки — *pinčka*, српски — *лутка*, хрватски — *lutka*, македонски — *кукла*, бугарски —

кукла, чешки — *panna*, *panenka*, словачки — *bába*, лужички — *ripka*, полски — *lalka*, белоруски — *лялька*, украински — *лялька*, руски — *кукла*.

а. Географска дистрибуција на називите во македонските пунктови:

90 — *kukla*, 92–93 — *kukla*, 94 — *kukla*, *łazarka*, 95–97 — *kukla*, 98 — *‘kukla*, 99 — *kukla*, *igračka*, 100–101 — *kukla*, 102–105 — *‘kukla*, 106 — /, 107 — *‘nuska*, 108 — *‘kukla*, 109 — /, 110–111 — *‘kukla*, 112 — /, 113–113a — *‘kukla*.

Од материјалот може да се забележи дека доминантно се употребува називот *кукла*, но се јавуваат три други поединечни називи — *лазарка*, *играчка* и *нуска*. На пошироката словенска територија се употребуваат уште неколку називи, а може да се забележи и дека некои од нив се всушност заемки.

б. Географска дистрибуција на називите во другите словенски дијалекти.

На **руската** дијалектна територија доминантна е формата *kukla*, а во неколку пункта се среќава и *lalka*; на **украинската** територија се употребуваат главно две форми — *lalka* и *kukla*, а ограничено се среќаваат *babka* и *babočka*; на **белоруската** исто така се употребуваат двете форми *lalka* и *kukla*; на **полската** територија доминира формата *lalka*, а се среќаваат и *ripka*, *ripa*, *točka*, *dete*, *pana*; на **лужичката** територија се јавуваат две форми — *porka* во еден пункт, а во останатите 3 *ripa*; на **словачката** во употреба се повеќе форми: *paniča*, *panenka*, *pana*, *baba*, *barpa*, *babika*, *porpa*, *lalka*; на **чешката** територија главно во употреба е формата *pana* / *panenka*, а во неколку пункта и *lalka*; на **словенечката** се употребуваат исто така повеќе форми: *ripa*, *bambola*, *pinca*, *pinčka*, *lutka*, *beba*, *bebica*, *baba*, *puža*; на **хрватската** во употреба се неколку форми: *ripa*, *beba*, *bebica*, *lutka*; **босанската**: *lutka*, поретко и *beba*; **српската**: *lutka* и поретко *porica*; и на **бугарската** дијалектна територија: *kukla*, а во еден пункт и *ripl’a*.

Етимолошка анализа

а. *кукла*

Најчесто употребуван назив за именување на оваа играчка во македонските говори е *кукла*. Се јавува на целата јазична територија, само во еден пункт има друг назив. Овој назив, кој всушност е заемка, се смета дека е добиен од латинскиот, но преку грчкиот. Сп.: «Через ср.-греч., нов.-греч. *коџкла* (то же) из лат. *cuculla*; <...> Невероятно посредничество тур. *kukla* <...> Абсолютно неприемлемо предположение об исконнослав. происхождении и родстве с *кѹка* ‘*кулак*’, *кѹкиш*...» (Фасмер II: 405). Сп. и во «Бугарскиот етимолошки речник»: «Срв. нгр. *коџкла* <...>, алб. *kukllë*, *kukëll*, арум. *siclă* ‘*кукла*’, тур. *kukla*. Обикновено се смята за заето от нгр. *коџкла*, което се извежда от *ковкоџла* ‘*качулка*’, последното от лат. *cuculla* ‘*качулка*’, което можеби е от келтско *kukka* ‘*врѣх*’...» (БЕР III: 91). Сп. понатаму: «Cucullus, -ī m. : *capuchon*; *cornet de papier* <...> Sans doute mot d’emprunt, illyrien ou gaulois. Cf. le nom du dieu gaulois *Cucullātus*...» (Ernout, Meillet 2001: 154). Значи последниве автори сметаат дека потеклото на зборот е веројатно илирско или пак галско. Понатаму, според нив, овој збор од латинскиот се пренел во повеќе други јазици, меѓу кои и во грчкиот, *ковкоџла*.

Освен во македонските говори се среќава и во бугарските, но и на исток во руските, украинските и во белоруските. Во рускиот јазик тоа е и литературниот назив за овој вид играчка.

б. *лазарка*

Во еден пункт се среќава специфичен назив за оваа играчка, «позајмен» од народната традиција. Во македонскиот јазик *лазарка* е ***девојка*** што пее и танцува на *Лазарова сабота*. Станува збор за еден од поголемите христијански празници од пролетниот циклус. Се прославува на тој начин што во раните утрински часови групи девојчиња облечени во традиционална невестинска облека одат низ населените

места и пеат т. н. лазарски песни, кои обично се со духовита содржина и се со желби за здравје, успех и напредок.

Ваков тип на назив не се среќава во ниту еден друг говор.

в. *играчка*

Во еден пункт како одговор на ова прашање, покрај *кукла*, се појавува називот *играчка*, којшто е генерички, општ назив за предмет што служи за играње на деца, за забава. Се изведува од глаголот *игра* ‘се занимава, се забавува на некаков начин, со нешто, со некаква игра’.

г. *нуска*

Последниот назив кој се јавува на македонската дијалектна територија, *нуска*, е всушност заемка од албанскиот. Албанскиот збор е *nusë* и е со значење ‘невеста, млада жена, млада снаа’. Сп. во продолжение: «Borrowed from Rom **nūptia*, a local variant of Lat *nūpta* ‘married woman, wife, bride’; Camarda I 52 (links *nuse* to the continuants of IE **snusos* ‘daughter-in-law’...))» (Orel 1998: 302–303). Повторно станува збор за изведување на називот поврзано со поимот *млада девојка*.

Во другите јужнословенски јазици доста често се употребува називот *lutka*. Се изведува од прасловенското **lotъ*, со значење ‘кукла, марионета’. Овој облик се поклопува со староруското *lutъkъ* ‘играч’ и тоа било неговото првобитно значење. Според тоа, во старословенскиот таа била именка која означува дејство (nomina actionis) со значење ‘играч кој нешто прикажува’ (Skok II: 333).

Покрај *lutka*, во јужнословенските јазици (освен во српскиот, македонскиот и бугарскиот) се употребува и називот *beba* или деминутивното *bebica*. Овој назив всушност се однесува на именување на *мало дете, новороденче*, но во одредени случаи може да служи и за именување на овој тип на играчка. Сп. кај (Skok I: 128–129).

Интересно е дека во словенечките и словачките пунктови за оваа играчка се употребува називот *baba*. Во словенските

јазици оваа лексема означува *стара жена*, оттука е интересен фактот дека се употребува за именување играчка за деца, која обично се изведува од називи за *девојка*, *девојче*. Инаку претставува ономатопејска редупликација од детскиот јазик и е во прасродство со лит. *bóba*, латв. *bāba*. (Bezlaј I: 7; Skok I: 82–83). Потврда за тоа дека овој назив се употребува за именување на овој тип играчка за деца наоѓаме кај Machek (Machek 1968: 40).

Во словенечките пунктови се јавува називот *pinčka*. Овој назив, *pinca*, *pinčka*, е изведен од италијанското *pulcella*, кое значи *девојка*, добиено на основа на латинското *pullus* ‘потомство’ (Bezlaј III: 136).

Еден од најчесто употребуваните називи за оваа играчка во западните словенски јазици е *lalka*, деминутивна форма од *lala*. Има значење на *детска играчка со минијатурен, намален човечки облик*. Во полскиот јазик се забележува од XVIII век, а потеклото му е од детскиот јазик, со редупликација, слична на останатите називи *baba*, *tata*, *tata*. (Boryś 2008: 279–280). Ваквата појава на изведување називи со редупликација на слогови е позната и во другите јазици.

Во говорите на западнословенските јазици често се употребува називот *pana*, *panenka*. Првото значење на оваа лексема е *млада, немажена девојка*. Потекнува од прасловенското **gъраньнъ* со значење ‘ќерка на господин, pan’ (Boryś 2008: 411).

Во полските говори се употребуваат уште два називи, *dete* и *točka*, како одговори во еден, односно два пункта. Првиот назив, *dete*, се јавува и во еден руски пункт. Етимолошки е разбирлив, но фонетската реализација е невообичаена за полскиот јазик. За вториот назив, *točka*, не најдовме соодветна етимолошка интерпретација.

Следните називи кои се употребуваат на словенската јазична територија всушност претставуваат заемки од други јазици.

Од германското *Puppe*, кое означува *кукла*, се изведуваат формите *пура* и *пурка*. Првата се употребува во словенечките говори, во хрватските, лужичките и во полските. Втората е застапена во еден словенечки пункт, во еден лужички и во неколку полски пункта.

Исто така од германското *Puppe*, дијалектно, исто со значење *кукла*, се добиваат називи во српскиот, *porica*, и во полскиот, *porka*.

Во три пункта на украинската дијалектна територија се употребува називот *babouka*, по потекло заемка од унгарското *bábuka*, со значење *кукла* (Dankovszky 1833: 85–86).

Заемка од италијанскиот е називот *bambola*, кој се употребува во три пункта на словенечката јазична територија. Италијанскиот назив е исто *bàmbola* и потекнува од називот за *dete*, *bambino* ‘uomo prima degli otto anni, cioè prima che sia ragazzo’, кое пак е добиено од старото *bambo* ‘будала’ (Prati 1951: 97–98).

Исто така во три словенечки пункта се употребува називот *пуџа*. Тој претставува заемка од латинскиот, конкретно од *pūsa* ‘мала девојка, девојче’, «**Pūsus**, -ī m.; **pūsa**, -ae f. : garcon, fille...» (Ernout, Meillet 2001: 547).

Заклучок

На прв поглед од кратката анализа може да се стекне впечаток дека голем дел од називите за овој тип детска играчка во словенските јазици, говори, се изведуваат врз основа на заемки од други јазици. Разбирливо, тоа се случува најчесто од јазици со кои говорите се во контакт. За употребата на заемките најверојатно придонесува фактот дека овој тип на играчки се од поново време, т. е. некаде од 15-от век. Во некои култури каде што куклите се користеле во обредни ритуали, се сметало дека се под влијание на магични сили и не им се давале на децата да си играат со нив. Се смета дека модерната кукла, која служи примарно како

детска играчка, своите корени ги има во Германија токму во тој период, 15-от век. Со индустријализацијата, како и со појавата на новите материјали како што се порцелан и пластика, куклите почнуваат масовно да се произведуваат. Денеска, може да се каже дека претставуваат основен тип на детска играчка.

Па така, во редот на заемките спаѓаат повеќе називи. Еден од најфреквентно употребуваните називи не само во македонскиот, *kukla*, е изведен од заемка од латинскиот, но во словенските јазици најверојатно стигнал преку грчкиот. И уште еден назив од македонските говори, *nuska*, е изведен од заемка од албанскиот. Освен нив, називи изведени од заемки се и *rupčka*, од италијанскиот, преку романскиот, *pira*, *rupka* // *popka*, *porica* од германскиот, *babouka* од унгарскиот, *bambola* од италијанскиот и *piža* од латинскиот. Останатите називи кои се сеќаваат во словенските говори се од словенско потекло — општиот назив *играчка*; може да се каже дека тука спаѓа и специфичниот назив од македонските дијалекти — *лазарка*; потоа *lutka*, *beba* / *bebica*, *baba*, *lalka*, *pana* / *panenka*, *dete*. Како што може да се забележи, во словенските јазици нема специјализиран израз од словенско потекло за *кукла*, освен можеби *lutka* и *lalka*, останатите називи се всушност првобитно називи за *дете*, *девојче*, *бебе*, па дури и *баба*.

Со оглед на тоа што, пак, оваа играчка претставува модел на човек, најчесто млада жена, девојка, не зачудува ниту фактот дека именувањето го добива по некоја таква лексема, најчесто *девојка*, *девојче*. Во најголем дел од називите таков е случајот. Исклучок претставуваат називите *kukla*, што значи *кана*, *капаче*, *конус од хартија*; *играчка* (од глаголот *игра*); може да се каже дека тука спаѓа и називот *lutka*, кој првобитно се однесува на *играч кој нешто прикажува*. Интересен е називот *baba* / *barba* / *babika* бидејќи е единствениот од сите што е изведен од лексема што означува *стара*

жена, за разлика од останатите кои се однесуваат на *млади девојки, девојчиња*.

Според изборот на називи за именување на оваа детска играчка македонскиот јазик, односно неговите говори, во овој случај се одделуваат од останатите јужнословенски јазици, освен бугарскиот, бидејќи не употребуваат ниту еден назив кој таму е застапен. Преку називот *кукла*, како најдоминантен во употребата, македонскиот се доближува до источнословенските јазици. Но, со останатите три називи, иако единечни, тој повторно покажува и своја специфика, посебно со називот *лазарка* кој претставува уникатен начин на изведување назив за оваа детска играчка.

Литература

- БЕР — Български етимологичен речник, III, 1986, ред. В. И. Георгиев. София: БАН.
- ОЛА 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.
- Фасмер П — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
- Чаусидис 1994 — *Чаусидис Н.* Митските слики на јужните словени. Скопје: Мисла, 1994.
- Bezljaj I — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. 1. Ljubljana: SAZU, 1977.
- Bezljaj III — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. 3. Ljubljana: SAZU, 1995.
- Boryś 2008 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2008.
- Dankovszky 1833 — *Dankovszky G.* Magyaricae linguae. Lexicon critico-etymologicum. Pressburg: Belnay, 1833.
- Ernout, Meillet 2001 — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris: Klincksieck, 2001.
- Machek 1968 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Československá akademie věd, 1968.
- Orel 1998 — *Orel V.* Albanian etymological dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

Prati 1951 — *Prati A.* Vocabolario etimologico italiano. Torino: Garzanti, 1951.

Skok I — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. Zagreb: JAZU, 1971.

Skok II — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 2. Zagreb: JAZU, 1972.

The Names for ‘doll’ in the Macedonian Dialects in a Wider Slavic Context (according to OLA materials)

The text discusses the names for ‘doll, puppet’ in the Macedonian dialects and their etymology, as well as the motivations for their derivation. This analysis provides an insight into the place of the Macedonian dialects in relation to this issue in the wider Slavic context. The name *kukla*, which is most widespread on the Macedonian dialect territory, connects the Macedonian dialects with the other East Slavic languages. Many of the names used in dialects, such as *kukla*, are borrowings from other languages. Those of Slavic origin, as well as borrowings, are basically derived from lexemes denoting a *young girl*. For this analysis, the dialect material from the *Slavic Linguistic Atlas* (OLA) is used, in which the Macedonian dialect territory is represented with 24 villages.

DOI: 10.31168/0459-6.25

Н. Е. Ананьева (Москва, Россия)

К вопросу о польских островных говорах

1. Острова (анклавы) польских диалектных идиомов разбросаны на значительной территории бывшего СССР. Традиционно о таких островных диалектах говорят по отношению к образованиям, оторванным от «материнской» территории и функционирующим на новой для них терри-

тории вследствие переселения (насильственного или добровольного — ср. польские говоры в Сибири и в Казахстане). Если первые (по крайней мере известные нам два анклава: генетически связанный с югом «материковой» Польши — малопольско-силезский — польский говор д. Вершина Боханского района Иркутской обл. и являющийся следствием переселения носителей мазурского диалекта, относящегося к северо-западной части Польши, говор деревень Александровка и Знаменка в Красноярском крае и Хакасии образовались в результате добровольного переселения поляков в ходе столыпинских реформ, то вторые возникли в результате принудительного перемещения в «goły step» в конце 1930-х гг. полноязычного населения с территории Юго-Западной Украины (в основном), а также Белоруссии. О типологии и языковых особенностях этих двух сибирских островов польского диалектного языка в последнее время много пишется, в том числе в нашем совместном с С. С. Скорвидом докладе на XVI Международном съезде славистов в Белграде (Ананьева, Скорвид 2018: 269–300). Поэтому сегодня мы не будем останавливаться на этих идиомах. Заметим только, что таких анклавов было гораздо больше и что число их с каждым годом уменьшается. Ср. превращение островного польского диалекта в идиолект единственной диалектоносительницы М. Маркиш в д. Белосток. См. также размещенную в Интернете историческую исследовательскую работу «Ссылльные поляки и их потомки на Земле Абанской» авторства Анастасии Витальевны Петровых, где выделяются три волны переселения поляков в этот регион (деревни Теребиловка, Турово, Огурцы, Средние Мангареки и др.) — ссылка участников Январского восстания, переселенцы в рамках проведения столыпинской реформы и насильственная депортация — и анализируется богатый по происхождению польский антропонимический материал (фамилии и имена потомков местных поляков).

Однако сам польский идиом здесь утрачен, и только одна из жительниц этого региона (не полька) вспоминает отдельные польские слова: *хустка* — платок, *пончохи* — чулки, *сподницца* — юбка, *вопёр* — кабан, *абалонка* — стекло в оконной раме. Последние две лексемы соотносятся с белор. *вяпрук* и *абалонка / балонка* и свидетельствуют о происхождении утраченных польских анклавов (что подтверждается указанием автора о переселенцах из Гродненской, Виленской и Минской губерний), связанных с северо-восточной разновидностью польского периферийного идиома.

2. Представляется, что в настоящее время понятие «островной польский диалект» (или анклав) может быть использовано и в отношении «материнского» диалекта, являющегося таковым для переселенческого островного; в частности, это касается юго-восточных Кресов. Некогда компактные полоноязычные массивы на этой территории превратились в отдельные островки. Этот процесс начался в конце 1930-х гг. в связи с репрессиями и высылками поляков в Казахстан, в частности с территорий существовавших польских автономных национальных районов (1926–1935 — Мархлевщина, охватывающая главным образом Житомирскую область, 1932–1937 — Держиньщина, расположенная на территории Минской области).

С. Б. Бернштейн свою первую научную (дипломную) работу посвятил полякам Волыни: изучал польский говор д. Белка на Житомирщине. Скорее всего, этот говор исчез, хотя отдельные польские «вкрапления» («островки») в окрестностях Житомира сохраняются, ср. монографию (Rudnicki 2000).

3. В память об этой первой (и, к сожалению, не изданной) работе С. Б. Бернштейна сопоставим языковые особенности двух польских анклавов в Хмельницкой области (деревни Шаровечка, или Шаравка, и Матьковцы) как относящихся к прежнему более обширному полоноязычному

«материнскому» ареалу и двух сёл вынужденных польских переселенцев в Казахстане (Озерное и Степное Келлеровского района Кокчетавской обл.). Поляки были вывезены в голую степь из разных пунктов, располагающихся главным образом в Хмельницкой области. Заметим, что наш материал имеет уже исторический характер, поскольку был собран 40 лет назад (в конце 1970-х и начале 1980-х гг.).

А) Общее собственно польское

- *i* || *y* как континуант «суженного» *e*: *s'n'ig* (— *sn'egu*) «śnieg», *xl'ip* (— *xl'eba*) «chleb», *ml'iko* «mleko», *v'i* «wie», *v'im* «wiem», *v'it'e* (Оз. — Ст.) — *v'ita* (Ш. — М.) «wiecie», *n'i ma* «nie ma», *zjim* «zjem», *zji* «zje», *dyszcz* (— *deszczu* || *dyszczu*) «deszcz», *ml'icz* «mlecz»;
- отсутствие чередования *e:o*: *ja b'ere* «biorę» — *b'eru* «biorą», *ja n'ese* «niosę» — *n'esu* «niosą» (|| редко в Оз. *n'osu*), *pszv'ezla* «przywiozła», *pszyn'esla* «przyniosła»;
- протетический *v*: *von'i* «oni», *vospa* «ospa», *vum'i* «umie», *vuxo* (Оз.) «ucho», *vuzex'i* «orzechy», *vorgan* (Оз.) «organy»;
- отсутствие носового в формах глаголы *być*: *bede* «będe», *bed'isz* «będziesz», *bedo* || *bedu* «będa»;
- полидиалектное лексико-фонетическое явление: звонкость *g* в морфеме *v'elg-* (*v'elg'i* «wielki», *v'elga* «wielka» и т. д.);
- лексикализованное фонетическое явление: *gl*, *gl'* (литер. *tl*, *tl'*) в *mgłośny*, *mgłośno*, 3 л. ед. ч. презенса *mgl'eji* (Оз.) «mdleje»;
- полидиалектные претеритальные формы с *n* в глаголах на *-(n)un't'* || *-(n)on't'* (литер. на *-(n)ąć*): *naczena* — *naczen'i* «zaczęła — zaczęli», *vz'ena* — *vz'en'i* (*vz'ena xl'ebu*, Оз.) «wzięła — wzięli»;
- сочетание числительного *dwie* с существит. в род. пад. мн. ч.: *dv'e ok'en*, *dv'e l'itruf*, *dv'e noruf*, *dv'e kaczyk* (Оз.);

- флексия *-och* в числительных: *dvox, tszox* (*v dvox, f tszox*, Оз.), *do dvox litrof* «do dwóch litrów», *tszox nazv'iskuf* «trzech nazwisk» (*nazwisko* здесь в архаическом значении 'nazwa' «название»);
- морфемы *-e* (< *e*) и *-ontko* || *-untko* (*-qtko*), обозначающие детеныша животного: *losze* (*loszen't'a* и т. д. Ш. — М.), *t'el'untko* (Оз.).

Б) Общее, относящееся к восточнославянскому влиянию и собственно украинизмы

Фонетика

- «иканье» / «ыканье» (в.-сл.), в том числе для безударного континуанта носового переднего ряда: *dźifczyna* «dziewczyna», *pujdy* (Оз.) «pójdę», *voży* (Оз.) «wozę»;
- «уканье» (укр.), в том числе для безударного континуанта носового заднего ряда: *pulova* «połowa», *m'es"unc* «miesiąc», *dževu* (Оз.) «drzewo», *b'eru* «biorą», *un* (Ш. — М.) «on», *vun* (Оз.) «on», *vožu* «wożą», *rudymka* (укр. *родимка*).

Морфонология

- альтернанты *pl'*, *bl'* в 3 л. мн. ч. презенса глаголов с губными перед *-ić* и глаголе *spać* (укр., только в Оз. — Ст.): *robl'o* || *robl'u* «robia», *l'ubl'o* || *l'ubl'u* «lubia», *spl'o* «śpiał».

Морфология

- отсутствие категории мужского лица в имени и глаголе (в.-сл.);
- отсутствие личных показателей в формах прошедшего времени (в.-сл.): *ja pszyszla* «przyszłam», *ja rob'it* «robiłem»;
- флексия *am* в дат. пад. мн. ч. сущ. (*dźifczynam* «dziewczynom», *džécám* «dzieciom»);
- репартиция стяженных — нестяженных форм им. пад. ед. ч. адъективов: нестяженный им. пад. ед. ч. м. р. (*xl'ip czarnuj, dużyj dyszcz, un tak'ij* — стяженные формы им. пад. ед. ч. ж. и ср. р. (укр.));

- флексия предл. пад. ед. ч. м. р. *-owi*, как и дат. (укр.): *na tatov'i, tatov'i* (*tato* по м. р., как в укр.), *bratov'i* «*bratu*»;
- флексия 1 л. мн. ч. презенса *-mo* (укр.) — только в Оз. — Ст.

Лексика украинского происхождения: *хорта* ‘сорняк’ (укр. *хорта*, польск. литер. *chwast*), *укавка* (Оз.) ‘икота’ (укр. *гикавка*, польск. литер. *czkawka*), *ука* (Оз.) ‘икает’ (польск. литер. *czka, ta czkawkę*), *бараболя* ‘картошка’ (укр. *бараболя*, польск. литер. *ziemniaki, kartofla*), *худоба* ‘скот(ина)’ (укр. *худоба*, польск. литер. *bydło*), *хмара* ‘туча’ (укр. *хмара*, польск. литер. *chmura*), *розавчора* (Оз.) ‘позавчера’ (укр. *розавчора*, польск. литер. *przedwczoraj*) — по аналогии *розажутро* ‘послезавтра’ (польск. литер. *pojutrze*), *той* ‘этот’ (по В. Далю, церк. малорос., польск. литер. *ten*), *в'ізн'анк'і* (Оз.) ‘веснушки’ (укр. *веснянки*, польск. литер. *piegi*), *рудымка* (Оз.) ‘родинка’ (укр. *родимка*, польск. литер. *pieprzyk*), *в'їє* (Оз.) ‘ресницы’ (укр. *вія* ‘ресница’, польск. литер. *rzęsy*), *крейда* (Оз.) ‘мел’ (укр. *крейда*, польск. литер. *kreda*), *верета* (Ш. — М.) здесь ‘простыня’ (укр. *верета* ‘толстая, грубая ткань, мешок из рогожи’, польск. литер. *prześcieradło*), *дочка* ‘дочка’ (укр. *дочка*, польск. литер. *córka*), *л'уд'іна* ‘человек’ (укр. *людина*, польск. литер. *człowiek*) и др.

В) Специфические особенности каждого анклава

Ш. — М.: флексии 1 л. и 2 л. мн. ч. презентных форм глагола *-та* и *-та*; лексикализованные и морфологизированные случаи с *о* на месте *а* долгого (*gadam, gadoma, kraszonka*); реликты мазурения (*су, inacej*); лексемы *psześcieradło* ‘зеркало’ (ср. малоп. *przeźrzadko*, литер. польск. *lustro*), *osen'džel'ina* ‘иней’; переход *k* и *g* палатальных в *t'* и *d'*.

Оз. — Ст.: большая степень влияния украинского языка (флексия *-mo* в 1 л. мн. ч. презенса, альтернанты *pl'* и *bl'* в презенсе глаголов с основой на губно-губной согласный, значительный лексический пласт украинизмов).

Литература

- Ананьева, Скорвид 2018 — *Ананьева Н. Е., Скорвид С. С.* Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов, Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 269–300.
- Rudnicki 2000 — *Rudnicki S.* Gwara polska wsi Korczunek koło Żyto-
mierza. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000.

To the problem of Polish insular dialects

In this paper the concept of insular Polish dialect is applied not only to migrant dialects, but also (by the example of Polish dialects of Ukraine) to the vast compact in the past territory of the “mother” dialect, which now has been reduced to separate islands. The linguistic features of two Polish dialects in Ukraine (the villages of Sharovechka and Matkiwtsi near Khmelnytsky) are compared with the linguistic features of two Polish dialects, the speakers of which were forcibly resettled from Ukraine to Kazakhstan (the villages of Ozernoe and Stepnoe near Kokchetav).

DOI: 10.31168/0459-6.26

Л. Л. Фёдорова (Москва, Россия)

Топонимы Резии и выражение пространственных отношений в резьянском языке

1. Резьянский язык (Rošajanske romonenj/langač) относится к южнославянским литературным микроязыкам, выделяемым А. Д. Дуличенко (Дуличенко 1981); он используется в общине Резия провинции Фриули-Венеция-Джулия в Италии. Сейчас на нем говорят менее 1000 человек, и все они билингвы или трилингвы (владеют итальянским и частично

фриульским языком соседей). Часто его относят к диалектам словенского языка, но сами резьяне сохраняют и отстаивают свою идентичность. Во многом это идеологический и политический вопрос, и его рассмотрение не входит в наши задачи. Цель сообщения состоит в том, чтобы привлечь внимание к особенностям топонимики и к способам выражения локативных отношений.

Славянские племена поселились в долине реки Резия (по-резьянски *Valika woda* ‘большая вода’ или *Bilä* ‘белая’), окруженной горами, в эпоху раннего Средневековья (VI–VII вв.)¹. В ходе истории резьянская община оказывалась частью немецких земель, входила в состав разных государств, Венецианской республики, в дальнейшем стала частью Итальянской республики.

В силу изолированного положения Резии (в закрытой со всех сторон долине, на выходе из которой лишь в 1838 г. была построена проезжая дорога) резьянский язык сохранил ряд архаических черт праславянского состояния как в грамматике, так и в лексике. В то же время в нем присутствуют следы контактного влияния германских и романских языков.

В долине Резии, протяженностью 20 км, расположены 5 крупных поселений, имеющих параллельные итальянские (официальные) и резьянские названия: *San-Giorgio* — Била (рез. *Bilä*, Била объединяет два близлежащих селения на входе в долину Резьи: Резьютта — внешняя, фриульская часть (*Resiutta*, букв. ‘маленькая Резия’) перед входом в долину, Сан-Джорджо — внутренняя, резьянская часть), *Gniva* — Нива (рез. *Njiva*), *Oseacco* — Осояне (рез. *Osojane*, *Osoane*), *Stolvizza* — Солбица (рез. *Solbiza*, *Subiza*), *Prato di Resia* — Раванца (рез. *Ravänza*), считающаяся столицей; есть

¹ *Paolus Diaconus* (787–789 AD). *Historia Langobardorum*. URL: <http://www.intratext.com/X/LAT0338.htm>.

также и более мелкие селения (Липовац, Учья и др.). В этих деревнях говорят на разных диалектах, заметно различающихся фонетически (и соответственно, графически), а иногда и лексически. Так, в Биле произносят *vīs* ‘село’, в Ниве — *vas*, в Осоянах — *vās*, в Солбице — *ves*; ‘большой’ — *vlik*, *vilék*, *valék*, *valök* соответственно (Clemente 2020: 17). По мнению Бодуэна де Куртенэ, различие диалектов связано с тем, что заселение долины происходило в несколько этапов и ранее различия могли быть еще более явными (Бодуэн де Куртенэ 1875: 122–123). Диалектные варианты препятствуют и выработке единой орфографии и кодификации, хотя письменная традиция прослеживается с конца XVIII в.

2. Топонимы Резии хорошо описаны Бодуэном де Куртене в работе «Резия и резьяне» (Бодуэн де Куртенэ 1876). В большинстве случаев он приводит там (также и в [Бодуэн де Куртенэ 1966]) их соответствия; многие понятны без этого. Так, достаточно прозрачны славянские названия селений: *Bilä* ‘белая’, *Njiva* ‘поле, пашня’. Можно опознать диминутивные образования *Lipoväz* — ‘маленькая липовая роща’, *Ravänza* — от *ravan* ‘равнина’, т. е. ‘маленькая равнина’, *Solbiza* — у Бодуэна дается соответствие Столбица (ср. итальянское название *Stolvizza*) — по-видимому, ‘маленькая лестница, ступеньки’ (ср. ц.-слав. *стлѣба* ‘лестница’ (Фасмер 1971: 765), простейшая конструкция из одного ствола с сучьями по бокам); Солбица расположена совсем близко к склону горы Канин, на подъеме. Среди других «ландшафтных» названий малых поселений отметим *Studenez* ‘родник’, *Korïto / Köryto* ‘корыто’ (в котловине). Понятны названия водоемов: *Valika Woda* ‘большая вода’ (река Резия), *Čärny potok* ‘черный поток’; *Šaleni vîr* ‘зеленый омут’ (ср. пословицу «Мир как вир»). Бодуэн приводит названия гор *Valika Baba* и *Maja Baba* ‘большая баба’ и ‘малая баба’, *Bilä roéjtj* ‘Белая печь’ (т. е. ‘белая скала’), дает соответствие для *Učja* (Уссеа) — ‘волчья’ (река и селение, от *uk* ‘волк’).

Особый интерес представляет пара: итальянское *Oseacco* — резьянское *Osojane*, *Osoane*. Первые свидетельства об этом поселении — записи монахов 1240 г. на латинском — *Oziacho* (позднее также *Oseach*) (Dapit 1998: 126–127), чему соответствует современное итальянское название *Oseacco*. Но известно и более раннее название *Oziach*, относящееся к аббатству в Каринтии, основанному в 1007 г. на берегу Осойского озера (*Osojsko jezero*, нем. *Osseacher See* (Snoj 2009: 294–295)), где расположена и деревня *Oziach*.

Словенское название озера и резьянское — поселения связываются со словом *òsoje* в значении ‘теневая сторона’, давшим ряд топонимов в Южной Славии (Bezljaj 1982: 257; Snoj 2009: 294–295). Само *òsoje* является приставочным образованием; Фасмер приводит параллели: ц.-слав. *присоє* ‘солнцепек’, сербохорв. *òsoje* «тенистое место» [ср. также мак. *осој* или *усој* ‘место которое постоянно находится в тени, обычно на севере’ и *присој* ‘место, где есть солнце’ (Дигитален речник)] в статье *сень*, возводя последнее к ст.-слав. **снѣти** (Фасмер 1971: 629). *Osojane* легко осмысливается как суффиксальное образование, обозначающие жителей *Òsoje* (*ti osojski*, *osojane*).

Итальянское название, по наиболее распространенной гипотезе, происходит от записанного немецкими монахами *Oziach* и передает форму локатива *w Osoj-ah*, где в дальнейшем *-ah* было воспринято как фриульский суффикс *-ac*, типичный для топонимов (Dapit 1998: 126–127). В этой версии, однако, может показаться несколько странным изменение огласовки. Отсюда возникает гипотеза о том, что *Oziach* могло передавать звучание другого слова, ср., например, др.-рус. *осѣкъ* (от глагола *осѣчи*, *осѣку*) со значением ‘засека, вырубленное и огороженное место в лесу’ (Срезневский 1902: 753–754, ср. пример: *О^м Словѣньско^е озера по вра(г) <...> к осеку...*). Так могло бы называться селение на берегу озера в Каринтии (возможно даже *осѣкъ въ осояхѣ*), а в дальнейшем название было переосмыслено под влиянием *òsoje*

или просто сокращено. Далее уже этот сложившийся топоним и был использован как соответствие для *Osojane* в Резии. Подтверждение нашей версии находим у И. Бергмана: «Auf der rechten Seite dieses Resiabaches liegen thalaufwärts S. Giorgio, RESIA, das die Resianer in ihrer Mundart Rawenz nennen, und Stolvizza; auf der linken Gniva (slav. njiva, ‚Acker, Feld‘), Oseacco, d. i. Osék (vgl. Ossiach in Kärnten und Ossegg in Böhmen)» (<http://147.162.119.1:8081/resianica/html/studies/deu/berslav.jsp>).

3. Разнообразие горного ландшафта Резии, где для ориентации важно противопоставление «верх — низ», обусловило и многообразные способы выражения пространственных отношений. Долина Резии протянулась с запада от Резьютты (*Resiutta*), пограничного пункта провинции Фриули, на восток до горы Канин; восточная часть долины выше западной (ср. название *Солбица*, которое можно понимать как ‘лестница, ступеньки вверх’). В резьянском языке приняты способы передачи пространственных отношений (местонахождения и направления движения) с помощью предложно-наречных сочетаний или составных предлогов, уточняющих значения типа ‘вдоль по’, ‘вверх на’. Эти конструкции связываются и с местной топонимикой: *dö* (*dölu* < *dol*) — ‘до’, ‘долу, вниз’, ‘вдоль’ и ‘в направлении Фриули, на запад’; *ghoréé* ‘горé, вверх’ и ‘в направлении горы Канин, на восток’. Так, нормально сказать:

(1) *tet dö-na Bilu, tet ghoré na Subizo* ‘идти вниз-на Билу, идти вверх на Субицу (Солбицу)’;

(2) *prüt od Ravänza dö-na Bilu* ‘пройти от Равенцы (Прато) вниз-на Билу (точнее — в Резьютту)’ (Clemente 2020);

(3) *Ni so odili dö-w Vinčun* [Они ходили в направлении Венцоне] (в Фриули) (Biside 2009: 141);

(4) *Enu ko sowa paršle dö-na Bilu, so bilo šejst or* [И когда они-две пришли в Резьютту, было 6 часов], ср. ит. перевод: *Alle sei di mattina arrivarono a Resiutta* (Biside 2009: 141–142).

Только предлоги **na** и **w** позволяют различить «внешнюю» Билу (Резьютту) и «внутреннюю» Билу (Сан-Джорджо)²:

(4) *bet ta-dö-na Bile* ‘быть там-внизу-на Биле’, т. е. в Резьютте (во внешней части Билы);

(5) *bet ta-dö-w Bile* ‘быть там-внизу-в Биле’, т. е. в Сан-Джорджо (во внутренней части Билы).

Часто предлоги сочетаются в сложные комплексы с наречными частицами **ta** и **tu** (*ta < (j)itàn*, *tu < (j)itu* ‘там, туда’), в чем состоит особенность резьянского языка (не отмеченная в описании особенностей резьянских говоров в Дуличенко 2005); например:

(6) *tet ta-na Ravänzo* ‘идти туда-на Раванцу’ (см. также примеры 4, 5);

(7) *tu-w hīše* ‘там-в доме’, ср. словен. *v hiši*;

(8) *ghrin ta-h blížnjamu* ‘я иду туда-к соседу’, ср. словен. *grem k sosedu*.

Вот пример из современных резьянских записей:

(9) *...tö nī tej injän, da wsako nuć so mužje ta-par hīše, itadej či ni so bile magare ta-dö w Mužace lubu bö dölu, ka ni so dělale tu-w gozdě, ni niso mogle prīt ta-h hīše* [тогда было не как сейчас, что каждую ночь мужчины дома, тогда, если они были, например, в Моджио или еще дальше, когда они работали в лесу, они не могли прийти домой] (Biside 2009: 19). Здесь **ta-par** — ‘там-при’.

Вот пример использования предлогов в описании маршрута Бодуэна:

(9) *...tadí mawá jitit dōz Ućjó v̇idet kako to je pá todī dōlu. Zūtra gréwa wūnčis Kilo ano dona Ravanco* (Бодуэн

² Неразличение в резьянском топониме Била фактически двух населенных пунктов объясняется достаточно просто: «внешняя» Била появилась после переселения из долины части населения в результате наводнения.

де Куртенэ 1895: 70) [...тогда мы-двое (должны) идти вниз-через Учью посмотреть, как там внизу. Завтра (мы-двое) пойдем вверх-через Килу [перевал] и вниз на Раванцу].

Здесь: *dóz* — *dólu-čiz*, ‘вниз-через’, *wìncis* — *won-čiz* ‘вверх-через’, *dona* ‘вниз-на’.

Можно заметить в предложных конструкциях особый порядок от общего к конкретному значению: местоименное наречие [+ конкретное наречие] + предлог; причем конкретное наречие обычно в усеченной форме. Ср. также *nutär* + *w* > *ni-w* с иным порядком русских сращений *внутри*, *вдоль*, *извне* и др.

4. Еще одна интересная особенность выражения пространственных отношений связана с понятиями ориентации ‘справа’ и ‘слева’.

В Солбице говорят:

(10) *na to döbro róko* ‘направо, по правую руку’, *na to húdo róko* ‘налево, по левую руку’.

В Осоаянах, Ниве, Биле несколько иначе:

(11) *na to prawo róko* ‘направо, по правую руку’, *na to húdo róko* ‘налево, по левую руку’.

Значение ‘правый’ у прилагательного *dobar* наряду с ‘добрый, хороший’ и ‘левый’ у *hud* наряду с ‘плохой, бедный’ отмечено в резьянском еще Бодуэном де Куртенэ и анализируется Н. И. Толстым при сопоставлении антонимичных пар в разных славянских диалектах (*pravъ, dobrъ, desъnъ — krivъ, ľevъ, hudъ*). Толстой считает, что старославянские формы *o desъnjъ, o shoъjъ* могли представлять собой усеченные фразеологизмы типа тех, что сохранились в резьянском языке (Толстой 1997 [1965]). По свидетельству Н. Клемента, они сохраняются в речи резьян до сих пор.

* * *

Итак, был рассмотрен фрагмент архаичной резьянской топонимики с исходной семантикой, архаичные идиомы

ориентации, а также особенности составных предлогов, используемых для точной передачи пространственных отношений в условиях горного ландшафта.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ 1875 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис» / с прим. и словарем издал И. Бодуэн-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава: Э. Венде и Ко; СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1875.
- Бодуэн де Куртенэ 1876 — *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Резья и резьяне / И. Бодуэн-де-Куртенэ (I. Baudouin-de-Courtenay) // Славянский сборник. [Казань, 1876]. Т. 3, отд. 1. С. 223–371. URL: Научное наследие (e-heritage.ru), <http://books.e-heritage.ru/book/10095213>.
- Бодуэн де Куртенэ 1895 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. 1 / Резьянские тексты собрал в 1872, 1873 и 1877 гг., упорядочил и перевел И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. С приложениями Элли фон Шульц-Адаевской. Доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 19 августа 1886 г. СПб.: тип. Имп. АН, 1895.
- Бодуэн де Куртенэ 1966 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого) // Славянская лексикография и лексикология / Ин-т славяноведения АН СССР; [отв. ред. Л. Э. Калынинь]. М.: Наука, 1966. С. 183–226.
- Дигитален речник — Дигитален речник на македонскиот јазик. Импресум: SAM97 GmbH: септември, 2019. URL: <http://drmj.eu/>.
- Дуличенко 1981 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллинн: Валгус, 1981.
- Дуличенко 2005 — *Дуличенко А. Д.* Словенский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 198–233.
- Срезневский 1902 — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. 1893–1912. Т. 2. 1902.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Из географии славянских слов // *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 122–222.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 3. 1971.
- Biside 2009 — Biside ta-na traku. Biside anu impřesti od naših tih starih = Le parole su nastro. Testimonianze orali e materiali della vita di un tempo in Val Resia = Besede na traku. Besede in predmeti naših starih.

Resia in Paluzza: Associazione culturale Museo della Gente della Val Resia, Unione dei circoli culturali sloveni in Italia (*Zveza slovenskih kulturnih društev in C. Cortolezzis*) / ur. Luigia in Sandro Quaglia. Udine, 2009.

Bezljaj 1982 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1976–2005. 2 knj. 1982.

Clemente 2020 — *Clemente N.* Introduzione alla lingua resiana. Udine, 2020.

Dapit 1998 — *Dapit R.* Aspetti di cultura resiana nei nomi di luogo. Vol. 2: Area di Osoanè/Oseacco e Ucja/Uccea. Padova: CLEUP, 1998.

Snoj 2009 — *Snoj M.* Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana: Modrijan, 2009.

Toponyms of Rezya and the Expression of Spatial Relations in the Rezyan Language

The paper offers an interpretation of some Rezyan toponyms. The mountainous landscape of Rezya has determined the importance of the spatial landmarks ‘top — bottom’, ‘west — east’. The Rezyan language widely uses compound prepositions to express these relations, often in combination with adverbial particles (cf. ‘there-in’). An archaic feature is the use of idioms for the orientation marks ‘right’, ‘left’.

DOI: 10.31168/0459-6.27

К. Кончевска (Краков, Польша)

Диалектологические исследования в ареале со сложной социолингвистической ситуацией: специфика, методологические подходы, перспективы (по материалам современных экспедиций на польско-белорусском пограничье)

Предметом моих исследований являются языковые контакты на славянско-балтийском пограничье (Konczewska 2021a). В период с 2015 по 2019 г. мною проводились ре-

гулярные полевые экспедиции в ареале по обеим сторонам польско-белорусской границы, на территории бывшего уснарского прихода¹. Их специфика заключалась не только в исследовании трансграничного ареала как единого целого, но и в комплексном подходе к изучению языковых контактов с учетом экстралингвистических факторов, предполагающем выход за рамки традиционных исследовательских моделей, в использовании наработок этнографов и этноисториков.

Исследуемый ареал перед окончательным установлением государственной границы (1948) находился в составе бывшего Гродненского уезда, существовавшего в практически неизменных границах более 500 лет, до 1939 г. Первоначально причиной моего исследовательского интереса к нему было то, что здесь до наших дней сохранилось одно из трех компактных поселений мелкоземельной польской шляхты. Их приграничное расположение и труднодоступность стали причиной того, что исследования здесь ранее не проводились, а из-за миграции молодежи в город и отсутствия промышленных объектов среди местного населения преобладают пожилые люди. Однако уже при подготовке первой экспедиции пришло понимание, что изучать данный ареал необходимо комплексно, принимая во внимание все компоненты его сложной социолингвистической ситуации и учитывая также культурологический и антропологический аспекты, что, в свою очередь, требует нестандартных методологических подходов.

¹ Возможность дальнейших исследований была прервана в 2020 г. пандемией коронавируса и обострением политической ситуации в Белоруссии, а 02.09.2021 г. в данном ареале на территории Польши введена чрезвычайная ситуация в связи с наплывом беженцев с белорусской стороны. Таким образом, проведение дальнейшего обследования не представляется возможным; собранный материал лег в основу готовящейся монографии о языковом ландшафте польско-белорусского пограничья.

Почему возникла необходимость поиска новых методов? Казалось бы, о методике исследования языковых контактов на пограничье сказано уже немало, а литература по этой теме многочисленна и разнообразна (Thomason 2001). Свои методологические предложения по данной проблематике высказывали также исследователи, работающие в субрегионах белорусского пограничья: Эльжбета Смулкова и Анна Энгелькинг (Smułkowa, Engelking 2007: 15–18), Бьорн Вимер (Wiemer 2003: 212–229), Курт Вулхайзер (Woolhiser 2008: 245–264). Однако каждый исследователь, работающий «в поле», понимает, что наилучшие методы — это те, которые приносят результат «здесь и сейчас». Мартин Хаммерслей и Пол Аткинсон (Hammersley, Atkinson 2000) утверждали, что не существует свода правил и готовых рецептов успешных полевых исследований, есть только дискуссии на тему основных методологических подходов. Сложная социолингвистическая ситуация исследуемого ареала побудила меня к поиску собственных методов.

Подготовку к экспедиции я начинаю с углубленного изучения архивных материалов. Гродненская область, в составе которой находится в настоящее время часть бывшего Гродненского уезда (его территории входят в состав Польши, Литвы и Белоруссии), была окончательно образована лишь в 1954 г. и является *de facto* искусственным административным конгломератом, инкорпорировавшим земли, сформировавшиеся исторически как части различных культурных регионов, что необходимо учитывать при проведении исследований. Изучение архивных документов и научных работ (прежде всего Яна Феликса Якубовского (Jakubowski 1935: 99–114), который составил карту Гродненского уезда XVI в. и на основании географической номенклатуры сделал выводы о процессах его заселения) убедило меня в том, что наиболее продуктивным является целостное изучение ареала независимо от его современного административного и политического деления. Архивный этап подготовки позволяет

также восстановить исторический социолингвистический ландшафт ареала. На основании архивных документов я также прослеживаю историю каждого поселения, определяю его сословную и конфессиональную принадлежность и составляю списки наиболее распространенных родов.

Особенностью изучаемого мною ареала является его поликультурность, поликонфессиональность и полилингвальность. На процессы его довольно позднего и неравномерного заселения повлияли ландшафтные условия — непроходимая пуца. Ойконимия свидетельствует о более старших финно-угорском (Волпа, Индура, Одельск), ятвяжском (Ятвезь) и литовском (Баля, Ройсты) пластах. В XI в. началось освоение этих земель славянскими племенами с востока и мазовецкими — с запада. Пограничный характер территории был причиной размещения здесь так называемых бояр для охраны рубежей (закреплено «Уставой на волоки», 1557 г.). Будучи изначально русскими и литовскими, со временем они полонизировались и к XVII в. отождествляли себя с польской шляхтой. Это были, как правило, малоземельные владельцы, а их осады (поселения) назывались околицами². Витольд (XIV в.), а позже Ян III Собеский (XVII в.) поселили на этих землях татар; ранние «осадники» в окрестностях Гродно (над Лососной) довольно быстро ассимилировались местным населением, а более поздние, в окрестностях Соколки (Sokolka, в настоящее время на территории Польши), сохранили свою идентичность до наших дней (Крушиняны). Начиная с XIV в. (документировано) на данной территории селятся также евреи. С введением черты оседлости (формально XVIII в., термин задокументирован в 1835 г.) наибольшее их число проживало в местечках Крынки, Индура и Одельск, вполне мирно сосуществуя с населением окрест-

² Слово связано с архитектурными особенностями поселения, в котором дома асимметрично располагались вокруг источника воды, например озера, а не вдоль улицы, в отличие от крестьянских деревень.

ных деревень и околлиц, однако трагические события Второй мировой войны практически полностью элиминировали данную группу из социума субрегиона. Таким образом, на формирование культурного ландшафта исследуемого ареала повлияли три монотеистические религии: христианство, ислам и иудаизм ашкеназов, причем разделение на христианство восточное (православие) и западное (католицизм) проходило вдоль всего региона. Уже к XVII в. данный ареал сформировался как многонациональный (литвины, русины, поляки, евреи, татары), многоконфессиональный (православие, католицизм, ислам, иудаизм) и многословный (бояре, крестьяне, шляхта). Свидетельством этого являются многочисленные топонимы, например: Гуды, Дайнова, Жидомля, Латыши, Липки³, Литвинки, Мазуры, Русаки, Татарье (этнические); Батрацкое, Бояры, Крулевщизна, Шляхетская гора (сословные).

Подобная информация, полученная в результате работы с архивными документами и историческими источниками, помогает установить социолингвистическую картину ареала, одновременно корректируя и конкретизируя исследовательскую задачу. Отмечу, что такая предварительная работа способствует также эффективности непосредственно полевых исследований, поскольку в ареалах со сложной социолингвистической ситуацией существует своеобразный языковой этикет: автохтоны ответят пришлому незнакомому человеку на том языке, на котором тот обратился. Это часто создает путаницу и искажает исследовательские результаты; нередко в работах исследователей из Литвы, Польши и Белоруссии, основанных на материалах из одного и того же приграничного населенного пункта, говорится о наличии (преобладании) в нем только одного языка — соответственно литовского, польского или белорусского, т. е. именно того, на котором обращался к информанту исследователь.

³ Так называли литовских татар.

Работа с архивными материалами подсказала и такой методологический прием, как верификация архивных материалов в процессе полевых экспедиций. Во время изучения коллекции Этнографического музея им. Северина Удели в Кракове, куда в начале XX в., в эпоху своеобразного «этнографического бума» среди интеллигенции, поступало много этнографических материалов с восточных окраин Речи Посполитой, мне удалось идентифицировать несколько сотен объектов с территории современной Белоруссии⁴. Появилась идея создания вокруг таких объектов культурного контекста, так как их можно воспринимать как символ неизбежных перемен, которые влечет за собой установление государственной границы и разделение территории, бывшей целостной на протяжении более пятисот лет. Идея воплотилась во время экспедиции 2018 г.: показав информантам фотографии избранных объектов и действий (тканье и обработка льна), я попросила рассказать о них. В результате был получен уникальный не только этнографический, но и диалектный лексический материал, извлеченный из свободных высказываний информантов. Его анализ, кроме прочего, подтвердил сохранившуюся до наших дней дифференциацию языка потомков крестьян и шляхты (Konczewska 2020: 175–189). Экспедиция 2019 г. базировалась на идентифицированных мною архивных отчетах совместной экспедиции Этнографического музея и Института искусства Польской академии наук, осуществленной в 1967 г. на участке Супрасль — Крынки; единственная проводившаяся в этом субрегионе, она была посвящена изучению народного строительства. В одном из отчетов я обнаружила на полях своеобразный «местнопольский» терминологический словарь, составленный собирателем, и решила проверить его во время экспедиции. Полученные данные подтвердили архаичность говоров, дифференциацию языка потомков крестьян

⁴ В настоящее время готовится публикация данных материалов.

и шляхты и дали новый диалектологический материал (Konczewska 2021b).

Полевые исследования в ареалах со сложной социолингвистической ситуацией требуют от диалектолога знаний не только в области социолингвистики, но также истории и этнографии. Существенную помощь в их результативном проведении могут оказать архивные и музейные материалы. Архивные документы помогают восстановить историческую социолингвистическую ситуацию, что облегчает понимание ситуации актуальной, могут быть инструментарием для исследования исторического многоязычия, а также источником диалектной лексики. Музейные объекты, в свою очередь, могут быть «претекстом» по отношению к уникальным текстам *oral history*. Использование упомянутых методов помогает получить не только новый диалектный материал, но и новые культурные контексты, а также облегчает установление контакта с информантами, поскольку исследователь приходит к ним с их историей. Такой подход помогает также избежать ошибок, связанных с незнанием специфики изучаемого ареала либо деревенского быта, поскольку основывается на документах.

Литература

- Hammersley, Atkinson 2000 — *Hammersley M., Atkinson P. Metody badań terenowych / przelozył S. Dymczyk. Poznań: Zysk i S-ka, 2000.*
- Jakubowski 1935 — *Jakubowski J. Powiat grodzieński w w. XVI (mapa z tekstem) // Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. Z. 3. Kraków: Polska Akademia Umiejętności., 1935. S. 99–114.*
- Konczewska 2020 — *Konczewska K. Regionalne słownictwo gwarowe dotyczące obróbki lnu i tkactwa na terenie dawnej parafii usnarskiej na Grodzieńszczyźnie // Język w regionie, region w języku 3 / red. B. Osowski, J. Kobus, P. Michalska-Górecka, A. Piotrowska-Wojaczyk. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2020. (Prace Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza; Biblioteczka Poznańskich Studiów Polonistycznych. Seria Językoznawcza: nr. 51). S. 175–189.*

- Konczewska 2021a — *Konczewska K.* Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie. Kraków, 2021. (Prace Instytutu Języka Polskiego PAN; 160).
- Konczewska 2021b — *Konczewska K.* Podlaskie słownictwo gwarowe z zakresu budownictwa (na podstawie niepublikowanych materiałów archiwalnych Instytutu Sztuki Polskiej Akademii Nauk i współczesnych badań terenowych). (В печати).
- Smułkowa, Engelking 2007 — *Smułkowa E., Engelking A.* Uwagi o metodzie badań terenowych na pograniczach Białorusi // *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej* / red. E. Smułkowa, A. Engelking. Warszawa: DiG, 2007. S. 15–18.
- Thomason 2001 — *Thomason S.* Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
- Wiemer 2003 — *Wiemer B.* Zur Verbindung dialektologischer, soziolinguistischer und typologischer Methoden in der Sprachkontaktforschung: Das Beispiel slavischer und litauischer Varietäten in Nordostpolen, Litauen und Weißrußland // *Zeitschrift für Slawistik*. 2003. Bd. 48, No. 2. S. 212–229.
- Woolhiser 2008 — *Woolhiser C.* Convergent and divergent innovation in the Belarusian dialects of the Białystok and Hrodna regions: a sociolinguistic border impact study // *American contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008*. Vol. 1: Linguistics / ed. by C. Y. Bethin, D. M. Bethea. Bloomington, Indiana: Slavica, 2008. P. 245–264.

**Dialectological Research in an Area with
a Difficult Sociolinguistic Situation: Specifics,
Methodological Approaches, Prospects
(based on the materials of modern expeditions
on the Polish-Belarusian border)**

The author considers the specifics of conducting field research in areas with a difficult sociolinguistic situation on the example of the field research in the Polish-Belarusian transborder, on the territory of the former parish of Usnar. The paper offers for discussion such methods as: the use of archival materials for the study of historical multilingualism; verification of the dialect lexemes extracted from the archives documents during field expeditions; use of museum objects as tools for obtaining unique oral histories as well as new dialect material.

М. М. Алексеева (Москва, Россия)

Лемковский журнал «Ватра» как источник изучения социолингвистической ситуации и диалектных особенностей современных лемковских говоров

Лемковский идиом представляет интерес не только для диалектологов, но и для социолингвистов как недавний пример диалекта, получившего (по крайней мере отчасти) статус отдельного языка.

Традиционно лемковский диалект относится к юго-западному наречию украинского языка и считается самым западным украинским диалектом. Его носители, лемки, изначально проживали на юго-востоке Польши в горных районах на границе со Словакией (так называемая Лемковщина). В 1945–1947 гг. в результате принудительных переселений лемки оказались рассредоточены по различным областям Польши и Украины, что имело серьезнейшие языковые последствия (Алексеева 2012; Алексеева 2015).

Среди лемков в Польше наблюдается так называемый «этнический дуализм» (Michna 1995): часть из них считает себя частью украинской нации, а часть — отдельным народом или одной из ветвей отдельного русинского народа. Этническая идентификация влияет и на отношение к своему языку. Так, лемки-автономисты в Польше добились признания своего идиома отдельным восточнославянским языком, что вызывает резкое отторжение у приверженцев проукраинской ориентации.

Важной площадкой для дискуссий являются периодические издания, выпускаемые лемковскими общественными организациями. Языковая политика редакции того или иного издания во многом отражает взгляды стоящей за ним общественной организации.

Характерным примером служит журнал «Ватра» — печатный орган Объединения лемков в Польше (*Zjednoczenie Lemków w Polsce*), отстаивающего принадлежность лемков к украинскому народу и считающего лемковский идиом диалектом украинского языка.

Ежеквартальный журнал «Ватра» выходит в Польше с 1992 г., на данный момент издано 114 номеров. В журнале публикуются хроники событий в жизни лемковского сообщества Польши и Украины, материалы по истории лемков, литературные произведения, воспоминания очевидцев переселений, фольклорные материалы. Важное место занимают статьи, посвященные статусу лемковского идиома и лемковского сообщества.

Значительная часть материалов публикуется на украинском литературном языке, однако в каждом номере обязательно имеются публикации на лемковском. Кроме того, встречаются тексты на украинском языке, написанные потомками лемков-эмигрантов из англоязычных стран, в частности Австралии. Согласно принятым правилам, в них сохраняется авторская орфография, что позволяет проследить некоторые особенности речи украинцев Австралии (например, в тексте, опубликованном в № 1 «Ватры» за 2009 год, отмечены случаи отсутствия окончания предложного падежа у топонимов на *-н*: *народилася в Мельберн, не живу у Бризбан*, ср. в том же тексте *в Сіднею, на північ від Бризбану* — род. пад.).

В отличие от лемков-автономистов, добивавшихся кодификации лемковского языка на основе говоров центральной Лемковщины, лемки-украинцы негативно относятся к идее создания единого лемковского стандарта. Следовательно, в публикуемых лемковских текстах целенаправленно сохраняется авторская орфография. Редакция пишет: «Ми вже не раз пояснювали, що наш кварталник друкуємо в більшості лемківською говіркою <...> жодна говірка не може бути

літературною мовою народу, а коли стане мовою, не буде вже говіркою» («Ватра», 2011, № 2, с. 12).

Редакція лише изредка дозволяла себе правку оригінальних матеріалів, що не завжди викликало одобрення авторів і навіть приводило до курьезних ситуацій. Так, в одному випадку редакція вирішила замінити в присланому матеріалі букву «и» на букву «ы», яка служить для передачі специфічного лемківського звуку [ы] верхнього (верхне-середнього) підйому заднього (середне-заднього) ряду. Це свого роду фонетическа «візитна картка» лемківських говорів, хоча ще З. Штібер писав про тенденцію до більш переднього произношення *у (Stieber 1982: 33). По словам редакції, ця буква в журналі використовується тільки в рубриці «Бесіда русинів Лемківщини», в якій публікуються воспоминання лемків. Однак автор виправленого матеріалу в відповідному листі вимагав прибрати зміни, оскільки в мові його рідного села Висова звук [ы] відсутній, що різко відличало мову Висови від мов оточуючих сіл і що підтверджують дані атласа лемківських мов (Stieber 1956).

Не всі читачі журналу погоджені з позицією редакції. Деякі вважають помилковим і нецільовим використання діалекту в друку: «Я сам не пишу діалектом, бо вважаю, що для висловлення своєї думки на професійній темі треба вживати нормалізовану, літературну мову; на щастя, таку мову вже маємо» («Ватра», 2005, № 4, с. 9).

Відзначимо, що літературний український мовний стандарт журналу несе сліди впливу польського мовного стандарту. Об цьому свідчать, наприклад, випадки нетипичного управління (*над морьом* ‘на морі’ — ср. укр. лит. *на морі*, пол. *nad morzem*; *прошу о контакт* ‘пожалуйста, свяжитесь со мной’ — ср. укр. лит. *прошу + вин. над.* без предлога, пол. *proszę o kontakt*) або специфічне написання імен власних, несвоєрідних літературному стандарту (*Осьвенцим* — укр. лит. *Освенцим*).

Лемковский идиом на протяжении всей своей истории испытывал значительное влияние польского языка (Rieger 1995: 18–20), а в результате переселений контакты с польским языком интенсифицировались. Кроме того, на сегодняшний день практически все носители лемковского двуязычны, причем для молодого поколения польский язык зачастую является примарным, а знание лемковского чаще остаточное или пассивное. Обилие полонизмов на страницах «Ватры» (как адаптированных, так и неадаптированных) указывает на сильнейшее влияние польского языка на современную лемковскую лексику (*комірка* ‘мобильный телефон’, ср. пол. *komórka*; *теле-диск* ‘видео-клип’, ср. пол. *teledysk*; *варштати* ‘мастер-классы’, ср. пол. *warsztaty*; *цертифікат* ‘сертификат’, ср. пол. *certyfiakat*; *викалачка* ‘зубочистка’, ср. пол. *wykałaczkа*). Можно встретить объявления с частично продублированной информацией на польском и украинском и даже переключением кодов в рамках одного предложения: «Щиро запрашає на: Małankę Маланку 2009/2010, котра одбудеся 13.01.2010 в: Ośrodku Wypoczynkowym “Wapienne” w Wapiennym» («Ватра», 2010, № 1, с. 26).

Отдельного упоминания заслуживают рубрики «Дитяча сторінка» и «Молодіжна сторінка». В них преобладают публикации на лемковском, поскольку среди прочего преследуются образовательные цели: ближе познакомить молодежь с традициями предков. Однако для лемковских слов, которые могут вызвать затруднение у современной молодежи, в скобках приводится польское соответствие, причем это могут быть как явные архаизмы, так и — что показательно — нейтральная бытовая лексика (*зрізуванец* (*szczypiorek*) ‘зеленый лук’ *рідковця* (*rzodkiewka*) ‘редиска’, *виразка* (*wrzody*) *жолудка* ‘язва желудка’).

О выходе из употребления многих специфических лемковских лексем свидетельствует и тот факт, что к текстам,

опубликованным в рубрике «Бесіда русинів Лемківщини», зачастую прилагается объяснение малопонятных слов на украинском языке, и это могут быть как обозначения утративших актуальность реалий, так и базовая лексика (*гнеська* — *сьогодні* ‘сегодня’, *тым барже* — *тим більше* ‘тем более’).

Помимо косвенных указаний на особенности социолингвистической ситуации в журнале публикуются материалы, напрямую ей посвященные. В частности, обсуждение двуязычных информационных указателей на польском и лемковском в селах Лемковщины («Ватра», 2009, № 1), отражающее непростые моменты во взаимоотношениях польского и лемковского населения на этих землях.

Литература

- Алексеева 2012 — *Алексеева М. М.* Языковой выбор у лемков-переселенцев на Украине // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / [отв. ред. вып. Л. Э. Калынь]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 72–82.
- Алексеева 2015 — *Алексеева М. М.* Лемки-переселенцы в Польше: этническое самосознание и языковая ориентация // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / [отв. ред. Г. П. Нецименко]. Кн. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. (Studia philologica). С. 59–72.
- Michna 1995 — *Michna E.* Łemkowie. Grupa etniczna czy naród? Kraków: Nomos, 1995. (Religiologica Juventa).
- Rieger 1995 — *Rieger J.* Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa: Wydawnictwo naukowe «Semper», 1995.
- Stieber 1956 — *Stieber Z.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny / Łódzkie Towarzystwo Naukowe. Zesz. 1–8. Łódź: Zakład im. Ossolińskich we Wrocławiu, 1956–1964 .
- Stieber 1982 — *Stieber Z.* Dialekt Łemków: fonetyka i fonologia / Polska Akademia Nauk, Komitet Językoznawstwa; komitet redakcyjny: K. Polański (red. nacz.) et al. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolinskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1982. (Prace językoznawcze; 97).

“Watra” Magazine as a Source of Information about the Sociolinguistic Situation and Specific Features of Modern Lemko Dialects

“Watra” magazine is published by the Union of Lemkos in Poland. It represents the views of those Lemkos who consider themselves part of the Ukrainian nation and believe their language is a Ukrainian dialect as opposed to those Lemkos who claim to constitute a separate nation with a separate Lemko language. According to the editorial policy the magazine publishes texts in both standard Ukrainian and different versions of the Lemko dialect which allows to study the ongoing processes in the Lemko vernacular.

**ЭТНОЛИНГВИСТИКА
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

D. Šipka (Tempe, Arizona, USA)

Cross-cultural Anthropology in Slavic Cultural Linguistics

The intellectual tradition of “linguistic culturology” in Slavic studies has introduced the ideas of a national linguistic personality, defined by a specific linguistic image of the world widespread among the speakers who share that linguistic personality. They have also proposed that certain culture-specific words, phrases, their meanings, collocations, and links between them (most notably associative) testify to that specific national linguistic personality. This tradition can be seen in works like (Bartmiński, Chlebda 2008; Bartmiński 2005, 2013, 2014; Karaulov 2010; Kornilov 2014) and (Zaliznyak et al. 2005, 2012). This stream of scholars should be given their due credit, for drawing attention of linguistic community towards the nexus of language and culture. Additionally, Wierzbicka (1992, 1997), although she has a broader linguistic focus, represents similar way of thinking and uses Slavic language materials in her analyses. Outside Slavic languages, and aside from Wierzbicka’s disciples who work with non-Slavic languages, one should mention cultural linguistics (works like [Palmer 1996] and [Sharifian 2011, 2017]), which bears a resemblance to the aforementioned tradition represented by Slavic scholars.

Concurrently, ample research has been done in the field of cross-cultural anthropology, which offers various opportunities to establish solid ground for linguistic comparison. This line of research includes the authors focusing on concrete and measurable dimensions that vary from one culture to another. This tradition of research is aptly summarized in Dahl (2004). In particular, a promising ground for Slavic cultural linguistic work is offered by Hall’s classic patterns (Hall 1959, 1966) and Hofstede’s 6-D model (see [Hofstede, Hofstede 1994] and

[Hofstede 2001]). In one of Hall's classic patterns, monochronic cultures construe time on a single line with very clearly divided past, present, and future, while polychronic cultures construe multiple timelines, where past, present, and future are intertwined. This has various consequences, among others, better time management, and division of personal and work time in monochronic cultures. In one of Hofstede's dimensions, individualistic cultures value competition more than cooperation, while collectivistic cultures value cooperation more than competition.

The present paper strives to point to the opportunities that the aforementioned cross-cultural anthropological approaches offer for further studies in Slavic cultural linguistics. At the same time, it points to the possibilities of introducing a more rigorous and comprehensive methodology in the study of Slavic cultural linguistic phenomena. A more elaborate treatment of this subject is laid out in (Šipka 2019).

In order to illustrate the proposed incorporation of cross-cultural anthropological into the research in Slavic cultural linguistics, an analysis based on the Hall's classic pattern of monochronism vs. polychronism and Hofstede's dimension of individualism vs. collectivism were used in the analysis of multiple equivalence between English and Serbo-Croatian.

Šipka (2007), a list of basic 1542 Serbo-Croatian words, was used to extract entries from the electronic version of Benson (1993), a Serbo-Croatian — English dictionary with multiple English equivalents. This yielded a list comprising 640 items. For more information about the methodology, the taxonomy used to establish subject-matter fields, the limitations of this research, and further analyses in this approach, see (Šipka 2019: 82–95).

The analysis of the subject-matter areas where the cases of multiple equivalence have been found shows the distribution as shown in Table 1 (frequency shows the number of dictionary

entries where multiple equivalence exists, and its percent is also provided).

Table 1. Subject-matter fields of Serbo-Croatian — English Multiple Equivalence

Category	Frequency	Percent
Social roles and Affective-Cognitive Processes (Social Interaction)	172	27.3
Artifacts (Institutions)	65	10.3
Measures	159	25.2
Operators (Logical Operators)	58	9.2
Body Parts	27	4.3
Other	149	23.7
Total	630	100

If these cases of multiple equivalence are analyzed using the aforementioned Hall's classic pattern of monochronism vs. polychronism and Hofstede's dimension of individualism and collectivism, we can see that these cross-cultural differences between mainstream Serbo-Croatian cultures and their English-speaking counterparts can elucidate the fact why is multiple equivalence concentrated in exactly the areas summarized in Table 1. Mainstream English-speaking cultures are monochronic and individualist, their Serbo-Croatian counterparts polychronic and collectivistic. The English language establishes more precise lexical delimitations in broadly understood measures. For example, Serbo-Croatian *račun* has the following English equivalents: *arithmetic, mathematics, calculus, bill, check, account, receipt, calculation, plan*. The same fine grained distinctions exist in English when using logical operators (for example, Serbo-Croatian conjunction *a* can be *and, but, and while* in English) and when "measuring" one's body, i.e., dividing it into pieces (Serbo-Croatian *ruka* is both

arm and *hand*, *noga* is both *foot* and *leg*, etc.) These differences may be explained by the fact that the monochronic nature of the mainstream English-speaking cultures favor more precise delimitations in various fields, which is not the case in polychronic Serbo-Croatian cultures.

On the same token, the English is more precise in social interaction, e.g. Serbo-Croatian *društvo* is: *society, organization, association, club, company, crowd* in English. The same is true for institutions — Serbo-Croatian *vlada* is both *government* and *reign / rule*. This can be connected to the fact that in individualistic English-speaking cultures, it is necessary to protect privacy by being very clear about the concepts in the sphere of social interaction and institutions. Needless to say, in nearly one fourth of the cases (the “other” rubric in the table), the categories of cross-cultural anthropology are not useful explanatory tools. Furthermore that many other factors are at play in all other rubrics. Hall’s and Hofstede’s categories are therefore not the only explanatory tools, but rather important contributing factors that act in concert with many other causes of cross-linguistic differences.

Along with the proposal to include insights from cross-cultural anthropology in Slavic cultural linguistics, the present paper advocates for research based on a model of lexical layers of identity (elaborated upon in [Šipka 2019]). The key idea is that our language gives us an identity on its own in the three interconnected layers: the deep layer that determines how we organize our concepts into words, the interaction layer, that pertains to the cultural circles of our language as evidenced by lexical borrowing, and surface layer, the tradition of normative and other interventions in our language. The research agenda based on the aforementioned key considerations, encompasses the following:

a. An approach that would encompass all lexical layers of cultural identity and all players involved in its creation,

b. Perspectives from various fields of linguistics and social sciences needed to elucidate the layers and their stakeholders,

c. Techniques that explore datasets in their entirety or consistent samples, that approach the language as a separate (albeit connected) entity from ethnicity, nation, etc., and that leave room for random events.

This proposal is thus a modest contribution to the ongoing research, meant to make explorations of Slavic cultural linguistics more rigorous and comprehensive. The insights from cross-cultural anthropology play a very important role in this endeavor. There is a huge potential in using a vast body of knowledge from that field in Slavic cultural linguistics. Slavists should definitely embrace these research prospects that have hitherto remained either out of sight or, at best, on the sidelines.

References

- Bartmiński, Chlebda 2008 — *Bartmiński J., Chlebda W.* Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? // *Etnolingwistyka*. 20. 2008. S. 11–27.
- Bartmiński 2005 — *Bartmiński J.* Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych // *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 40. 2005. S. 259–280.
- Bartmiński 2014 — *Bartmiński J.* Basic assumptions of Slavic Ethnolinguistics // *Die slavischen Sprachen = The Slavic Languages: an international handbook of their structure, their history and their investigation* / ed. by Karl Gutschmidt et al. Berlin. De Gruyter Mouton, 2014. P. 1165–1174.
- Bartmiński 2013 — *Бартминьский Е.* Образ мира в польской народной традиции // *Ethnolinguistica Slavica: К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 26–42.
- Benson 1993 — *Benson M.* Benson's tagged SerboCroatian-English dictionary: electronic document. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1993.
- Dahl 2004 — *Dahl S.* Intercultural research: the current state of knowledge (written January 12, 2004): Middlesex University Discussion Paper No. 26. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=658202>.

- Hall 1959 — *Hall E. T.* The silent language. Garden City: Doubleday, 1959.
- Hall 1966. — *Hall E. T.* The hidden dimension. Garden City: Doubleday, 1966.
- Hofstede, Hofstede 1994 — *Hofstede G., Hofstede G. J.* Cultures and organizations: software of the mind. London: HarperCollins, 1994.
- Hofstede 2001 — *Hofstede G.* Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. London: Sage, 2001.
- Karaulov 2010 — *Карaulов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: URSS, 2010.
- Kornilov 2014 — *Корнилов О. Д.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд. М.: Книжный дом Университет, 2014.
- Palmer 1996 — *Palmer G.* Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996.
- Sharifian 2011 — *Sharifian F.* Cultural conceptualisations and language. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011
- Sharifian 2017 — *Sharifian F.* Cultural linguistics. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
- Šipka 2007 — *Šipka D.* Osnovna leksička lista 1500 oblika. 2007. URL: <http://www.public.asu.edu/~dsipka/L1.TXT>.
- Šipka 2019 — *Šipka D.* Lexical layers of identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka W.* Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Zaliznyak et al. 2005 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Zaliznyak et al. 2012 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

В. Мондры (Познань, Польша)

История польского «Словаря славянских древностей» за четверть века с момента его создания

В 2021 г. исполняется четверть века с момента публикации последнего тома польского «Словаря славянских древностей» в 1996 г. (том 8, выпуск 2). В связи с этим стоит детальнее ознакомиться с этой амбициозной инициативой польских славистов, до сих пор являющейся единственным всеобъемлющим энциклопедическим обзором состояния знаний по истории и культуре древних славян до рубежа XII–XIII вв., т. е. до окончательного формирования славянских государств. Географически издание охватывало как районы, где славяне проживали компактно, так и очаги славянских диаспор, в том числе на других континентах, а именно в Азии и Африке. В докладе будут охарактеризованы условия, в которых создавался словарь, а также проблемы, с которыми на разных этапах работы сталкивался его редакционный коллектив.

История создания «Словаря славянских древностей» восходит к первой конференции Федерации исторических обществ славянских и восточноевропейских государств, которая состоялась в Варшаве 29–30 июня 1927 г. Во время конференции Францишек Буяк, профессор истории Львовского университета им. Яна Казимира, создал и возглавил редакционный комитет. Целью данного комитета являлась подготовка коллективного труда под названием «Словарь славянских древностей» в сотрудничестве с широкой группой польских и зарубежных ученых. Эта инициатива, вызванная необходимостью широкого распространения знаний о славянах, их истории, культуре, обычаях, нравах, языках в Польше и за рубежом, показала глубокие иссле-

довательские интересы польских славистов в межвоенный период.

Согласно принятой концепции, «Словарю славянских древностей» предстояло стать «масштабной энциклопедией прошлого стран и народов всего славянского региона» (Batowski 1945: 8). Самые выдающиеся специалисты из славянских стран должны были собрать и описать всё, что происходило на славянских землях с доисторических времен до конца Средневековья, в частности развитие духовной и материальной культуры. Кроме того, необходимо было учесть всё, связанное со славянством на территориях, которые соседствовали со славянским регионом, т. е. в Румынии, Греции и Венгрии. В состав редакционного комитета вошли представители славянских стран. Издательство находилось во Львове, а работы финансировал существовавший в то время в Польше Фонд национальной культуры. К 1933 г. были разработаны словники польский, украинский, чешский, словацкий, болгарский и русский; последние из них составили российские историки-эмигранты из Праги и Югославии. В общей сложности к 1936 г. полный список статей насчитывал около 12 тыс. позиций. Также были определены авторы, которым предстояло написать эти статьи, спланирован объем отдельных статей и разработана техническая концепция.

В 1934 г. был издан пробный выпуск словаря, содержащий 12 статей из разных славянских стран (Słownik 1934). Его представили участникам II Международного конгресса славистов, проходившего 23–30 сентября 1934 г. в Варшаве. С 1 сентября 1933 г. редакционную работу стал вести выдающийся польский историк-славист профессор Хенрик Батовский. В предисловии к пробному выпуску он обратил внимание на многочисленные трудности, с которыми столкнулись создатели словаря. Среди них были несовпадающие взгляды на происхождение и прародину славян, а также принятый Редакционным комитетом принцип, чтобы словарь являлся

«коллективным трудом ученых всех славянских народов с участием представителей науки соседних народов». Он также выразил надежду, что «дальнейшее развитие *Словаря славянских древностей*, столь необходимого для науки и культуры, больше не будет остановлено, а пойдет вперед быстрыми шагами, объединяя в единомышленном сотрудничестве ученых всех славянских и соседних народов» (Słownik 1934: III). Однако подготовка такого огромного издания, состоящего как минимум из шести томов по тысяче страниц в две колонки в каждом, была не под силу одному человеку. Возникли проблемы, касающиеся своевременной подачи статей авторами и шовинистической позиции сербских и болгарских ученых, выступающих против подготовки статей о спорной территории Македонии учеными другой стороны (Batowski 1954: 612).

Следующей проблемой стала необходимость учитывать результаты работы советских ученых. Без сотрудничества с ними российский материал, который прислали ученые-эмигранты из Праги, а также украинский, полученный от украинских исследователей из Львова, оказался неполным. Ректор Варшавского университета профессор Влодзимеж Антоневич отправился в Москву для установления контактов. Однако сложившаяся тогда политическая ситуация делала любое сотрудничество невозможным. Во время войны все собранные материалы и списки статей были утеряны. В настоящий момент единственным свидетельством новаторской попытки польских славистов Францишка Буяка и Хенрика Батовского является пробный выпуск словаря, отредактированный ими и опубликованный в 1934 г.

Впрочем, несомненно то, что написание и издание такого масштабного труда превышали возможности польских славистов. Сама концепция написания энциклопедических статей учеными из самых разных стран региона связана была с большими расходами, гонорарами, командировками, перепиской. Всё это вместе с отсутствием связи редакции

с каким-либо из научных учреждений Советского Союза, а также отсутствием доступа к проводимым там исследованиям обрекали начинание польских славистов на провал (Batowski 1945: 8).

После Второй мировой войны польские слависты вернулись к идее издания словаря. Еще в 1949 г. профессора Тадеуш Лер-Сплавинский и Зигмунт Войцеховский представили свой проект издания. С 1955 г. работа велась во вновь созданном Отделе славяноведения Польской Академии наук, а с 1977 г. — в Институте славяноведения ПАН (современный Институт славистики ПАН). В результате должен был появиться двухтомный труд, содержащий статьи исключительно польских авторов. Такой подход обуславливался новыми политическими условиями, которые сделали международное сотрудничество практически невозможным. Общее количество исследователей, сотрудничающих со «Словарем славянских древностей», превысило 300 человек. После того как в 1958 г. опубликовали пробный выпуск словаря, было решено преобразовать издание в многотомную энциклопедию. В итоге число статей в словаре с дополнениями составило примерно 4500, а в последний том вошли именной и географической указатели. В 1961 г. был опубликован том 1, выпуск 1 (А — Б), положивший начало многолетнему издательскому циклу, закончившемуся только в 1996 г., т. е. через 35 лет, публикацией тома 8, выпуска 2 «Словаря». Создавала его небольшая группа сотрудников редакции, которым из-за отсутствия польских исследователей пришлось не только выполнять типичную редакционную работу но и специализироваться в таких областях, как русистика или балканистика¹. Для облегчения редакционной работы была

¹ На первом этапе редакционной работой руководили профессора Юзеф Матушевский и Михал Щанецкий, в 1952–1954 гг. — профессора Юзеф Гайек и Владслав Коваленко, в 1961–1974 гг. — профессор Жерар Лабуда, с 1974 по 1984 г. — профессор Антони Госиоровский, а с 1984 по 1996 г. — профессор Анджей Вендзкий.

создана славистическая библиотека, насчитывающая около 40 тыс. томов, в том числе несколько десятков зарубежных славистических журналов.

Концепция инициаторов «Словаря» заключалась в создании междисциплинарного издания, что по тем временам было большим новшеством. Кроме основных дисциплин, таких как история, археология и лингвистика, оно также включало право, антропологию, этнографию, литературу и историю искусства. Впрочем, не удалось учесть результаты исследований по естественным наукам, которые, особенно в последние годы работы над словарем, внесли значительный вклад в изучение поселений и экономического взаимодействия раннесредневекового населения.

Редакция постаралась сделать так, чтобы публикуемые статьи объективно отражали состояние исследований независимо от личной позиции ученого. Однако это было сложно реализовать, и некоторые статьи содержали собственные субъективные мнения авторов (Wędzki 2004: 202). Сотрудничество только с польскими учеными привело к рассмотрению многих вопросов с узкой польской точки зрения, однако авторы старались помещать предмет своего исследования в более широкий сравнительный контекст (Wędzki 1993: 90).

Анализ «Словаря славянских древностей» через четверть века после его завершения показал, что труд положительно восприняли в научных кругах (Krandžalov 1960: 295). Его часто цитируют как в польских, так и в зарубежных публикациях по различным научным дисциплинам. Придание словарю междисциплинарности и размещение его на интернет-платформе значительно увеличило круг читателей, что способствует объединению исследований по ранней истории, географии, культуре и обычаям древних славян².

² См.: <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/6769/slownik-starozytnosci-slowianskich-encyklopedyczny-zarys-kultury-slowian-od-czasow-najdawniejszych-t-1>.

Словарь стал широко используемым энциклопедическим изданием международного масштаба. В 2008 г. Отдел истории Института славистики Польской Академии наук опубликовал новое двухтомное издание «Ранние славяне. Справочник по истории и литературе» (Wczesna 2008). Оно содержит важнейшую информацию о формировании славянских народов и государств, биографиях выдающихся славистов, изучающих славянские древности, а также обширную библиографию по этой теме до 2005 г. включительно. В настоящее время редактируется английская версия справочника.

Эти публикации являются частью 55-летней работы Отдела истории Института славистики Польской Академии наук и расширяют знания о древних славянах.

Литература

- Batowski 1945 — *Batowski H.* Słownik starożytności słowiańskich // *Odrodzenie*. Vol. 29. 1945. P. 8.
- Batowski 1954 — *Batowski H.* List H. Batowskiego do Redakcji Przeglądu Zachodniego // *Przegląd Zachodni*. Vol. 1, no. 10. 1954. S. 612–613.
- Krandžalov 1960 — *Krandžalov D.* Dvě významná iniciativní díla polske slavistiky // *Acta Universitatis Palackinae Olomucensis. Historica*. Vol. 1. 1960. P. 295.
- Słownik 1934 — *Słownik starożytności słowiańskich: zeszyt próbny = Dictionnaire des antiquités slaves: fascicule d'épreuve* / [kom. red. F. Bujak]; Federacja Towarzystw Historycznych Europy Wschodniej. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1934.
- Wczesna 2008 — *Wczesna Słowiańszczyzna. Przewodnik po dziejach i literaturze przedmiotu*. T. 1: A — Z; T. 2: Bibliografia. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008.
- Wędzki 1993 — *Wędzki A.* Blaski i cienie pierwszej polskiej encyklopedii slawistycznej. Uwagi na marginesie zamknięcia prac nad Słownikiem starożytności słowiańskich // *Nauka Polska*. 1993. T. 6. S. 89–94.
- Wędzki 2004 — *Wędzki A.* Słownik starożytności słowiańskich z perspektywy pół wieku // *50 lat slawistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004): księga jubileuszowa Instytutu Sławistyki PAN / kom. red. pod kier. K. Handke*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004. S. 199–215.

The History of Polish “The Dictionary of Slavic Antiquities” in a Quarter of a Century since its Inception

“The Dictionary of Slavic Antiquities” is an encyclopaedic summary of the current state of knowledge about the history and culture of the Slavs on a global scale. The first attempts to create this dictionary were undertaken in 1927 but only its post-war concept was fully successful. This article presents the course of work on the dictionary, the stages of its creation, as well as the specifics of the entire publishing process.

DOI: 10.31168/0459-6.31

М. Китанова (София, България)

Българската етнолингвистична лексикография през новото хилядолетие

Основна дейност на членовете на Секцията за етнолингвистика към Института за български език «Проф. Л. Андрейчин» е развиване на етнолингвистичната лексикография. В последните двайсет години са изработени четири речника — три тематични и един азбучен.

Тематични речници

1. **Тематичен речник на термините от народния календар** / П. Легурска, М. Китанова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. 150 с. ISBN 978-954-322-079-3.

2. **Човешкият живот — раждане, сватба, погребение: Тематичен речник на семейната обредност** / П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012. 166 с. ISBN 9789543225484.

Тези речници са предизвикателство към традиционната лексикография. Разработени са на идеографски принцип. Термините се разглеждат като част от семиозиса на определени обреди и вярвания, свързани с другите културни елементи: действия, лица, предмети, места. Лингвистичният материал се инвентаризира по три основни признака: по мястото на народния термин в обредния цикъл като ментално пространство, по неговата етническа семантика, изразена в интерпретацията, и по географско разпространение. Като първи етап от работата върху тематичните речници е изработен езиков модел на термините на народния календар. Структурата на речника се състои от четири цикъла: Есенен цикъл (Симеоновден — Андреевден); Зимен цикъл (Андреевден — Трифоновден); Пролетен цикъл (Трифоновден — Гергьовден); Летен цикъл (Гергьовден — Симеоновден). В тематичната част отделните народни празници са представени чрез ключови думи — народни термини, разпределени по следните рубрики: регионални названия на празника, обредни действия, обредни лица, обредни предмети, обредни места. В основата на ономасиологичната схема на циклите лежат определени семантични доминанти, които са ключови в рамките на съответния цикъл като ментално пространство и са отделени с шрифт. Екскерпирани са от писмени източници въз основа на «езиково изразяване с народен термин» и са предварително обобщени.

Антропологичните цикли «Раждане. Сватба. Погребение» разкриват човешкия живот от началото до неговия край. Предлаганата ономасиологична картина е втора част от проекта, посветена на изучаването на културната лексика в идеографски аспект. В представената ономасиологична картина са съвместени народните термини, свързани с части от жизнения цикъл на човека. Материалът е екскерпиран от писмени източници и архиви. Структурата на трите части на речника е еднаква: 1. Народни термини за обреди,

обредни лица, предмети, места и действия преди съответния цикъл. 2. Народни термини за обреди, обредни лица, предмети, места и действия по време на съответния обреден цикъл. 3. Народни термини за обреди, обредни лица, предмети, места и действия след съответния обреден цикъл. В рамките на всяка рубрика се привеждат подрубрики, съответстващи на последователността от действия, характерни за съответния цикъл, извлечени от етнологжки източници и допълнително осмислени в самостоятелна конструкция.

3. Етнолингвистичен речник на българската народна медицина / М. Витанова, В. Мичева, Й. Кирилова, К. Мичева-Пейчева, Н. Николова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2021. 368 с. ISBN 9786192450960.

Условно речникът може да бъде разделен на две части — диалектна и етнолингвистична. В диалектната част са представени названия на болести, симптоми, състояния и действия, свързани с нарушаването на основната жизнена дейност на човешкия организъм, болните лица, практиките с лечебна и профилактична функция. Втората част включва названия на болести, симптоми, състояния, действия, причинени според народните вярвания от нечисти сили, магии, урочасване или преминаване през нечисти места, както и демоните, нечистите сили и нечистите животни, предизвикващи болести. Представени са светците лечители, лечебните практики, предметите с апотропейна функция и др. Материалът е подреден в тематични рубрики и подрубрики. Например в рубриката «Човек, болест, здраве» се разглеждат названията за здрав и болен човек. В рубриката «Болест» са систематизирани названията за хиперонима болест, за епидемия, за болестта според нейните характеристики като начин и продължителност на протичане, названията на различните видове болести (на дихателната система, сърдечно-съдови, кожни, детски болести и т. н.) и др. При определянето

на видовете болести авторите са използвали «Международна класификация на болестите. Десета ревизия». Отделно са представени болестните симптоми, лицата, които страдат от различни болести, физическите недъзи, действията, свързани с нарушаването на нормалната жизнена дейност на организма, лечебните средства, лечителите — общи названия и специализирани названия на лечители за отделни заболявания, действията и състоянията, свързани с лечебния процес, и т. н.

Основният принцип при оформяне на речниковите статии в «Етнолингвистичния речник на българската народна медицина» е ономасиологичен — от значението към формите. Статиите започват с речниковите дефиниции, след което се представят съответните названия, като в скоби се описва и тяхното географско разпространение или се посочва източникът, от който е експерпиран материалът, напр.: ‘болест с висока температура и силни тръпки, треска’ — *тресàвица* (ПРОДД), *трèска* (Тръстеник, Плевенско), *трèска* (Банат), *тръòска* (Ардинско, Девинско, Смолянско), *трèскавица* (Долно Тлъмино, Босилеградско), *трясàвица* (ПРОДД); ■ *ба̀ба др̀усла* (БЕР I), *ба̀ба Трèска* (Тетевен), *добр̀а̀ва* (БЕР I), *добр̀уха* (БЕР I), *гроз̀нѝца* (Брезнишко, Пиротско, Трънско, Царибродско); ♦ *огница* (ЙЗл, ГЦ, ТД, ЛД), *студеница* (ПД), *студенъ* (С), *тресавица* (СЕ, ПД).

Структура на речниковите статии

При тълкуването на думите са използвани главно два вида дефиниции — описателни и синонимни. Описателните дефиниции са основният тип в речника. Синонимните дефиниции, при които значението на названието се тълкува със съответния книжовен синоним, се срещат по-рядко, например при ‘епидемия’, ‘безплодие’, ‘главоболие’, ‘кръвотечение, кръвоизлив’, ‘обрив’, ‘мехур’, ‘запек’, ‘кашлица’, ‘сироп’, ‘аспирин’, ‘хинин’ и др.

Диалектните названия са подредени по азбучен ред. Словосъчетанията не се отделят самостоятелно, а се включват на съответното място в азбучния ред. След всяко название в скоби е представено географското разпространение или източникът, от който е ексцерпирано.

В Речника след знак ■ се привеждат всички названия заместители на думата табу за болест: ‘заразна болест с обрив по кожата и лигавиците, шарка’ — *бѝмбиль, бобѝца, богѝне, богѝнка, больчица, брусеница, бруснѝца...* ■ *баба Писана, ба̀ба Пѝсанка, ба̀ба Сѝпка, ба̀ба Ш̀ара, ба̀ба Ш̀арка, бабичка, бабичката, кака, л̀ели, л̀еличка, л̀еля, майчица, ма̀слена, мѐдена, медена-маслена, мѐдена и ма̀слена, мѝлата мѝйка, мѝлата мѝйчица, сестричка, сла̀дка и мѐдена, ѹбаи сестрички, цветенеце, цветенецето, цветето;*

А след знак ◆ се привежда материал от стб. лековници: *осъпы (С).*

Азбучни речници

1. **Речник на народната духовна култура на българите** / М. Китанова З. Барболова, П. Легурска, Н. Павлова, М. Симеонова. София: Наука и изкуство, 2018. 504 с. ISBN 978-954-02-0337-9.

Това е първият в българското езиковедие етнолингвистичен речник на народните термини, чиято цел е да представи духовната народната културна традиция чрез терминологията ѝ в синхронен аспект. Чрез него се реконструира езиковата картина на традиционния българин. Представени са повече от 5000 единици от цялата българска езикова територия с ясни и достъпни дефиниции. Подборът на лексиката се извършва по следните теми: народни празници, семейна обредност, роднинска терминология, народно право, демонология, болести. Растения и животни са включени само, ако се отнасят до определени обреди или празници.

Термините са представени в азбучен ред. Речниковата статия има следната структура: заглавка ~ тълкуване ~ /разпространение или източни/; фонетични варианти с тяхното разпространение [фонетичен вариант /разпространение/]; семантични еквиваленти, които са отбелязани само при основната дума. Например:

пеперѹда¹ — Обред за предизвикване на дъжд (Източна и Западна България /ИБ, ЗБ/ [*пеперѹга* /Дупница, Панагюрище, Струга, Хасковско/; *пемперѹга* /ЗБ/, *пеперлю̀га* /Ивайловградско/, *пяпя̀рѹда* /Преславско/].

< вай̀ гѹгу, вай̀ дудѹла, ой̀ люле, росом̀анка.

*Обредът няма фиксирана дата. Изпълнява се по време на суша през пролетта и лятото;

пеперѹда² — Главно действащо лице в обряда „пеперѹда“ /ИБ/, [*пемперѹга* /Западна България/; *пеперлю̀га* /Ивайловградско/; *пяпя̀рѹда* /Преславско/].

Характерни особености на етнолингвистичните речници

Част от приведената лексика е общоупотребима, но функционира в обредните комплекси като терминологична. Не се използва фонетична транскрипция. Ударение се поставя само там, където то е регистрирано. Граматичната характеристика е представена имплицитно чрез речниковите дефиниции. Напр. ‘болнав човек’ (за съществителни имена), ‘който боледува често, болнав’ (за прилагателни имена), ‘разболявам се, почвам да боледувам’ (глаголни форми от несвършен вид), ‘разболея се, почна да боледувам’ (глаголни форми от свършен вид). Материалът е ексцерпиран от писмени източници и архиви — диалектни, етнолингвистични, етноложки, фолклорни, а също и лично събиран на експедиции от членовете на посочените колективи.

Bulgarian Ethnolinguistic Lexicography in the New Millennium

The report examines in detail the features of ethnolinguistic dictionaries, which are developed in the Section of Ethnolinguistics of the Institute of Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”, Bulgarian Academy of Sciences, — the new in their concepts and realization. A comparison is made between them and the ethnolinguistic lexicographic products made by collaborators of the Moscow and Lublin schools.

DOI: 10.31168/0459-6.32

А. А. Плотникова (Москва, Россия)

Карпатские параллели к балканским мотивам воздушной битвы

В докладе речь пойдет о карпатских аналогиях к известным у славян на Балканах представлениям о том, что бурю, грозу, град, сильный ветер вызывает змей-дракон, летающий в облаках. Ранее мною неоднократно рассматривались особенности сербских, черногорских, македонских, болгарских, а также и албанских поверий о воздушной битве двух змееподобных персонажей, вызывающей непогоду, см., например, (Плотникова 2004: 222–231, 658–676; Плотникова 2013: 51–65, 183–192). Карпатские параллели к этому сюжету встречаются как у славян (словаков, украинцев), так и у их соседей (румын, венгров).

Смежная с болгарской и сербской территориями румынская часть карпато-балканского диалектного ландшафта характеризуется значительным числом ранних и поздних заимствований из южнославянских языков и культурных традиций. Румынские лексемы *zmeu* (ранее заимствование из славянских языков), (*h)ala* (позднее заимствование из

болгарского и сербского) относятся к обозначению змеев-драконов, с которыми, например, связываются различные представления об их борьбе между собой, что вызывает либо дождь (ливень, град), либо засуху, а также смерч и бурю в зависимости от того, победят ли в битве «змеи дождя», «змеи засухи» или «змеи ветра» (Muşlea, Bîrlea 1970: 183). Синонимическим обозначением атмосферного змея-дракона у румын становится исконная лексема *balaur*, о специфике происхождения которой см. (Калужская 2001: 71–91). Идентичные змеям-драконам «балауры», по румынским поверьям, собираются вместе в определенное время года и устраивают в облаках драку, отчего начинается гроза, буря, а от напряженного дыхания «балаура» на землю выпадает град (Muşlea, Bîrlea 1970: 186–187; Bîrlea 1976: 24).

В традициях, более удаленных от собственно балканской части рассматриваемого ареала, для обозначения змея-дракона употребляется унгаризм: среднесловац. *šarkan*, *šarkan*¹, зап.-укр. *шаркант(ь)*, *шаркань*², венг. *sárkány* (ср. также у хорватов Славонии на пограничье с Венгрией: *šarkanj* в том же значении)³. При этом непогодный демон, именуемый шарканью, по поверьям, никогда в итоге не появляется без своего «наездника» — управляющего им чернокнижника (венг. *garabonciás*, рум. *şolomonar*, укр.-карпат. *вітреник*, словац. *planetník*, *chmarník*, *čiernokňazník*)⁴, по сути двойника змея-дракона (Калужская 2001: 81), о чем, в частности, свидетельствуют возможные превращения змея в «гарабонцияша» или, наоборот, «гарабонцияша» — в змея во время появления демона среди людей с целью добыть пропитание, не получая которого сверхъестественное существо мстит

¹ См. (Валенцова 2020: 135).

² См. (Толстая 2017: 144–147; Левкиевская 2009).

³ См. (Franković 1990: 114, 129–131).

⁴ Подробнее см. (Левкиевская 1999: 151; Валенцова 2020: 135; Белова, Виноградова 2010: 48).

людям, осыпая сверху их угодыя градом, см., например, (Ващенко 2014: 301–302).

Встречаются свидетельства, что управляющие драконом чернокнижники, как и сами змеи-драконы, могут вступать в битву друг с другом: так, в румынском Банате *şolomonar*, предводитель змея-дракона, местным жителям виделся как человек со сверхъестественными способностями (называемый также и *vîlva*), который боролся с другим таким же полудемоном из соседнего села (Muşlea, Bîrlea 1970: 187). Вторичные значения лексемы *zmeu* в румынском могут указывать на более широкое распространение у румын в прошлом мотивов героической битвы, в которой участвует змей, например: *zmeu* ‘герой-витязь’, ‘храбрый воин’, ср. также выражение *a se lupta ca un zmeu*, т. е. храбро сражаться, букв. ‘бороться, как змей’ (DELR: 1047). В целом же в карпатских традициях мотив змея-дракона как защитника локуса (что характерно для сербской, черногорской, македонской и албанской традиции) выражен слабо.

Тема борьбы змея-дракона с себе подобными или с мифическим защитником места в карпатских традициях имеет разные вариации. Например, в украинском Закарпатье бытует легенда о победе князя Корятовича над многоголовым змеем драконом *шарканти*, несущим бурю и разрушения (Толстая 2017: 144⁵; Потушняк 1941: 102). У румын о молнии на небе говорят, что бьются змеи-драконы (*se bat zmeii*), пока св. Илия не поразит их громом (Muşlea, Bîrlea 1970: 183–184), что косвенно отсылает нас к основному мифу о Боге-громовержце, имеющему более отчетливые реликты у южных славян, см., например, (Михайлов 1996).

Характерный для балканских традиций мотив борьбы со змеем человека, душа которого оставляет тело во время сна, прослеживается в румынских народных верованиях.

⁵ Там же литература о карпатоукраинских фиксациях легенды.

Например, во время сна души злых, «нечистых» людей поднимаются в небо, где в облике «балауров» бьются с себе подобными (Birlea 1976: 23). На украинских Карпатах распространено поверье о двоедушниках: их вторая («злая») демоническая душа устремляется в небо на борьбу с себе подобными, пока тело остается в состоянии сна, при этом побежденный должен пропустить на свои поля тучу победителя (Левкиевская 2009).

Карпатская палитра сюжетов и мотивов о воздушной битве демонов непогоды в разных вариантах продолжает аналогичные балканские поверья. Вместе с тем специфика карпатского культурного ареала связана и с рядом особенностей, которые, если и встречаются на Балканах, то лишь в северных частях, граничащих с Венгрией и Румынией, — речь идет, прежде всего, о верованиях в предводителя слепого змея-дракона, несущего людям град. И наоборот, в карпатских традициях практически отсутствует тема героизма положительного защитника полей и угодий — образа, столь характерного для восточносербских, македонских, черногорских и восточногерцеговинских мифологических представлений, ср. сюжеты борьбы человека со свойствами змея-дракона против вредоносных «аль», «ламии», «аждаи» или междоусобную борьбу «здухачей», во время сна превращающихся в драконов, орлов, быков и т. п. Отметим и значительную стертость в настоящее время всех описанных поверий на Карпатах, в меньшей степени — на Балканах.

Литература

- Белова, Виноградова 2010 — Белова О. В., Виноградова Л. Н. Черно-книжник (Из словаря «Славянские древности») // Славяноведение. 2010. № 6. С. 45–48.
- Валенцова 2020 — Валенцова М. М. Словацкая демонология. Краткий очерк // Славяноведение. 2020. № 4. С. 128–148.
- Вашенко 2014 — Вашенко Д. Ю. Этнолингвистические материалы из села Шашка (западная Венгрия) // Карпато-балканский диалект-

- ный ландшафт: Язык и культура. [Вып.] 3: 2012–2014 / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. А. А. Плотникова]. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2014. С. 278–306.
- Калужская 2001 — *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей) / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения, Ин-т языкознания. М.: Индрик, 2001.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Духи атмосферные // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 150–153.
- Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Откуда на Карпатах град берется? // Форум славянских культур, 2009. URL: <https://sklavinyu.ru/proekty/slavyane/levk0409.php> (дата обращения: 06.10.2021).
- Михайлов 1996 — *Михайлов Н. А.* Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 127–141.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования).
- Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013.
- Потушняк 1941 — *Потушняк Ф.* Гад в народном віруваню // Литературна неділя Подкарпатского общества наук. 1941. № 1. С. 102.
- Толстая 2017 — *Толстая М. Н.* Люди и змеи в центральном Закарпатье (по полевым материалам рубежа XX–XXI вв.) // Антропоцентризм в языке и культуре / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Индрик, 2017. (Б-ка Ин-та славяноведения; 19). С. 107–156.
- Bîrlea 1976 — *Bîrlea O.* Mică enciclopedie a poveștilor românești. București, 1976.
- DEL R — *Dicționarul explicative al limbii române / Academia Română, Institutul de Lingvistică din București.* București: Editura Academiei, 1975.
- Franković 1990 — *Franković Đ.* Mítska bíca u Podravskih Hrvata. Narodne predaje // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. № 9. S. 1–195.
- Muşlea, Bîrlea 1970 — *Muşlea I., Bîrlea O.* Tipologia folklorului. Din răspunsurile la chestionarele lui B. P. Haşdeu. București: Minerva, 1970.

Carpathian Parallels to the Balkan Motives of the Air Battle

The report will focus on the Carpathian analogies to the ideas known among the Slavs in the Balkans that a storm, thunderstorm, hail, strong wind is caused by a dragon snake flying in the clouds. Carpathian parallels to this plot are found both among Slavs (Slovaks, Ukrainians) and their neighbors (Romanians, Hungarians). The specifics of the Carpathian cultural area are linked with a number of features that, if found in the Balkans, then only in the northern parts of Slavic regions bordering Hungary and Romania and these are mostly beliefs about the leader who saddles the blind snake-dragon, carrying hail to people. On the contrary, in the Carpathian traditions, there is practically no theme of heroism of the positive defender of fields and lands that is so characteristic for the Eastern Serbian, Macedonian, Montenegrin and Eastern Hercegovinian beliefs. The vocabulary denoting snake-like characters (participants of the air battle) is also consistently considered when studying the topic.

DOI: 10.31168/0459-6.33

О. В. Трефилова (Москва, Россия)

Болгарская диалектология на службе этнолингвистики

Этнолингвистические исследования тесно связаны с лингвогеографией; с одной стороны, в них применяются методы картографирования, а с другой, используются результаты картографирования диалектных явлений. Поэтому не только диалектологические исследования дополняют этнолингвистические, но и этнолингвистические могут верифицировать и дополнять диалектные данные.

Хотя начало лингвогеографических исследований принято связывать с именем Г. Венкера (G. Wenker), присту-

пившего еще в 1876 г. к созданию «Лингвистического атласа Рейнской провинции» (*Sprachatlas der Rheinprovinz*), разработка принципов современного научного лингвистического картографирования связана не в последнюю очередь с именем С. Б. Бернштейна. В конце 1940-х гг. С. Б. Бернштейн со своими учениками обследовал болгарские говоры исторической Бессарабии, опубликовал несколько теоретических статей («Болгарский лингвистический атлас», «Лингвистический атлас болгарских говоров», «Задачи изучения болгарских говоров СССР» и др.), основная их часть перепечатана в книге (Бернштейн 2000). Тогда же, в конце 1940-х гг., С. Б. Бернштейн готовил к изданию и «Атлас болгарских говоров в СССР», который, однако, был опубликован только в 1958 г. (Атлас 1958). Сегодня решение такой задачи, как изучение и картографирование переселенческих говоров, которые смешивались в результате внутреннего переселения болгар из Бессарабии в Приазовье и даже внутри Бессарабии, кажется неосуществимым, если учесть, что в то время не существовало болгарского диалектного атласа метрополии и в самой Болгарии даже велся спор, нужно ли начинать картографировать целиком те или иные явления, если болгарские говоры лишь частично изучены монографически, или же продолжать монографическое изучение отдельных говоров. Бернштейн категорично высказался в пользу начала работы над болгарским диалектным атласом в своей статье «Болгарский лингвистический атлас». В частности, он писал: «Собран был значительный материал, который ждал тщательного и продуманного картографирования. Только отсутствием атласа можно объяснить безрезультатность той оживленной дискуссии по вопросу о классификации восточнoболгарских говоров, которая началась после выхода в свет книги Л. Милетича “Das Ostbulgarische”. Никто из болгарских диалектологов не мог опереться в своих суждениях на точные данные лингвистической географии» (Бернштейн 2000: 17).

В Болгарии С. Б. Бернштейн имел высокий авторитет как диалектолог; неслучайно его экспедиционная работа, направленная на составление «Атласа болгарских говоров в СССР», стала импульсом для подобных исследований болгарских диалектологов, а именно Стойко Стойкова, выдающегося болгарского ученого, сверстника и коллеги С. Б., инициатора составления и ответственного редактора болгарского диалектного атласа¹, руководителя диалектологических экспедиций в Болгарии. В дневнике Бернштейна находим запись от 25 мая 1948 г.: «Получил от С. Стойкова письмо и его новую работу о *яты* в болгарском литературном языке. Интересуется нашей работой над болгарским лингвистическим атласом. Хочет принять участие в нашей работе» (Бернштейн 2002: 124). С. Стойков консультировался с С. Б. и по вопросу составления вопросника, который он разрабатывал с целью сбора материала для болгарского диалектного атласа. 22 янв. 1949 г. С. Б. в своем дневнике записал: «Вчера получил из Болгарии “Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските местни говори”, составленный доцентом Стойковым. Раскрыл его с большим волнением, так как ожидал найти вещи, которые могли бы сильно видоизменить наш вопросник. Но ничего не нашел. Вопросник составлен плохо. В течение февраля напишу для “Бюллетеня [диалектологического сектора Института] русского языка” рецензию на этот вопросник» (Там же: 135). Хотя рецензия не была написана, сотрудничество болгарских и советских ученых продолжилось, и в 1964 г. вышел первый том болгарского диалектного атласа (БДА 1), заслуга составления карт в котором принадлежит и советским ученым, в частности С. Б. Бернштейну.

¹ Было издано 4 тома атласа, обхватывающих всю территорию Болгарии; информация из этих томов была сведена воедино в четырех частях двухтомного «Обобщающего тома» (БДА ОТ).

Как организатору учебного процесса Бернштейну были необходимы и отвечавшие новым лингвистическим задачам учебники. В частности, еще в 1940-е гг. он планировал написать учебник по болгарской диалектологии, однако этот замысел не был осуществлен (такой учебник был написан С. Стойковым и издан в 1962 г.: [Стойков 2002]). Одной из важнейших задач С. Б. считал обучение квалифицированных диалектологов, которые бы отделяли задачи этнографии и фольклористики от задач лингвистического картографирования. Однако, как показало развитие науки во второй половине XX в., методы диалектологии, «очищенной» от этнографии и фольклористики, были взяты на вооружение и успешно применяются в том числе представителями науки, возникшей на стыке лингвистики, фольклористики и этнографии, — этнолингвистики. Будущее науки о языке и культуры — именно за комплексным, этнолингвистическим картографированием.

В 1980-е гг. Н. И. Толстой, младший коллега С. Б. Бернштейна, обосновывает необходимость применения лингвогеографических методов при изучении традиционной духовной культуры, которая сама по себе является диалектной: «...само понятие и явление “диалект” не следует воспринимать как чисто лингвистическое, основанное исключительно на языковой характеристике. Это явление и понятие даже не этнолингвистическое, а лингвокультурологическое, лингвоэтнографическое <...>. Показатели, выделяющие диалект, — языковые, этнографические и фольклорные — нередко выступают рука об руку, создавая разностороннюю диалектную характеристику» (Толстой 1995а: 48).

Картографирование может иметь цели исследовать предмет или явление духовной культуры, а может быть направлено на изучение самой обследованной территории. В первом случае картографируются культурные диалектные термины (в терминах Н. И. Толстого), т. е. термины на-

родной духовной культуры: названия обрядов, праздников, обрядовых действий, предметов и лиц, мифологических персонажей, верований и др. (Толстой 1995в: 22); возможно наложение этнографических и лингвистических карт, при этом карты лингвистические являются вторичными по отношению к картам этнографическим, как вторичен знак по отношению к предмету, который он обозначает (Толстой 1995б: 35). Во втором случае учитывается вся ареальная характеристика исследуемой территории, совокупность «явлений и фактов народной культуры, обнаруживаемых в отдельных крупных и средних ареалах или зонах», диалектное членение этих территорий и то, как соотносятся и взаимодействуют ареалы в историческом, этногенетическом и глоттогенетическом отношении: «Одновременное рассмотрение различных изолиний — изоглосс (линий, выделяющих языковые показатели), изопрагм (линий, относящихся к показателям материальной культуры), изодокс (линий, относящихся к показателям духовной культуры), определение областей наибольшего их сгущения и пучков таких линий в отдельных ареалах славянского мира — яркое свидетельство об исторической судьбе и исторических связях этих ареалов, об исторической преемственности или размытости и смешанности народной культуры, языка и этноса, населяющего исследуемую территорию» (Толстой 1995а: 49).

Ареальное направление этнолингвистики, которое в 1970–1980-е гг. зарождается в работах ее основателей Н. И. и С. М. Толстой, получает свое развитие в современных этнолингвистических исследованиях: в настоящее время большинство этнолингвистических работ снабжено картами, на которых показано распространение тех или иных явлений и терминов народной духовной культуры. Как правило, такие работы посвящены отдельным фрагментам народной духовной культуры, и, соответственно, в них картографируется распространение того или иного термина или

явления. Комплексное исследование целых территорий с точки зрения этногенеза и глоттогенеза в этнолингвистической перспективе — значительно более трудоемкая задача, попыткой такого исследования является работа А. А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» (Плотникова 2004). В этой работе было предложено членение балканославянского ареала на центр и периферию по результатам картографирования фактов языка и народной духовной культуры балканских славян.

Важную часть источников указанной работы составили данные, собранные в этнолингвистических экспедициях в Болгарии сотрудниками Института славяноведения РАН (Е. С. Узенёвой, И. А. Седаковой, в меньшей степени — О. В. Трефиловой). Экспедиции охватывали населенные пункты в разных частях страны; главное преимущество этой экспедиционной работы состояло в том, что собирались факты языка и культуры, характеризующие современное состояние традиции или ее недавнее прошлое, а также в том, что сбор материала осуществлялся по вопроснику, составленному специально для целей этнолингвистического исследования (Плотникова 2009 [1996]).

Подготовка к таким экспедициям начиналась и в идеале должна начинаться с кабинетного ознакомления с местным диалектом и этнографическим обследованием региона (если такое имеется), чтобы исследователь представлял себе, какие явления и термины он может обнаружить. Как уже отмечалось, народная культура столь же диалектна, сколь и язык, поэтому те или иные изолексы будут совпадать с определенными изодоксами. В свою очередь, лексические факты не существуют изолированно от фонетических и морфологических, а принадлежность территории к той или иной диалектной зоне может быть выявлена путем сопоставления и комплексного изучения диалектных языковых и культурных фактов.

Использование результатов лингвистических и этнографических исследований часто необходимо в полевой работе. Одним из важнейших источников в вопросе изучения диалекта является диалектный атлас, работа над которым в Болгарии, как было отмечено, полностью завершена. Каждая научная традиция развивается по-разному. В частности, в Болгарии при наличии диалектного атласа и монографических исследований отдельных говоров отсутствует единый словарь народных говоров. Однако в данный момент его частично компенсирует «Болгарский этимологический словарь» (БЕР), основу которого составил материал диалектной картотеки Института болгарского языка БАН. Для этнолингвистического исследования важно обращение и к этнографическим описаниям. Помимо монографий, посвященных региональным традициям, есть возможность использовать и обобщающие исследования, которые осуществлялись и публиковались целенаправленно Институтом этнографии БАН в серии «Этнографические исследования Болгарии» («Етнографски проучвания на България», 1974–2002). Каждый том серии посвящен народной культуре той или иной этногеографической зоны, на которые традиционно делится Болгария, или, реже, этнографической группе, которая представляет особый интерес для исследователей («Добруджа», «Странджа», «Сакар», «Софийский край», «Ловечский край», «Пиринский край», «Пловдивский край», «Родопы», «Капанцы», «Кариоты»). Имея представление о диалектном членении болгарского языка, даже без картографирования можно понять, что любой том серии представляет в обобщенном виде материальную и духовную народную культуру болгар, которая имеет диалектную основу.

Соответствующие диалектные особенности (на уровне языка и культуры) исследователь отмечает с целью верифицировать их при полевом обследовании выбранной местной традиции. Некоторые обычаи и термины духовной куль-

туры встречаются лишь в определенных ареалах; это знание серьезно облегчает полевую работу. Так, например, нет смысла искать нестинарскую традицию и описывающие ее термины духовной культуры за пределами некоторых сел Юго-Восточной Болгарии; не следует ожидать, что в Северо-Восточной Болгарии отыщется термин *наречници* для обозначения демонов судьбы или традиция на свадьбе сажать на колени невесте ребенка (и, соответственно, термин, обозначающий этого ребенка); в Средней Западной Болгарии не будет фиксироваться обряд и ритуальный персонаж *Еньова буля* и т. п.

Задачи этнолингвистического исследования могут различаться; от целей работы зависит и роль вспомогательных диалектных сведений. Так, очень важна диалектологическая информация при изучении переселенческих традиций, этнолингвистическое обследование которых может, в свою очередь, подтвердить их диалектную принадлежность. Кроме того, предварительное знакомство с диалектной традицией может облегчить коммуникацию исследователя и информанта в ситуации отсутствия литературно-диалектной диглоссии, когда информант не понимает литературного болгарского языка, на котором говорит исследователь. Для бесписьменных переселенческих говоров отсутствие литературно-диалектной диглоссии — обычное явление; диалект функционирует как домашний язык и язык традиционной устной культуры и сосуществует с официальным письменным языком страны (например, для болгар Валахии это ситуация румынско-болгарского двуязычия, сопровождающаяся диглоссией, т. е. функциональным распределением болгарского диалекта и румынского языка, которые употребляются в разных коммуникативных сферах). Уже при предварительном знакомстве с диалектом² можно получить

² Знакомство с говорами валашских болгар облегчает труд Максима Младенова «Болгарские говоры в Румынии» (Младенов 1993).

ценные сведения для анализа традиционной культуры. С одной стороны, наличие диалектного атласа дает возможность подтвердить ареальные характеристики говора изучаемой традиции (особенно в ситуации, когда сведения о переселении не сохранились и стерлись из памяти населения за 200-летний период пребывания в другой стране). С другой стороны, с помощью этих характеристик, сопоставленных с собранными языковыми и культурными данными, можно отделить факты, свойственные исконной архаической традиции, от позднейших наслоений и явлений интерференции. Так, при обследовании болгарской традиции валашского села Бэлень-Сырбь, сопоставляя фонетические, акцентологические, лексические диалектные черты с характеристиками (фонетическими, акцентными, лексическими, семантическими) терминов духовной культуры, мы пришли к выводу о том, что и те и другие свойственны самой восточной части северо-западного ареала Болгарии, откуда предположительно и переселились жители этого села и где локализуется их материнский говор (Трефилова 2019: 149–151 и др.).

Перспективными с точки зрения комплексного изучения (диалектного и этнолингвистического) всё еще остаются переселенческие традиции бессарабских болгар.

К более широким обобщениям можно прийти при этнолингвистическом обследовании населенных пунктов, находящихся в зоне говоров, переходных³ от одних к другим. Так, при обследовании с. Кралев-Дол (Средняя Западная Болгария, окрестности г. Перника) в 2004 г. было установлено, что не только диалект этого села может быть охарактеризован как пограничный (между самоковским, радомирским и западнософийским говорами), но и что село

³ Здесь не имеются в виду так называемые переходные говоры (термин, принятый в болгарской диалектологии для обозначения диалектного континуума Северо-Западной Болгарии и Восточной Сербии).

находится на границе этнолингвистических ареалов, выделенных А. А. Плотниковой (Плотникова 2004: 252–308) и по наличию тех или иных этнолингвистических особенностей и собранной этнокультурной терминологии его традицию можно отнести одновременно к востоку западного южно-славянского ареала и западу восточного, латеральной зоне сербско-болгарского пограничья, северу македонского ареала и частично к южному ареалу (Трефилова 2006: 232–235). Нужно заметить, что во время экспедиции был детально обследован диалект Кралев-Дола, и полученные сведения серьезно скорректировали неточности, обнаруженные на картах «Болгарского диалектного атласа» (Там же: 271, прим. 9–14 и др.).

Диалектный материал помогает и при решении лексикографических задач, а именно задач составления этнолингвистических словарей. Часто такие словари построены по идеографическому принципу и основаны на диалектном материале, сопровождающемся географическими пометами. О том, как болгарская диалектология служит этнолингвистической лексикографии, можно прочесть в настоящем сборнике в материале Марии Китановой «Болгарская этнолингвистическая лексикография в новом тысячелетии» (Китанова 2021).

Литература

- Атлас 1958 — *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В., Зеленина Э. И.* Атлас болгарских говоров в СССР / Ин-т славяноведения Акад. наук СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Ч. 1–2.
- БДА — *Български диалектен атлас / съст. под ръководството на Ст. Стойков.* София: Издателство на БАН, 1964–1981. Т. 1–4.
- БДА ОТ — *Български диалектен атлас. Обобщаващ том.* [Ч.] 1–3: Фонетика. Акцентология. Лексика. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2001; [Ч.] 4: Морфология. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016.
- БЕР — *Български етимологичен речник.* София: Издателство на БАН: Академично издателство «Марин Дринов», 1971–2017–. Т. 1–8–.

- Бернштейн 2000 — *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии / [отв. ред. А. Ф. Журавлев, Г. П. Клепикова]. М.: Индрик, 2000.
- Бернштейн 2002 — *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Ин-т славяноведения РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филолог. фак-т / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2002.
- Китанова 2021 — *Китанова М.* Българската етнолингвистична лексикография през новото хилядолетие // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): тезисы Междунар. науч. конф., Москва, 12–14 окт. 2021 / Ин-т славяноведения РАН; ред. кол.: Е. С. Узенёва (отв. ред.) [и др.]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 202–208.
- Младенов 1993 — *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София: Издателство на БАН, 1993.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования).
- Плотникова 2009 [1996] — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. 2-е изд., испр. и доп. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2009. [1-е изд.: М., 1996].
- Стойков 2002 — *Стойков С.* Българска диалектология / [ред. на 3-то изд. М. Младенов]. 4-то изд., фототипно. София: Академично издателство «Марин Дринов», 2002.
- Толстой 1995а — *Толстой Н. И.* Проблема реконструкции древнеславянской духовной культуры // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / [сост. С. М. Толстая; отв. ред. А. Ф. Журавлев]. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования). С. 41–60.
- Толстой 1995б — *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / [сост. С. М. Толстая; отв. ред. А. Ф. Журавлев]. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования). С. 27–40.
- Толстой 1995в — *Толстой Н. И.* Язык и культура // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / [сост. С. М. Толстая; отв. ред. А. Ф. Журавлев]. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования). С. 15–26.

- Трефилова 2006 — *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная Болгария // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики / [отв. ред. вып. Г. П. Клешикова, А. А. Плотникова]. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2006. С. 228–276.
- Трефилова 2019 — *Трефилова О. В.* Похоронно-поминальная обрядность одного болгарского села в Валахии (Румыния) в этнолингвистической перспективе: ареальный аспект // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Индрик, 2019. (Б-ка Ин-та славяноведения РАН; 21). С. 147–186.

Bulgarian Dialectology in the Service of Ethnolinguistics

Ethnolinguistic studies are closely related to linguogeography. They use mapping methods and the results of mapping dialect phenomena. Therefore, not only dialectological studies complement ethnolinguistic ones, but also ethnolinguistic ones can verify and supplement dialect data. The tasks of ethnolinguistic research differ. The role of auxiliary dialect information depends on the research objectives. Thus, dialectological information is very important in the study of resettlement traditions. In turn, an ethnolinguistic survey of traditional culture in such localities can confirm their dialect affiliation. The presence of a dialect atlas makes it possible to confirm the areal characteristics of the dialect of the studied tradition (especially when information about the resettlement has not been preserved and has been erased from the memory of the population over the 200-year period of stay in another country). Comparing these characteristics with the collected linguistic and cultural data, it is possible to separate the facts peculiar to the primordial archaic tradition from the later layers and interference phenomena. Broader generalizations can be reached in the ethnolinguistic survey of settlements located in the zone of transitional or mixed dialects. Dialect material also helps in solving lexicographic tasks, namely the tasks of compiling ethnolinguistic dictionaries.

А. И. Чиварзина (Москва, Россия)

Цветобозначения в устойчивых сочетаниях со значением благопожелания и проклятия в некоторых балканских языках

Устойчивые словосочетания типа благопожеланий и проклятий демонстрируют наивысшую степень метафоризации цветобозначений: в них цвет упоминается исключительно как символ. Цветобозначение обеспечивает экспрессивность высказыванию. Значимость цветобозначения в таких фразеологизмах или «полуфразеологизмах», по терминологии Н. И. Толстого (Толстой 1995: 24–25), обусловлена не только лингвистическими, но и целым рядом экстралингвистических факторов. Использование того или иного цветобозначения в устойчивом сочетании нельзя считать произвольным. Значение отдельного компонента цельной устойчивой единицы может варьироваться в зависимости от ее функций, но значение самой лексемы (пусть имплицитно) всегда присутствует в контексте фразеологизма (Кульпина 2001: 145).

Тексты проклятий и благопожеланий, которые включают в свой состав цветобозначения, встречаются нечасто по сравнению с другими более распространенными формулами. Наиболее частотны в них обозначения белого и черного. Это объясняется символической нагруженностью двух архаических цветов, которые традиционно находятся в оппозиции друг к другу и входят в синонимичные ряды таких ментальных оппозиций, как «добро — зло», «жизнь — смерть», «счастье — горе» и т. д. В анализируемых фразеологизмах чаще всего используется только одно цветобозначение (только белого или только черного), его антоним является вторым членом оппозиции и противоположностью

благо- или зло-желаемого соответственно: мак. *Bel svet da ne види!* [Чтоб ему белого света не видеть] (ФР); мак. *Da види бело видело!* [Пусть увидит белый свет] (ФР) — пожелание счастья и успехов в жизни; алб. *Qofsh i bardhë!* [Будь счастлив] (букв. «Будь белым») (Fjalor 1980); *Qofsh i bardhë si drita e diellit!* букв. [Будь белым как солнечный свет] (Tirta 2004: 72).

В албанском языке обозначение белого включено в состав понятия *fatbardhë* 'счастливая судьба' (букв. «белая судьба»), понятие 'несчастливая судьба' передается сложным словом с компонентом «черный»: *fatzi* (букв. «черная судьба»). Противопоставление белой и черной судьбы в албанской культуре отражается в текстах обрядовых диалогов в дни, связанные с восприятием начала года, и некоторые другие праздники. Подобные ритуальные диалоги, согласно исследованиям, проводимым на материале славянских языков и культур, функционально заменяют благопожелания (Агапкина, Виноградова 1994: 204): *Уходи, черная судьба! Приходи, белая судьба!* (Иванова 2006: 227); алб. *Ardhtë e bardhë!* [Пусть придет счастливый <день>] (Fjalor 1980).

Балканским народам свойственно характеризовать человека, его честное имя через фразеологическую единицу, включающую компоненты «белый» / «черный» и названия частей тела человека (лицо, щека), которые могут становиться олицетворением его чести («щека / честь»): ю.-серб. *бео ти образ* (РКМ I: 42) / мак. *има бел образ* 'иметь чистую репутацию' (букв. «иметь белую щеку») (ФР), ю.-серб. *обелит образ* 'обелить честь' (РКМ II: 2); мак. *Бело му е лицено, ама црно му е срцено* [У него белое лицо, да черное сердце] (ФР); поговорка ю.-серб. *Црна кава, али бел образ* [Черный кофе, зато белая честь] (ВП: 34) означает, что гостя нужно угостить тем, что имеется. Подобные обороты широко представлены в албанском языке: *me faqe të bardhë* [с чистой репутацией] (букв. «с белой щекой»), *faqja e zezë në kali të bardhë* [с чер-

ной честью да на белом коне] (FF: 278). В албанском языке может упоминаться также «душа»: *me shpirt të bardhë* (букв. «с белой душой») или «сердце»: *me zemër të bardhë* (букв. «с белым сердцем») (FF: 955, 1131). Наличие подобных выражений является примером функционирования не только оппозиции «белый — черный», но и «чистый — нечистый». Типичным благопожеланием является формула, включающая компоненты «щека / честь» и цветообозначение «белый»: мак. *Da ti e бел образот!* [Пусть у тебя будет чистая честь] (букв. «Пусть у тебя будет белым лицо») (ФР); алб. *Paç zemër të bardhë!* [Имей чистое сердце] (букв. «Имей белое сердце») (Fjalor 1980).

В балканославянских языках нет формул со значением угрозы и проклятия, включающих компонент «черный», однако они широко представлены в албанском: алб. *Paç zemër të zezë!* [Имей горестное сердце] (букв. «Имей черное сердце»), *Paç shpirt të zezë!* [Имей несчастную душу] (букв. «Имей черную душу»), *Paç faqe të zezë!* [Имей нечистую честь] (букв. «Имей черную щеку») (Fjalor 1980).

Несмотря на то что существует общая тенденция обозначать белым цветом нечто положительное, доброе, счастливое, встречаются и выражения, связанные с восприятием белого как цвета смерти. Это связано с ассоциациями, закрепленными за погребальными предметами: белый цвет савана, архаические элементы белого траура. При этом непосредственно сам погребальный предмет не называется, а эвфемистически заменяется обозначением цвета, традиционно характерным для него: болг. *под бяло да минеш* [под белым <т. е. в саване, под погребальной пеленой> тебе оказаться] (БРФС: 67); болг. *под бяло да се засмееш* [под белым <под погребальной пеленой> тебе засмеяться] (БРФС: 67).

Как показывает анализ подобных формул на материале балканских языков, обозначения белого и черного в них встречаются наиболее часто: «белый» используется регуляр-

но как в устойчивых сочетаниях со значением проклятия, так и в благопожеланиях, «черный» же по большей части не упоминается в последних. Другие цветообозначения практически не отмечаются в рамках благопожеланий и проклятий. Схожесть формул с использованием цветообозначений в балканославянских языках и в албанском обусловлена тесным межъязыковым и межкультурным взаимодействием балканских народов, несмотря на то что их языки не являются родственными.

Литература

- Агапкина, Виноградова 1994 — *Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.* Благопожелание: Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; [отв. ред. Н. И. Толстой]. М.: Наука, 1994. С. 168–208.
- БРФС — Болгарско-русский фразеологический словарь София: Наука и Искусство; М.: Русский язык, 1974.
- ВП — Враньске пословице. Т. 1 / [прикупно] Хаџи-Тодор Димитријевић. Вранье: Царство осмеха, 2006.
- Иванова 2006 — *Иванова Ю. В.* Албанцы и их соседи = Albanians and their neighbours / [Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. М.: Наука, 2006.
- Кульпина 2001 — *Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностр. яз. МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Московский лицей, 2001.
- РКМ — Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд: Планета, 1932. Св. 1–2.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. (Традиц. дух. культура славян. Соврем. исследования).
- ФР — Фразеолошки речник на македонскиот јазик: во 3 тома. Скопје: Огледало, 2003–2009.
- ФФ — *Thomai J.* Fjalor frazeologjik i gjuhës shqipe. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS te Shqiperise, Instituti i Gjuhesise dhe i Letersise, 1999.
- Fjalor 1980 — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS te Shqiperise, Instituti i Gjuhesise dhe i Letersise, 1980.
- Tirta 2004 — *Tirta M.* Mitologija ndër shqiptarë. Tiranë: Shkenca, 2004.

Color Terms in the Idioms with the Meaning of Blessing and Curse in some Balkan Languages

In the course of convergent development, the peoples living on the Balkan Peninsula significantly influenced each other, borrowing numerous cultural and linguistic phenomena. Thus determined the formation of the Balkan cultural and linguistic landscape. It is interesting to analyse the idioms with the meaning of blessing and curse in the Balkan Slavic languages, in particular in Bulgarian, Macedonian and Serbian, in comparison with the non-Slavic Albanian language. The found correspondences demonstrate a high degree of interlingual and intercultural interaction of these neighboring peoples.

DOI: 10.31168/0459-6.35

К. В. Осипова (Екатеринбург, Россия)

Чай в языке и культуре Русского Севера¹

В докладе на примере русской диалектной лексики, связанной с чаем и чаепитием, прослеживается, как «чужой» для русской культуры продукт и традиция его употребления осваивается народной культурой и берет на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. Обращаясь к говорам Русского Севера — а это, прежде всего, Архангельская, Вологодская области и север Костромской, — мы видим, что на этой территории с чаем связана обширная группа лексики, текстов фольклора, элементов обрядов, верований, запретов, предписаний, этикетных формул и пр. Соответствующие сведения широко представлены в материалах Топонимической экспедиции Ураль-

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ №17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

ского университета, а кроме того, в диалектных словарях и этнографических источниках. Широта этих данных позволяет охарактеризовать народное отношение к чаю: представить локальные особенности его употребления, определить этикетные и социальные функции и пр.

Историко-этимологические источники говорят о том, что слово *чай* пришло в русский язык из севернокитайского *chā* (возможно, через тюркские языки) в середине XVII в. (Багриновский 2020: 1029; Черных 2002: 373). Культурная история чаепития начинается примерно в это время (об истории чая в России см.: Похлебкин 2019; Соколов 2010; Соколов 2012). Главное, что отличает чай от прочих безалкогольных напитков — не собственно его вкусовые качества или питательные свойства, но особая ритуальность, которой окружается питье чая как в элитарной, так и в народной культуре. Ни один другой напиток не становится в той же мере, как и чай, элементом народной этики, не обладает сходным набором социальных функций и параметров для оценки.

Поскольку чай стоил достаточно дорого, его пили преимущественно зажиточные крестьяне и жители городов и сел, расположенных на торговых путях (например, в Каргополе и Мезени). Будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством и воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие, на которые уходят последние крестьянские деньги, ср.: «Напиться чаю два раза в день считается делом каждого крестьянина, хотя он и по миру ходит. Чай он ставит выше даже хлеба» (Грязовецкий уезд) (Тенишев 5/2: 37). Представление о чае как о пищевом излишестве определило его место в народной классификации блюд. В некоторых локальных традициях в посты и постные дни крестьяне отказывались и от чая, поскольку «пить чай есть большой грех». Негативная оценка чая была связана и с его дороговизной и непитательностью: потратив деньги на чай, крестьяне лишали себя сытной пищи, ср. волог. *Чаем сыт не*

будешь, арх. *чай горячий пил, а брюхо холодное* (о бесполезном действии). За любовь к чаю — пустому и непитательному напитку — жителей нескольких районов Архангельской области называли *водохлёбы*: «Тимошенцы — водохлебы, они чаю много пили»; «Нам уж обязательно надо чай — мы ведь водохлебы».

Организация чаепития. Чаепитие на Русском Севере становятся важным звеном в регуляции социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Об этом свидетельствует словообразовательная активность слова *чай* в севернорусских говорах и подробная семантическая детализация лексики, связанной с чаем и чаепитием, ср. костром. *чайничать*, арх., волог. *чаевать* ‘пить чай’, волог., костром. *бочёрничать* ‘пить чай и разговаривать’, арх. *чаёвник* ‘любитель чая’, арх. *чайная гостья* ‘о женщине, пьющей много чая в гостях’ и др. С чаем связаны многие элементы застольного этикета: пьющих чай приветствовали *чай-сахар!* (волог.), *чай да сахар!* (волог., костр.) и др.; эти и другие примеры подтверждают сходство символических функций *чая* и *сахара* и *хлеба-соли*.

Ритуальное угощение чаем нередко строилось подобно угощению спиртными напитками: при чаепитии каждая выпитая чашка могла носить особое название, а ритуальные формулы-приглашения выпить следующую рюмку напоминают уговоры выпить вино, ср.: «Выпей на вторую ногу — хромать не будешь» (волог.). Правила этикета предполагали, что чашка с чаем, как и рюмка вина, выпивается до конца, ср. волог. *пей-пей, да и жопку покажи* (призыв дотить до дна и перевернуть чашку вверх дном). Регламентации касались объема наполнения чашки и предписывали наливать чай до краев (волог. *чай с клиньём* или арх., волог. с *калошами*), иначе жених или невеста будут толстогубыми (арх., костром.). Неполная чашка чая говорила о скупости хозяина («Не дольёшь, так скуп, перельёшь, так глуп»), полная же сулила богатство (арх.).

Качество чая. Среди семантических идеограмм, определяющих качество чая, в севернорусских говорах встречаются «холодный чай» (арх. *мёртвый*, волог. *как покойника целуешь*), «слишком жидкий чай» (волог. *поп (батюшка) ноги мыл*, арх. *Москва и Вологда видать*, арх. *Шенкурск видать*), «слишком крепкий чай» (волог. *(как) дёготь, чай в оглоблю*), «чай без сахара / без закуски» (волог. *пустой чай*, волог. *голая вода*, арх. *чай с дуем*, волог., костром. *с языком*, волог. *с таком*). В семантико-мотивационном отношении эти семантические группы близки наименованиям некачественной, неудачно приготовленной пищи² — подгоревшей, подкисшей пищи, пустых похлебок, неподнявшегося хлеба, пирогов без начинки и пр.

Чай в семейных обрядах. На свадьбе чай входил в основное ритуальное угощение наряду с вином, пивом и хлебом-солью. После того как родители невесты и сваты договаривались о свадьбе, на стол выставляли чай и различные сладости, орехи, пряники и пр.; за чаем начинался разговор о приданом (волог.). По умению невесты разливать чай и угощать гостей — *чашичатъ* (волог.) — на смотринах судили о ее социальных и хозяйственных навыках. Чаем невеста потчевала гостей, приглашенных на девичник, а чай, сахар и другие лакомства в качестве гостинца привозил жених: «Привози ко добрый молодец / Уж ты чаю и сахару, / Уж ты пивушка пьяного / И вина да зеленаго» (Вологодский уезд). Несколько раз в день свадьбы чаем угощали жениха и невесту: чай пили после венчания и утром после свадьбы. В свадебном обряде чай взял на себя некоторые символические функции спиртных напитков: как и пивом, и вином, чаем встречали, чествовали гостей, скрепляли договоренности: этот символический параллелизм чая и вина закрепился, например, в обрядовом термине *чайник* — виночерпий на свадьбе (Устюженский район)

² См. подробнее (Березович, Осипова 2014).

(КСГРС). Обычно совместное употребление чая и спиртных напитков в рамках одного обряда: чай и водку подавали роженице после родов; чаем и водкой угощали священника после крестин (волог.); чаем, пивом и водкой зажиточные крестьяне угощали «помочан» — участников обряда взаимной помощи (волог.).

В фольклоре неудачное, бедное чаепитие символизируют неудачу в любви, ср.: «Чай пила, чашку разбила, / Сахарочик подмочила. / Сахарочек подлитой, — / Мой-от милой занятой» (волог.).

На большей части Русского Севера чай, появившийся у крестьян только в XIX в., был напитком не повседневным, но праздничным, угощение чаем входило в этикетный минимум встречи гостей. Чай отличала особая церемониальность употребления, которая отмечалась и крестьянами. Чай приобрел функции социальной регуляции: служил знаком согласия, договоренности, за чаепитием проверялись социальные навыки и отношения. Чай взял на себя ритуальные функции некоторых напитков (например, вина и пива), а также отдельные символические функции хлеба и хлеба-соли, образовав функционально близкую пару *чай* — *сахар*. Нередко чай противопоставлялся хлебу как пустой и несытный продукт, символ роскоши и излишества.

Литература

- Черных 2002 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002.
- Багриновский 2020 — *Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
- Березович, Осипова 2014 — *Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
- Соколов 2012 — *Соколов И. А.* Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг.: [монография]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2012.

- Соколов 2010 — *Соколов И. А.* Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Похлебкин 2019 — *Похлебкин В. В.* Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019.
- Тенишев 5/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.

Tea in Language and Culture of the Russian North

In the work on the material of vocabulary, as well as rituals, beliefs and folklore of the Russian North, the symbolics and ritual functions of tea and tea drinking in folk culture are reconstructed. The place of tea in the diet, the organization of tea drinking are considered; reveals the parameters by which the quality of tea is assessed and functions of tea in family rituals. Drinking tea in folk culture acquires a special ceremoniality and often performs the functions of social regulation: social skills are tested during tea drinking and social relations are built. In family rituals, tea takes on the symbolic functions of wine and beer, bread and bread and salt, forming a functionally close “tea-sugar” pair. Often, tea is opposed to bread as an empty and non-nutritious product, a symbol of luxury and excess.

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ**

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская (Москва, Россия)

Между Шкловом и Витебском: первое внутримперское еврейско-русское литературно-издательское делание

Летом 1772 г. Австрия, Пруссия и Россия заключили конвенцию о присоединении части земель Речи Посполитой к своим территориям. В результате этого первого совместно разделенного огромного европейского государства к Российской империи отошла компактная пограничная его окраина, именовавшаяся «Белорусией или Белой Россией» (Новый и полный географический словарь Российского государства 1788: 123–125) с населением свыше миллиона человек, среди которых было значительное количество евреев (Анішчанка 1993: 59–68). Последние жили преимущественно в местечках и городах, таких, например, как Шклов, являвшийся в течение нескольких десятилетий одним из крупнейших центров еврейской экономической, религиозной и общекультурной жизни (Цинберг 1928: 17–44; Фельдман 1994: 28–38; Fishman 1995; Фишман 2020).

В 1778 г. императрица Екатерина II даровала Шклов генералу С. Г. Зоричу, стремившемуся приблизить местную жизнь «к уровню столичной» и действительно в течение «его двадцатилетнего владения» кое в чем почти добившегося этого (Соркіна 2010: 221). Впрочем, такое положение не исключало многочисленные раздоры среди местного населения, в том числе в еврейском сообществе, тем более что именно в данный период здесь начал активно распространяться хасидизм. В конце концов и тут, по мнению выдающегося исследователя еврейской духовной жизни С. Л. Цинберга, «рационализм и просвещение, с одной стороны, а мистицизм и религиозное благочестие, с другой, стали непримиримо враждебными лагерями» (Цинберг 1928: 44). Не только ре-

лигиозные споры были причинами жестокой междоусобной вражды — и финансово-экономические неурядицы приводили к самой настоящей междоусобной борьбе еврейских общин, в том числе и шкловской, еще до момента их вхождения в состав народонаселения Российской империи (Шклов 1913). В 1780-е гг. случилась в Шклове еще одна напасть, связанная с производством фальшивых векселей, а затем и распространением фальшивых ассигнаций, что «наводило на гадания о существовании подпольной типографии» (Анищенко 1998: 109). Как бы там ни было, но «прямо или косвенно, во имя своего спасения или по наущению своих господ, <...> евреи оказались в центре вредительского ремесла» (Там же), разбирательство о котором проводилось на правительственном уровне.

Одновременно С. Г. Зорич, испытывавший постоянную нужду в деньгах на свои многочисленные инициативы экономического и культурного плана, спровоцировал острый конфликт с местным населением, в том числе с еврейским, которое стало активно жаловаться на его произвол, в том числе самому императору Павлу I. Реакцией владельца Шклова на эти жалобы явился устроенный им своего рода «еврейский погром» (Соркина 2010: 221), разбирательство причин и последствий которого в конце концов было поручено сенатору Г. Р. Державину. Указ императора от 15 июня 1799 г. гласил: «По дошедшим до нас неоднократно жалобам о самовольных поступках в прекословие законам Нашим, против еврей и прочих в Белорусской губернии обитающих учиненных, происходящих от отставного Генерал-Лейтенанта Зорича, для прекращения сих зловредных беспорядков и для законной защиты всех тех, кои от него Зорича и в делах его от участвующих притеснения потерпели повелеваем в оную Белорусскую губернию от лица Сената Нашего послать Сенатора Державина» (Шильдер 1899: 139).

Г. Р. Державин, командированный по государственным делам в Белоруссию дважды, в 1799 г., а затем 1800 г.

(РНБ. Ф. 247. № 202. Л. 214–247), впервые вступил на белорусскую землю всего лишь через несколько дней после получения им императорского указа и 27 июня 1799 г. был уже в Витебске, а через день в Шклове. «Шкловское дело», как именовал его сам сенатор, оказалось весьма запутанным: «...много я должен буду употребить труда и времени, чтобы представить его в совершенной ясности» (Шильдер 1899: 142). Именно к этому времени, июлю и части августа 1799 г., относится без преувеличения феноменальный творческий контакт между именитым государственным сановником и литератором Г. Р. Державиным, а также местными шкловскими евреями-интеллектуалами, судить о котором позволяет ряд документов, в том числе уникальный печатный текст, созданный совместным трудом двух сторон.

Текст этот набран гражданским шрифтом на четырех листах синеватой грубой бумаги, выпущенной в центральной России в конце XVIII в.:

Примѣчаніе

Предлагаются здѣсь любопытнымъ охотникамъ Россійской Словесности два сочиненія Еврейскія, Рускими словами написанныя и по Руски переведенныя, для сравненія произношеній и звука словъ сихъ двухъ языковъ. — Тонкое ухо может почувствовать и примѣтить преимущество изъ нихъ въ доброгласіи.

Въ Витебскѣ

1799 года (РГБ. МК Витебск-2⁰/99-П. Л. 1.)

Далее следует транслитерированное кириллицей сочинение на иврите:

Ширь Тегило

аль шолымъ

Адунейну гакейсеръ гоадиръ вегахосидъ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

горишаюнь

гамеушель беруссенъ кулемъ.

БЕІОМЪ

Юшевъ адунейну аль кейсь гамлухо
 шору гаіегудимъ есь Гаширь газе
 Беирь Шкловъ имъ колъ гакгилюсь свивсего
 Брусламдъ галвано
 Леадъ
 Аль шимхосомъ веомунъ либомъ
 5557

(РГБ. МК Витебск-2⁰/99-П. Л. 1 об. — 3 об.).

Русский, весьма вольный перевод Г. Р. Державина этого панегирика, написанного шкловскими евреями в 1797 г., помещается вслед за печатным оригиналом на иврите:

Похвальная пѣснь
 при
 возшествіи на престолъ
 Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго,
 Великаго Государя
 Императора
 Всея Россіи Павла Петровича
 Перваго
 воспѣтая
 шкловскими евреями
 и съ ними сопряженнымъ Обществомъ
 въ
 Бѣлоруссіи.
 1797

(РГБ. МК Витебск-2⁰/99-П. Л. 2–4.).

В свое время эти невзрачные, обрезанные в верхнем левом углу листки, скорее всего когда-то вплетенные в некий сборник, были обнаружены при составлении известного «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.», но первоначально никак не связывались с именем Г. Р. Державина (Сводный каталог русской книги 1964: № 5565). Сам он в своих «объяснениях» на собственные со-

чинения, кратко касаясь данной истории, писал, что стихотворное произведение это сочинено «шкловскими евреями в 1797 г.» (Державин 1834: 54). Оно тогда же на иврите и на немецком языке было поднесено ими в Москве Павлу I. Г. Р. Державин указывал, что в своей переводческой работе над совместным изданием он пользовался этими текстами, а также подстрочным переводом «еврейского подлинника» и непосредственными пояснениями шкловских евреев (Сочинения Державина 1865: 266–267; Сочинения Державина 1866: 657).

Практика поднесения еврейским населением панегирических сочинений русским императорам на иврите и немецком языке не была чем-то новым, в 1780-е гг., например, таковые посвящались Екатерине II. А вот издание на иврите, тем более транслитерированное кириллицей, и в русском переводе, да еще такого знатного стихотворца, являлось делом совершенно необыкновенным, настоящим еврейско-русским сотворчеством. Невозможность напечатания русского текста совместного издания в Шклове, скорее всего из-за отсутствия соответствующих шрифтов у местных типографов, деятельность которых, кстати, до сих пор почти совершенно не изучена¹, заставила обратиться за помощью в только что открытую губернскую типографию в Витебске, где, в свою очередь, не было необходимых еврейских шрифтов. Именно в ней, витебской типографии, тогда же были напечатаны сохранившиеся в библиотеке Г. Р. Державина, в отличие от рассматриваемого нами издания, «стихи» в честь сенатора-стихотворца «на прибытие» его «в Белорусский город Витебск». Указана точная дата печатания этих «стихов»: «1799 года июня 30 дня» (Морозова, Шаталина, Егоров 2002: 283–284).

¹ Это особенно заметно при чтении книги Д. Фишмана «Шкловцы: первые российские евреи нового времени» (Фишман 2020).

Есть в нашем издании и еще одна замечательная, дающая возможность множества толкований особенность: публикация транслитерированного кириллицей ивритоязычного 133 псалма, необычайно вольный перевод которого Г. Р. Державиным первоначально носил очень многообещающее заглавие «Мирное общество», а затем «Братское согласие» (Сочинения Державина 1865: 262–263).

Архивные источники

РНБ Ф. 247. № 202 — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 247. № 202. Л. 214–247 («Дело по белорусской ревизии»).

РГБ МК Витебск-2⁰/99-П — Российская государственная библиотека. МК Витебск-2⁰/99-П. Л. 1; 1 об. — 3 об.; 2–4.

Литература

Анищенко 1998 — *Анищенко Е. К.* Черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II. Минск: АРТИ-ФЕКС, 1998.

Анішчанка 1993 — *Анішчанка Я. К.* Яўрэй ўсходняй Беларусі ў канцы XVIII ст. паводле ўрадавага ўліку (крыніцазнаўчыя аспекты) // *Весці АН Беларусі. Сер. гум. навук.* 1993. № 4. С. 59–68.

Державин 1834 — *Державин Г. Р.* Объяснения на сочинения Державина. СПб.: типография Александра Смирдина, 1834.

Морозова, Шаталина, Егоров 2002 — *Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 235–287.

Новый и полный географический словарь Российского государства 1788 — Новый и полный географический словарь Российского государства. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1788. Ч. 1.

Сводный каталог русской книги 1964 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М.: Книга, 1964. Т. 2.

Соркіна 2010 — *Соркіна І.* Мястэчка Беларусі ў канцы XVIII — першай паловы XIX ст. Вільня: Еўрапейскі гуманітарны універсітэт, 2010.

Сочинения Державина 1865 — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Императорская Академия наук, 1865. Т. 2.

- Сочинения Державина 1866 — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Императорская Академия наук, 1866. Т. 3.
- Фельдман 1994 — *Фельдман Д.* Из истории шкловских евреев (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 28–38.
- Фишман 2020 — *Фишман Д.* Шкловцы: первые российские евреи нового времени. М.: Книжники, 2020.
- Цинберг 1928 — *Цинберг С.* Шклов и его «просветители» конца XVIII века // Еврейская старина. Л., 1928. Т. 12. С. 17–44.
- Шильдер 1899 — *Шильдер Н. К.* К истории шкловской командировки Г. Р. Державина в 1799 году // Вестник всемирной истории. СПб., 1899. Декабрь, № 1. С. 138–145.
- Шклов 1913 — Шклов // Еврейская энциклопедия. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1913. Т. 16. Стб. 44–45.
- Fishman 1995 — *Fishman D.* Russia's first modern Jews: the Jews of Shklov. New York; London: New York University Press, 1995.

Between Shklov and Vitebsk: the First Intra-imperial Jewish-Russian Literary and Publishing Work

The authors present and analyze the phenomenal fact of the joint literary and publishing work of the famous Russian writer Senator G. Derzhavin and a group of Jewish intellectuals, which took place in the summer of 1799 in the town of Shklov.

DOI: 10.31168/0459-6.37

Т. В. Медведева (Москва, Россия)

Франтишек Иезбера в кругу русских славистов

Чешский славист Франтишек Ян Иезбера (Jezbera, Iezbera) (1829–1901), известный в России как Федор Иванович, с вариациями написания фамилии от Езбера / Ёзбера

до Эзбера, — фигура малоизученная в отечественном славяноведении. Два некролога коллег-славистов (Грот 1901; Райский 1902) и словарная статья в справочнике «Славяноведение в дореволюционной России» (Цамутали 1979) составляют всю посвященную ему историографию, не считая нескольких кратких упоминаний в современной литературе по истории науки середины XIX в. (Лаштева 2005; Птицын 2016). Тогда как Федор Иванович Иезбера заслуживает более пристального внимания не только как ученый и педагог, но и как общественный деятель, имевший множество связей в России.

Ученик В. Ганки, преподаватель чешского, русского и сербского языков в Праге, много путешествовавший по России в 1860-е гг., а затем принявший российское подданство и занявший место преподавателя в Варшавском университете, он имел широкий круг друзей и знакомых среди русских славистов разных направлений, взглядов и масштаба деятельности, вступал с ними в дискуссии, обменивался планами, идеями и делился впечатлениями о жизни в России. Его инициатива по изданию «всеславянской» газеты «Словенин» (1862–1864) вызвала интерес многих российских деятелей, а идеи введения для славян единой азбуки (кириллицы) и общего литературного языка находили сочувствие в России.

Сохранившаяся в архивах переписка Ф. Иезберы характеризует его широкие связи в русском образованном обществе и взаимоотношения с отечественными славистами. Письма хранятся главным образом в двух хранилищах Санкт-Петербурга: в личном фонде Ф. Иезберы в Рукописном отделе Пушкинского дома (Ф. 118) и в коллекциях Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 608, 1000). Почти все они не опубликованы. Одно из двух посланий Иезберы протоиерею М. Ф. Раевскому было подготовлено к публикации силами сотрудников Института

славяноведения РАН в 1970-е гг., но издано в Чехии фрагментарно только в 2006 г. (*Cesty na východ 2006: 107*)¹. Вся эта корреспонденция представляет интерес как для истории славяноведения, так и для понимания настроений, царивших в 1860-е гг. в русском обществе, пропитанном идеями славянского единения. Большинство писем сочетают в себе черты дружеской и деловой переписки, затрагивая широкий круг вопросов — от богатых путевых впечатлений и хлопот об устройстве близких до принципиальных вопросов славистики.

Писем чешского ученого, направленных в Россию, сохранилось меньше, чем писем, полученных им, однако те, что доступны в архивах, имеют в большинстве своем «программный» характер и содержат заявления по ряду спорных вопросов общественной жизни 1860-х гг.

Наиболее известны письма Ф. Иезберы, адресованные протоиерею Михаилу Федоровичу Раевскому (1863 и 1871 гг. ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3450). Первоначально Иезберу с самой лучшей стороны рекомендовал Раевскому А. Ф. Гильфердинг как «преемника ганкиной деятельности между чехами, неутомимого борца за церковно-славянский язык и русскую азбуку» (Лаптева 2005: 288–289). В 1863 г. Иезбера уже лично пересылал Раевскому свою брошюру «Русские, сербы, поляки, чехи и другие славяне», содержащую критику чешских деятелей, поддержавших польское восстание, и подробно пояснял свою позицию по этому вопросу.

Большое письмо Иезберы к историку Владимиру Ивановичу Ламанскому, написанное в конце 1865 г. (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 976), рассказывает о перипетиях поездки по России, предпринятой при содействии семьи Кошелевых, и планах, которые Федор Иванович надеялся реализовать

¹ Благодарю С. И. Данченко и К. В. Мельчакову за сообщение сведений об археографической судьбе этого письма.

по возвращении в Чехию. Среди последних было составление коллекции произведений печати, которая должна была познакомить соотечественников с жизнью современной России, — в работе над коллекцией Иезбера надеялся на помощь Ламанского.

Наибольшее количество писем, адресованных Иезбере, сохранилось в архивах за 1860-е гг., причем с самого начала десятилетия. Например, интересны дружеские письма историка Викентия Васильевича Макушева к «любезнейшему Федору Ивановичу»: одно из них, начала 1862 г., написано из поездки по Европе («Прага милее Флоренции и чехи лучше итальянцев», — замечает Макушев). Кроме впечатлений об «энергической» деятельности Дж. Гарибальди и Дж. Мадзини в Италии письмо содержит пересказ дискуссии о древности глаголицы и кириллицы, обсуждение свежей публикации И. С. Аксакова о бесправном положении чехов в России и сообщение об имени Иезберы в герценовском «Колоколе». Публикация письма из Праги в «Колоколе» в феврале 1862 г. была сделана без ведома автора и имела для Иезберы нежелательные последствия. Макушев предлагал Иезбере опубликовать и его собственное мнение насчет кириллицы и глаголицы в одном из русских журналов, чтобы познакомить русскую публику с именем и взглядами чешского автора. Позже Макушев много писал Иезбере в 1870-е гг., обсуждая текущие славянские вопросы и делясь размышлениями (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1483; РО ИРЛИ. Ф. 118. Д. 22).

Вопросы первенства кириллицы либо глаголицы поднимает в своих письмах к Иезбере и Александр Федорович Гильфердинг, направляя чешскому коллеге свою статью об этом, написанную для газеты «День». Он надеялся увидеть ее изданной на чешском или немецком языке для ознакомления западных славян с позицией русского автора. Кроме того, в 1862 г. он рекомендовал Иезбере двух русских пу-

тешественников, интересующихся вопросами славистики и направляющимися в Прагу: молодого историка Николая Петровича Барсова и Ольгу Федоровну Кошелеву, супругу славянофила А. И. Кошелева (РО ИРЛИ. Ф. 118. Д. 10).

Сохранившиеся письма слависта Петра Алексеевича Лавровского за 1862–1866 гг. представляют отношения двух ученых до того, как по инициативе Лавровского Иезбера был определен на службу в Варшавский университет и принял российское подданство (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1290; РО ИРЛИ. Ф. 118. Д. 18). Лавровский помогал в сборе денег на издание «Словенина», но без особого успеха. А кроме того, он делился в переписке взглядами на кириллицу и глаголицу, пересылая в Прагу свое сочинение «Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современной им историей церковных несогласий между Востоком и Западом». Лавровский понимал, что в среде католических ученых эта работа вызовет много возражений и обсуждал возможные опровержения с пражским коллегой. Позже Лавровский много дискутировал с Федором Ивановичем о позиции чехов по отношению к России и настаивал в одном из писем: «Относительно мненья Вашего, будто западные славяне не виноваты в своих отношениях к России и во взглядах на нее — позвольте мне не согласиться. Западные славяне, и именно Чехи виноваты, во-первых, потому что, совершенно не зная России, позволяют себе ругать и клеветать на нее <...> во-вторых, <...> готовы смотреть и на Россию, как на государство, не имеющее других задач, кроме кокетничанья с Славянами» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1290. Л. 1–2).

Через посредство П. А. Лавровского отставной профессор-юрист из Харькова Иван Васильевич Платонов, не будучи знаком с Иезберой лично, посылал ему в 1863 г. свою работу о Кирилле и Мефодии, «разделяя любовь к славянскому слову и делу». Выдержки из работы И. В. Платонова были

вскоре опубликованы в № 3 «Словенина» в переводе на чешский язык. При этом Платонов считал необходимым предложить чешскому ученому несколько советов относительно издания «Словенина», а именно: размещение русских статей с переводом на славянские языки и, наоборот, статей на славянских языках в переводах на русский (чтобы «мы, русские, знакомились бы исподволь со всеми славянскими наречиями и... узнавали бы русский язык»). Платонов видел несколько подобных публикаций в «Словенине», но настаивал на необходимости расширения этой практики. Он также предлагал новые разделы для газеты и варианты более энергичной рекламы издания в текущей российской периодике (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1948).

К изданию «Словенина» не остался равнодушен и С. П. Шевырев, писавший Иезбере в 1862 г. из Парижа о готовности сотрудничать, помогать с распространением газеты и о круге возможных подписчиков (среди которых называл прот. И. В. Васильева и кн. Ю. Н. Голицына). Шевырев предлагал для газеты свою статью «О русских пословицах, сказках и песнях», однако в «Словенине» она так и не появилась (Шевырев 1910).

О глубоких человеческих отношениях двух ученых свидетельствует обширная переписка Иезберы с филологом-полонистом Петром Павловичем Дубровским, длившаяся более 10 лет (1865–1878 гг. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 826). «Любезнейший кум и душевно уважаемый мною Федор Иванович», — неизменно начинал Дубровский свои письма. Петр Павлович сожалел о невозможности скорого издания путевых записок Иезберы, поддерживал чешского коллегу и делился своими учеными изысканиями. Например, в феврале 1865 г. он обсуждал с Федором Ивановичем свою большую статью о Ф. Л. Ригере как о «политическом и народном деятеле», соглашаясь отчасти с критическими взглядами Иезберы на деятельность Ригера.

Среди писем Иезбере 1870-х — начала 1880-х гг. есть корреспонденция от тех, с кем его связывал Варшавский университет. Например, с большой теплотой пишет в 1876 г. Федору Ивановичу бывший ученик, молодой историк Арсений Иванович Маркевич, обративший на себя внимание студенческой работой о Юрии Крижаниче (РО ИРЛИ. Ф. 118. Д. 23).

В середине 1870-х гг. к Ф. Иезбере из ученых поездок по России много писал филолог и диалектолог Митрофан Алексеевич Колосов, коллега по Варшавскому университету, делившийся путевыми впечатлениями и размышлениями по текущим научным вопросам (РО ИРЛИ. Ф. 118. Д. 23).

Молодой славист Владимир Васильевич Качановский, вернувшийся из заграничной поездки, обсуждал с Федором Ивановичем в 1881–1882 гг. свою диссертацию «Неизданный дубровницкий поэт Антон Глегевич» с образцами дубровницкаго письма и языка, а кроме того, добавлял: «Иван Петрович Корнилов с великой похвалой отозвался о каталоге Вашего славянского музея. Нельзя ли мне получить один экземпляр» (Там же. Д. 12. Л. 3). Этнографический музей при Варшавском университете был в те годы главным детищем чешского ученого.

Среди десятков посланий единомышленников, коллег и учеников сохранились короткие письма к Иезбре И. С. Аксакова, Н. А. Андреева, А. А. Котляревского, В. И. Даля (последний поддерживал чешского деятеля во взглядах на польское восстание 1863 г.).

Круг вопросов, поднятый в переписке Ф. Иезберы, дополняет представления о дискуссиях 1860-х гг. по вопросам славянского единения и истории славянской письменности, о механизмах, способствовавших или препятствовавших развитию отечественной славистики, а также о личных отношениях ученых, живших и работавших в середине XIX в. в России и Чехии.

Архивы

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Пушкинского дома (Института русской литературы РАН), г. Санкт-Петербург.

Литература

Грот 1901 — *Грот К. Я.* Подвижник идеи всеславянского братства // Новое время: Иллюстрированное приложение. № 9227. 10 (23) ноября 1901. С. 6–7.

Лаптева 2005 — *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.

Птицын 2016 — *Птицын А. Н.* Чешские преподаватели Варшавского университета в последней трети XIX века // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 56–69.

Райский 1902 — *Райский Д. П.* Федор Иванович Иезбера и его «Всероссийский музей». СПб.: тип. Главного управления уделов, 1902.

Цамутали 1979 — *Цамутали А. Н.* Иезбера Ф. // Славяноведение в до-революционной России. Биографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 165–166.

Шевырев 1910 — Письмо С. П. Шевырева к Ф. И. Иезбере / подг. В. А. Францевым // Русская старина. Т. 142. 1910. Июнь. С. 633–634.

Cesty na východ 2006 — *Cesty na východ: Češi v korespondenci M. F. Rajevského* / ed. Vratislav Doubek. Praha: Masarykův ústav — Archiv AV ČR, 2006.

F. Jezbera and the Russian Slavists

The article is devoted to the relations of the Czech philologist F. Jezbera in Russia in the 1860–1880s and it is based on archival materials. Among the correspondents of Jezbera were such figures as A. F. Gilferding, M. F. Rayevsky, V. V. Makushev, P. A. Lavrovsky, I. S. Aksakov. The correspondence discusses the history of Slavic languages, the attitude of the Czechs to Russia and the publication of the newspaper “Slovenin” in the 1860s.

А. В. Амелина (Москва, Россия)

Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика либерально-демократического крыла (журнал «Розправы Авентина»)

1920-е годы для Чехии стали «золотым веком»: обретение национальной независимости вызвало взрыв в культуре, возникло множество новых культурных течений. В политической жизни тоже наблюдался значительный плюрализм, который в свою очередь сильно влиял на культуру. Она стала очень политизированной, периодические издания, и литературные журналы в частности, отстаивали принципы того или иного идеологического направления, в связи с чем художественные явления могли трактоваться диаметрально противоположно. Поэтому продуктивно изучать восприятие русской литературы в эту эпоху нам позволяет дифференцирование источников в соответствии с их политической ориентацией. Такой подход показывает, с одной стороны, многообразие и противоречивость чешской культурной жизни, с другой — многогранность русских писателей, чье творчество попадает на чешскую почву. В данном докладе мы отразим рецепцию русской литературы изданием либерально-демократического крыла «Розправы Авентина» («Rozpravu Aventina») и постараемся наметить перспективы сравнения результатов с уже изученным нами левым блоком чешской культуры.

«Розправы Авентина» (1925–1934) — журнал о культуре, публиковавшийся издательством Авентинум, миссией которого было знакомство читателя с авторами: там выходили биографии, интервью, воспоминания и комментарии писателей к собственным произведениям, карикатуры (в том числе Й. Чапека) и фото, а также освещались культурные события Чехии и Европы. Сначала журнал выходил раз в две неде-

ли, а с 1928 г. — раз в неделю, постепенно материалы становились всё богаче и разнообразнее. Само издательство Авентинум было основано в 1919 г., тогда Отакар Шторх-Мариен познакомился с братьями Чапеками и заполучил их в качестве своих главных авторов вместе с другими членами их семьи (например, их сестра Гелена и К. Шайнпфлюг, свекр Карела, тоже у них публиковались). Включая их произведения к 1925 г. там было издано 100 томов. Вторая половина 1920-х гг. стала золотой порой Авентинума — помимо упомянутого журнала и других периодических изданий были открыты книжный магазин и Авентинская мансарда, где проходили выставки и культурные вечера, — этот зал стал важным пражским культурным центром. Однако в начале 1930-х гг., в частности в связи с экономическим кризисом, у издательства возникли финансовые трудности, ситуация ухудшилась с уходом братьев Чапек из-за утайки от них части проданных тиражей. В 1932 г. издательство прекратило свою работу (позже оно открылось еще раз и функционировало с 1945 по 1949 г.).

Среди постоянных критиков журнала были основатель издательства Шторх-Мариен, а также Иржи Карасек из Львовиц, Карел Чапек и др. Материалы о русской литературе писали в первую очередь Надежда Филаретовна Мельникова-Папуошкова (фольклорист и переводчик русского происхождения, жена Я. Папуошека — секретаря Т. Г. Масарика) и ее близкий друг, редактор, журналист и переводчик с русского Вацлав Кёниг, а также Франтишек Кубка (журналист националистического толка, переводчик, дипломат, член группы «пятничников» К. Чапека). Несмотря на определенную идейную направленность издания, редакция проявляла терпимость к своим идеологическим оппонентам: например, о С. А. Есенине там была опубликована статья Л. Троцкого, также там печатались материалы яркого в то время коммуниста Иржи Вайля.

Центральной фигурой современной русской литературы в «Розправах Авентина» и по количеству публикаций, и по восторженности отзывов был И. Г. Эренбург. В рецензии (Noví Rusové 1925: 10) Кубки на вышедшую в серии «Новые русские» Авентинума повесть Лидина «Морской сквозняк» утверждается, что Эренбург и Лидин — европейские люди, культурно близкие западу и русскому футуризму. По мнению автора, у них революция лишь фон, база для приключений и утопий, а Запад они ненавидят от всего сердца; они бродят по экзотическим странам или по большим городам, их родина — Берлин, Париж, Нью-Йорк, куда они приходят с медвежьей тяжелой поступью нового советского гражданина; они высмеивают все — и свою революцию тоже, русско-го в них остался нигилизм, мистицизм материи и жестокая гримаса всему миру, аморальность — их новая этика, журналистский слог — их естественный язык. Позже в статье «Илья Эренбург» Кубка продолжил свою мысль. Критик убежден, что писатель стал посредником и переводчиком русской революции и литературы о ней в Европе и первым автором-космополитом в России, его проза всегда имеет «экспортный» характер и могла бы быть написана на любом западном языке, а семитское происхождение обеспечивает высший уровень интеллектуального юмора; Кубка считает, что каждое произведение Эренбурга — сенсация и что он является современным представителем русского карамазничества, яро националистически воспевая страдающую Русь и молясь за нее православными антифониями, он перенял и развил мотивы, которые обессмертил Блок и которые воплотились в страстных криках духовного экстаза Белого; «типы, которых создал Эренбург, Пильняк, Вс. Иванов, Никитин и Маяковский, взяв из реальности, имеют жуткое сходство со страстными мечтателями и бесами угасающего Средневековья, <...> разве удивительно, что и Эренбург, и Маяковский, и вся остальная революционная литература одурманена хилиастическими видениями и предчувствием

Антихриста? <...> Именно Эренбургу было дано описать эпоху кровавого революционного действия в мировом масштабе» (Kubka 1925: 19). Очевидно, для редакции очень были важны, с одной стороны, «экспортность и западность» этого писателя, а с другой — продолжение им традиций классической русской литературы, в особенности Ф. М. Достоевского. В левых изданиях Эренбург в лучшем случае игнорировался, единично появлялись отрицательные отклики, хотя, например, в «Руде право» признавали его чрезвычайную популярность.

Похожим образом ситуация складывалась и с С. А. Есениным. Поэт уже тогда был очень популярен в Чехии, в «Роз-правах Авентина» его воспринимали как носителя русских традиций, которого уничтожила революция. В рецензии на чешский сборник «Другая земля» критик пишет, что свою хаотическую и беспокойную натуру поэт не сумел вписать в строгий пореволюционный порядок, его мелодичный стих и измученное сердце не соответствовали эпохе, его революционная форма разбилась об осколки всех общественных традиций; он был самым крупным русским поэтом, причем именно поэтом, а не агитатором, распад империи застал Есенина врасплох, он стал пить: «Взрыв основ, ненависть и революционный хаос в своих эпических импровизациях он выразил так внушительно, что они звучат громче, чем ряд ученых докладов о сути и истоках русской революции» (Fraenkl 1927: 143). В левых же изданиях Есенин преподносился как певец революции, внутренний мир которого был слишком хрупок для установленных ею порядков.

Полемику на страницах журнала вызвал Е. И. Замятин. К выходу в издательстве романа «Мы» была опубликована статья Мельниковой-Папоушковой о писателе, где она пишет, что тот до мозга костей русский и в то же время он настоящий европеец, в нем ошутимы два влияния — глубинной Руси и солидной Англии, и ему удалось соединить русский тип с английской мужской элегантностью; с художественной точки зрения его творчество находится между Лесковым

и Диккенсом, в «Мь» он показывает русскую реальность как в кривом зеркале, предсказывая, во что может превратиться коммунизм (Melniková-Papoušková 1927). Вскоре после выхода этой статьи в «Розправах Авентина» было опубликовано письмо (Weil 1927: 35) в редакцию Вайля, где он опроверг такую характеристику писателя, утверждая, что Замятин не выступал против революции и советской власти и активно боролся против царизма, и отмечая, что он был не обычным писателем-эмигрантом, прятавшимся в теплом комфорте Европы, а советским писателем, которого публикуют в СССР. В свою очередь, в рецензии на роман «Мь» в «Руде право» Замятина восхваляли за высмеивание Англии и отрицание ее «системы эксплуатации» (Fučík 1927: 6), тем самым левое крыло пыталось «перетянуть» писателя на свою сторону.

В. В. Маяковский в левых изданиях был главным русским поэтом, да и в целом автором, пожалуй, тоже. А в «Розправах Авентина» рецензия Шторх-Мариена на чешский перевод «150 000 000» Маяковского была достаточно жесткой: «Нельзя сравнивать Маяковского с Блоком. Блок — поэт религиозного вдохновения, а Маяковский — тенденциозный риторик и партийный крикун. Он неприятен безвкусной напыщенностью, <...> однако он интересен чувством динамичности стиха и слова, ритма, что показано переводом Матезиуса. Его революционная поэзия надута содержанием, как воздушный шарик, рано или поздно он лопнет и упадет, а данная поэма показывает, что это случится скоро. Некоторые пассажи бурлят решительными потоками свежих толп со сжатыми кулаками, но это не спасает художественно низкопробные и содержательно неудачные главы <...> — даже ненависть имеет свои, пусть и художественные границы. В остальном он не отличается от блюющего пса» (Štorch-Marien 1925: 26).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что либерально-демократическое крыло в лице его яркого представителя — журнала «Розправы Авентина», с одной

стороны, имело «своих» русских авторов, которых игнорировали политические оппоненты и которые отбирались по принципу их культурной близости чехам («европейскости») и имманентной непринадлежности к большевикам вкупе с продолжением традиций классической русской литературы; с другой стороны, писателям из идейно противоположного лагеря давалась отрицательная оценка или их вовсе не замечали. Кроме того, были неоднозначные русские писатели, которым разные политические лагеря приписывали свои взгляды, пытаясь тем самым записать их в свой актив.

Литература

- Fraenkl 1927 — *P. F. [P. Fraenkl]* S. Jesenin: Jiná země // *Rozpravy Aventina*. Ročník 2/1926–1927. Č. 12. 03.03.1927. S. 143.
- Fučík 1927 — *-jef- [J. Fučík]*. Zamjatin: My // *Rudé právo*. Č. 232. 30.07.1927. S. 6.
- Kubka 1925 — *Kubka F.* Пја Erenburg // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Číslo 2. 15.10.1925. S. 19.
- Melníková-Papoušková 1927 — *Melníková-Papoušková N. E. I.* Zamjatin // *Rozpravy Aventina*. Roč. 3. 1927–1928. Č. 1. 09.1927. S. 9.
- Noví Rusové 1925 — *Noví Rusové* // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Č. 1. 15.09.1925. S. 10.
- Štorch-Marien 1925 — *Štorch-Marien O.* VI. Majakovskij: 150,000.000 // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Č. 2. 15.10.1925. S. 26.
- Weil 1927 — *Zasláno [J. Weil. Dopis]* // *Rozpravy Aventina*. Roč. 3. 1927–1928. Č. 3. 27.10.1927. S. 35.

Russian Writers in the Czech Environment in the 1920s: the Period of the Liberal-democratic Political Wing (*Rozpravy Aventina Magazine*)

The article examines the perception of Russian literature by the Czech literary criticism of the liberal-democratic political orientation from the magazine *Rozpravy aventina* in the 1920s. For this ideological direction, the selection of authors of modern Russian literature was made according to the criteria of closeness to European culture and the continuation of the traditions of Russian classics

(I. Erenburg), while writers from the ideologically opposite camp were given a negative assessment or were not noticed at all (V. Mayakovsky). Some writers, in turn, were “torn apart” by the opposing camps, attributing their views to them (S. Yesenin, Y. Zamyatin).

DOI: 10.31168/0459-6.39

Э. Тарабурка (Кишинев, Молдова)

Имплицитна и експлицитна история в творчеството на Йордан Радичков и Йон Друца

Й. Радичков, както и Й. Друца, се нареждат сред най-емблематичните фигури в литературното пространство на България и Молдова. Опитът да се анализира в сравнителен план творчеството им е интересен по няколко причини. Дватама писатели произхождат от народи, които в общи линии са преминавали един и същи исторически път от древността до днес. Творчеството им предлага възможност да се проследи индивидуалният подход, по който едни и същи изменения в социалната среда и в психологията на хората от различни страни са възприети и възпроизведени с помощта на специфични литературни средства.

Както Радичковият, така и Друцевият човек актуализира в чувствителността и поведението си филогенетическите кодове на рода и представлява един постоянно повтарящ се архетип; не е нито единичен, нито самостоятелен, а принадлежи към по-голяма цялост — селячеството. Литературният им герой (Радичковият в по-голяма степен, отколкото Друцевият), надхвърляйки конкретните си координати, е по-скоро «експериментален материал» (Добрев 1993: 97) с безкрайна редица проекции.

Радичковият текст доказва стремежа към откъсване от конкретни исторически парадигми и локализиране в някакво извънисторично, без конкретно очертани идеологически,

социални и политически граници време. Това по-скоро е предисторическият, митологичният, сакралният етап в развитието на човешкото съзнание — духовен свят, безкрайно по-богат от затворения кръг на историческия момент. Отърсвайки се от идеологемите на конкретното време, подобно съществуване е качествено различно от линейното и необратимо движение на съвременността, по-богато е и попълноценно, има способността да се уголемява и намалява, това е изначален, почитащ първоизворите си свят, един самовъзпроизвеждащ се до безкрая макрокосмос. Ако разгледаме творчеството му като единно цяло, литературният му свят е сякаш едновременно в историята и вън от историята, е конкретно фиксиран в координатите на историческото време и е универсализиран, реализирайки се в рамките на вечното. Тази двойственост обаче не бива да се възприема като противоречие. Тя е доказателство за амбивалентния характер във възприемането на хода на времето и за многоизмерността (постмодерността) на самото време.

В контекста на Друцевото творчество още може да се говори за история, докато у Радичков това е вече историософия. Друца е по-близък до социално-историческия модел на времето, докато Радичков — до онтологическия, опитвайки се да проследи архетипни закономерности, повтарящи се психо- и поведенчески характеристики.

Двамата писатели, взимайки за основа материал от съвременната действителност, използват различни препратки, намеци, аналогии, символи с цел да обхванат образи и идеи от най-далечното минало. В романа си «Бялата черква» чрез няколко ескиза молдовският автор набелязва основните моменти от преминаването през историята на онези, които някога са населявали бреговете на стария Днестър: за няколко кратки мигновения на космическото време тази земя е подслонила древната Дакия, покорена и асимилирана по-късно от Римската империя, която е била смачкана след векове от други, по-млади, дошли да заемат мястото и.

Молдовската история притежава многобройни страници, които, благодарение на символичното им значение, с течение на времето са придобили значението на легенди. Героите им са реални исторически личности, но случката може да е била само плод на въображението, домислена по-късно в съответствие с логиката на времето. Й. Друца понякога ги вмъква в тъканта на повестуването си с цел да събере в едно цяло нишките на миналото и сегашното, да акцентира приемствеността им, силата и значението на първите в изграждането на съвременни понятия. Подобна легенда се пресъздава в историята за каприянската Камбанария. Писателят я използва в новелата «С дъх на зряла дюля» и в пиесата «Хория», разказвайки, как е бил поставен фундаментът на едно от най-древните молдовски села, споменавани още в старинните летописи.

И да не изпраца конкретни сонди в древната история, Радичковият литературен герой също съществува чрез нея; представлява органична сплав от минало и настояще, носи в ритъма на своята кръв и древния полъх на препускащото Аспарухово войнство, и уседналостта на славянството, и реалните знаци на днешното време. Многозначителна в това отношение е историята на родното му село. В новелата «Спомени за коне» героят-повествовател я проследява от началото до самия му край. Както сочат разкопките, тя започва още през четвърти век преди Христа. Тук са живели римляни и номади, богомили и турци. След Освобождението, когато последните са се изселили, по тези места са дошли хора от Западните покрайнини, от Македония, от Чипровския балкан и от Руй планина. Така тази педя земя е концентрирала в себе си историята на цяла България. Както посочва писателят, в пазвата ѝ са скрити «едно римско, две турски и едно християнско гробище» (Радичков 1978: 188).

Според Радичковото виждане, ако се направи един символичен разрез в дъното на земята, тя ще разкрие, пласт по пласт, цялата си история. Както в разказа «Маневри»,

в който едно войниче се окопава под горещото слънце и си измисля въображаеми спътници, които го връщат последователно назад в историята, преоткривайки основните знаци на преминаването на рода му през времето. Първи се появяват баща му и дядо му. И те са се окопавали по тези земи, по време на Първата и Втората световни войни. За това говори старата бакърена гилза, загубена още тогава и намерена едва днес. Колкото по-дълбоко копае той, толкова по-дълбоко се разплита нишката на неговата собствена история. Сигнал е вече до Симеоновото и Калояновото време. Знакът за този период е една почти изядена от ръждата конска подкова. Така се стига до самата Аспарухова конница. Нейният знак са знамената от конски опашки — единствени подобни в човешката история. Това копаене в недрата на земята все повече заприличва на търсене на извора на живата вода за българската виталност.

По този начин Радичков прави свидетел и пазител на най-древните пластове в българската история не преданията и легендите, както е при Друца, а самата земя, запазила в недрата си истински реликви от минали времена: ръждясали гилзи или подкови, стари гробове, златни монети и накити, спечени римски тухли или камъни с непознатата писменост. Всички те изграждат пъстрата палитра на българската история, разказват за войнствени конници, за римски императори и турски султани, за господари и роби, за езичници, мюсюлмани и християни.

Едно от концептуалните за българският белетрист понятия е *връзка* — между всички и всичко. Така една обикновена пеперуда може да стои в началото на философска пирамида — разсъждение за значението на земята като отворена книга, съдържаща реални знаци, изпращащи към действителна история за живота и смъртта, за паметта и забравата, за съвременността и древността. Друг е въпросът, че повечето от тези многобройни свидетелства за една богата древна култура днес остават непотърсени и неразчетени. Ако

използваме пример от Радичковото творчество, също като величествените римски мостове, които на времето са били средища на всичките пътища, а днес стърчат изоставени и забравени «...с едният си свод над реката, нито път води към него, нито път излиза от него» (Радичков 1996: 182). Многозначителна за «монологичното» време картина. Така, ако молдовският писател акцентира върху надеждата за потенциалното укрепване на връзките и между най-отдалечените времена (дори и да наблюдава обратното в действителността), българският не оставя място за предположения и фиксира реалността единствено в параметрите, които сега наблюдава. А те демонстрират, че връзките се късат.

Друца, за разлика от Радичков, е по-традиционен, поексплицитен в концепцията си за историческото минало, не го «извлича» направо от земята, но творчеството и на двамата писатели се гради върху идеята за запазването (дори почитането) на наследеното — единствената възможност за реална еволюция.

Понякога в произведенията си чрез специално подбран и систематизиран материал българският белетрист прави напречен разрез на социалната структура на обществото или щрихира основните моменти от историческото му развитие. Програмният за творческия му маниер разказ «Верблюд» по един чисто Радичковски начин рисува основните представи на селянина за света и за историческото развитие, като съединява в едно цяло мита и реалността, легендата и съвременността, миналото и сегашното. Тук съседстват Ной с ковчега му и старите българи със своите стари пасбища, жените им, дори децата и внуците им, Америка и Черказки (със черказците си, разбира се), Пилат и атомният взрив, езичници и християни.

При анализа на определени исторически сегменти Й. Радичков акцентира повече върху вертикалата, разкрива диахронния аспект на развитието — с многозначителни стойери в хоризонталата: сегашното е реално единствено чрез

миналото, истина, споделяна и от Й. Друца, макар молдовският писател и да е по-традиционен във формулировките си. Но и за молдовския, и за българския писатели миналото играе значителна роля в изграждането на концепцията им за живота, то е винаги присъстващият контрапункт, където резонират, рефлектират, получават по-отчетливо изражение събитията и проблемите в сегашното. Според Радичков, когато човека помни пътя за връщане, той върви напред по-леко и по-сигурно.

От страниците на Друцевите творби могат да се проследят най-известните исторически събития, изградили съдбата на Молдова. За разлика от Радичковия изцяло условен начин за пресъздаване на действителността, Й. Друца понякога населява творбите си с герои, отпращащи към реални исторически личности. Най-много се срещат в романа «Бялата черква», възпроизвеждащ авторското възприятие на молдовската история през 19-тия век. Тук се споменава безчовечната практика на събиране на молдовските деца под форма на кръвен данък. Изтръгнати от родителите си, те били прекръствани насила и възпитавани според турската вяра и обичаи, а с времето — подготвяни да се бият срещу собствената си родина. Ето защо, както отбелязва авторът, някои от еничарите са били русокопи със сини очи. По този начин изгрисаната от кучето ръка се превръща в събирателен образ за всяка война. Затова за Екатерина не е важно, че тя вероятно принадлежи на турски войник, за нея по-важно е, че всички те са хора. Нещо повече, тя вижда в това пръст на съдбата, решила така, че един от братята й, изтръгнат като дете от семейството си, да се върне за последен път в родното огнище.

И Й. Радичков (изключително), и Й. Друца (не толкова силно подчертано) са изградили своя неповторима, многофункционална литературна вселена, със собствено възприятие за хода на времето, съществено отличаващо се от общоприетото, със свои параметри, алгоритъм, свето- и човеко-усещане.

Литература

Добрев 1993 — *Добрев Ч.* Предопределението. София: Христо Ботев, 1993.

Радичков 1978 — *Радичков Й.* Спомени за коне. София: Български писател, 1978.

Радичков 1996 — *Радичков Й.* Акустичното гърне. София: Факел, 1996.

The Implicit and Explicit History in the Creation by Yordan Radichkov and Ion Druță

The history concept of Y. Radichkov and the I. Druță finds both similar accents and differences. The “implicit” trend, with diachronic research, is more typical of Radichkov who turns himself into the witness and guardian of history of earth in itself, that which has kept relics of the past and tells us about war and peace, the Roman period and Ottoman rule, about nomads and sedentary tribes, about heathen, Muslims and Christians. Druță is more explicit, more traditional, does not “extract” the past directly from the earth, but relies on folk legends, even the artistic reproduction of events from the history of Moldova. At the same time, for both writers the past is the counterpoint in which the phenomena, processes and problems of the present are reflected, resonate and become clearer.

DOI: 10.31168/0459-6.40

Н. А. Лунькова (Москва, Россия)

«Возродительный процесс» в судьбе и творчестве Свилена Капсызова

Политика принудительной ассимиляции, проводимая в Народной республике Болгарии во второй половине XX в. по отношению к мусульманскому населению, известна как «возродительный процесс», чей апогей пришелся на 1980-е гг. «Возродительный процесс» был нацелен на формирование

моноэтнической модели общества: мусульмане — турки, цыгане, помаки (этнические болгары, говорящие на болгарском языке и исповедующие ислам) — подвергались насильственной болгаризации со стороны правительства. Мусульмане лишались права иметь имена турецкого или арабского происхождения (их заменяли на болгарские), им запрещалось носить национальную одежду, использовать турецкий язык даже дома. Высокие показатели рождаемости среди исповедующих ислам, приобщение помаков и цыган к турецкой культуре негативно сказывались на отношении БКП к мусульманскому населению. Странники «возродительного процесса» придерживались идеи болгарского происхождения всего населения Болгарии и видели своей задачей пробуждение национального самосознания, что привело к антигуманным и насильственным действиям по отношению к мусульманам, поставило под угрозу их идентичность.

При всей неоднозначности «возродительного процесса» и противоречивости его оценок «в болгарской историографии нет возражений по двум пунктам. Первый — корни событий второй половины 80-х гг. следует искать в далеком прошлом, после освобождения Болгарии. Согласно же второму пункту консенсуса, отношение к туркам (и в целом — к мусульманам вообще) в XX в. в Болгарии представляет собой вереницу схожих по сути разнообразных политических практик, осуществляемых разными средствами и с неодинаковой интенсивностью» (Аврамов 2016: 27). Попытки тотальной ассимиляции и стирания культурной идентичности мусульман чередовались с волнами массового выселения за пределы страны. Рассматривая «возродительный процесс» как «насильственную интервенцию в социум» (Там же: 161), исследователи сравнивают его, в частности, с коллективизацией. Отчуждение собственности, лишение имени, данного при рождении, — всё это виды репрессии, реализуемой в тоталитарном государстве как в отношении отдельно взятой личности, так и социальных групп, нескольких поколений

людей. «Возродительный процесс» стал одной из самых развернутых акций правительства против населения собственной страны.

Болгарских интеллигентов, выступавших против радикального вмешательства в жизнь мусульман, коммунистические власти объявляли «родоотступниками» и изменниками родины (Зудинов 1994). Находились также в болгарском обществе и одобрявшие «жесткий подход живковского руководства к турецко-мусульманскому вопросу», проецируя на современных мусульман «обостренную историческую память о многовековом османском иге» (Зудинов 2003: 400–401).

Смена имен повлекла за собой задержания, аресты, а несогласие мусульман с болгаризацией обернулось терактами и акциями протеста. В ходе сопротивления появилось первое диссидентское образование НРБ — «Независимое общество по защите прав человека», которое возглавили представители мусульманской общности. «Большая экскурсия» — апогей эмигрантской волны — состоялась летом 1989 г., когда за пару месяцев территорию Болгарии покинуло более 350 тысяч человек. Переселение отождествлялось с «бегством к свободе, в убежище, от вопиющего посягательства на человеческое достоинство, неприкосновенность и идентичность» (Аврамов 2016: 298). В конечном счете протесты и консолидация оппозиции способствовали падению режима Живкова в ноябре 1989 г., изменению политики в отношении мусульманского населения, однако межэтническое напряжение в Болгарии и сейчас, спустя более чем тридцать лет, остается высоким.

Жертвами «возродительного процесса» стали многие мусульманские авторы, искусственно изъятые из литературного контекста НРБ. До активной стадии принудительной болгаризации они, будучи профессиональными филологами, педагогами, журналистами, работали на радио «София», сотрудничали с газетами и журналами, в том числе и с выходившими на турецком языке на территории Болгарии:

«Народна младеж» (тур. *Halk Gençliği*), «Нова светлина» (тур. *Yeni Işık*), «Нов живот» (тур. *Yeni Hayat*) и др. Начиная с 1985 г. во всех библиотеках страны (от небольших сельских до Народной библиотеки имени св. Кирилла и Мефодия) произведения турецких авторов / на турецком языке отправлялись в спецхран, их судьбу разделили записи на аудионосителях и диафильмы. В конечном счете художественные и документальные произведения мусульманских авторов, которые были написаны во время принудительной ассимиляции 1980-х гг. в основном на турецком языке, смогли быть изданы не в Болгарии, а в Турции уже после 1989 г.

Крупнейший болгарский исследователь литературы «возродительного процесса», Вихрен Чернокожев, считает тексты, созданные в этот период, «антитоталитарной литературой сопротивления против насильственной смены имен и изгнания болгарских граждан с турецким этническим самосознанием» (Чернокожев 2014). Травматический опыт жертв ассимиляции приводит к созданию мифа переселенцев — нового национального мифа, где через отсылки к элементам национального прошлого настоящее обрастает новыми смыслами. Появляются новые национальные герои — участники сопротивления. В частности, речь идет о писателях, которые отбывали наказание в тюрьме на острове Белене — так называемом «трудовом воспитательном лагере», который еще с 1950-х гг. использовался для изоляции «неблагонадежных» и противников политического режима НРБ. Одними из знаковых фигур сопротивления болгаризации стали диссидент Нури Тургут Адалы, который 23 года отсидел в тюрьме и был назван «Нельсоном Манделой турок в Болгарии», поэты Мехмед Карахюсеинов, в 1985 г. совершивший акт самоожжения в знак протеста против смены имени, Реджеб Кюпчю, скончавшийся в 1976 г. (его смерть некоторые считают заказным убийством, делом рук госбезопасности Болгарии). В 1992 г. в автомобильной катастрофе погибает и Свилен Капсызов, болгарский писатель и журналист.

Свилен Капсызов (Кешиф Ахмедов Капсызов, 1941–1992) окончил Софийский университет по специальности «Болгарская филология» и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. По возвращении в Болгарию работал в журнале «Родопь», но в результате конфликта с главным редактором, писателем Николаем Хайтовым, был уволен и стал работать бетонщиком на софийском заводе. Его литературным дебютом стал поэтический сборник «Близкое солнце» (1973), где Капсызов изобразил родной родопский край, в следующем же сборнике «Обреченность» (1986) заметно усиление философской проблематики: поэт размышляет о собственном предназначении, о неизбежном одиночестве творца, его необходимости бороться за право быть услышанным. Помак по происхождению, уроженец родопского села, писатель открыто выступал против кампании по насильственному оболгариванию помаков и принудительной смене мусульманских имен, за что неоднократно подвергался травле со стороны прокоммунистически настроенных авторов.

Еще в марте 1964 г. на заседании Секретариата ЦК, где рассматривался «болгарско-мусульманский» вопрос, было принято решение ликвидировать «старые, вредные традиции в быту», преодолеть «религиозный фанатизм» и осуществить замену «турецко-арабских имен на болгарские» (Маринов 2009). В рамках проведения кампании были созданы комиссии по переименованию помаков (для этого были задействованы сотрудники силовых структур), а для блокировки передвижения к населенным пунктам были направлены армейские подразделения. Болгарские имена присваивались даже умершим мусульманам, чьи наследники должны были выбрать им новые имена. Насильственная ассимиляция помаков в 1970-е гг. сопровождалась массовыми арестами, физическим уничтожением несогласных.

В «Сказочной поэме» (оставшейся не изданной в 1978 г.) Капсызов осуждает политику болгаризации помаков, уни-

чтожение их национальной идентичности. В доносе Н. Хайтова, поддерживавшего линию Партии по вопросу болгаризации мусульманского населения и осуждавшего позицию Капсызова, можно прочесть следующее: «С 1979 г. не один, а несколько бывших турок стали болгарскими поэтами, и все до одного они написали кто одно стихотворение, а кто и целые гимны во славу своего болгарского отечества. Только бывший болгарский мусульманин Капсызов не сказал ни слова — ни о Болгарии, ни об отечестве, ни о родине — ни в первом, ни во втором (новом) сборнике своих стихов, которое носит красноречивое название “Обреченность”» (цит по: Чернокожев 2011).

В романе С. Капсызова «Высохшие реки» (написан в 1987–1989 гг., издан посмертно в 1994 г.) отразились многие черты, характерные для литературы мусульманской общности периода «возродительного процесса», среди которых неизменное обращение к фольклорным мотивам и образам, исповедальный тон, автобиографизм. Главная героиня романа, исполнительница народных песен Эмилия Кехайова, олицетворяет собой человека, искренне любящего Родопы и готового посвятить жизнь прославлению родного края. Мерилом нравственности в произведении становится отношение к искусству: воспринимая его как средство для карьерного роста, доцент Вихров, чье слово имеет вес «и в ректорате, и в редколлегиях, и на советах, и даже больше — в ЦК», выдает за собственные музыкальные произведения народные песни, за свой научный труд — дипломную работу Эмилии. К настоящему искусству могут прикоснуться лишь те, кто служит ему бескорыстно, недаром во время экспедиции в Родопы старик Смаил, обращаясь к Вихрову, отказывается исполнять свои песни: «...перед тобой душа моя петь не станет» (Капсызов 1994: 68). В романе на примере судьбы нескольких поколений семьи Кехайовых последовательно раскрывается, как в угоду коммунистам, пришедшим к власти в 1944 г., искажаются факты из биографии родопчан: те,

кто помогал партизанам, из-за отказа вступать в кооперативы теперь обвиняются в содействии фашистам, а на несогласных из-за их нежелания идти на компромиссы с новой властью пишутся клеветнические доносы. «Максималистка» Эмилия не идет по пути конформизма и в итоге становится очередной жертвой тоталитарной системы.

В 1991 г. Капсызов был избран депутатом 36-го Народного собрания от партии «Движение за права и свободы» и считался главным конкурентом основателя ДПС — Ахмеда Догана. «Самого популярного среди помакской общности депутата» «знали как человека честного и твердого, внушавшего доверие. Он жил по правде, а не по лжи. Он был из тех людей, которые публично выступали против возродительного процесса, его многократно увольняли и преследовали за его взгляды — у него был ореол реального борца за права и свободы» (Сугарев 2012: 1). 15 сентября 1992 г. Капсызов погиб в автомобильной катастрофе (согласно официальной версии) у села Нови-Хан (Софийская область), однако немногие поверили в случайное совпадение: за рулем автомобиля, который врезался в машину Капсызова, был Георги Эдрев, бывший штатный сотрудник госбезопасности. За плечами Эдрева была не одна подобная авария, но он никогда не привлекался к ответственности. На этот раз суд приговорил Эдрева к выплате штрафа и четырем годам лишения свободы, признав его виновным в убийстве по неосторожности. «Убийство поэта Свилена Капсызова в сентябре 1992 г. по своему политическому значению для Болгарии сопоставимо с расправой над писателем Георги Марковым в сентябре 1978 г.» (Инджев 2011), погибшим в Лондоне в результате укола зонтиком, в наконечнике которого был яд.

Судьба Свилена Капсызова, в чьем творчестве отразился травматический опыт участников «возродительного» процесса в Болгарии, представляет собой наглядный пример влияния политических репрессий на творческую интеллигенцию.

Литература

- Аврамов 2016 — *Аврамов Р.* Икономика на «Възродителния процес». София: Рива, 2016.
- Зудинов 1994 — *Зудинов Ю. Ф.* «Мусульманский фактор» в жизни болгарского общества // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / Ин-т славяноведения и балканистики РАН, Научный центр общеславянских исследований (ЦЕС-ЛАВ); Международный фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская детопись»; ред. кол.: В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов, Ю. С. Новопашин. М.: [Ин-т славяноведения и балканистики РАН], 1994. С. 215–247.
- Зудинов 2003 — *Зудинов Ю. Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории = Bulgaria in the XXth century: Studies on political history / [ред. кол.: Е. Л. Валева (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 2003. (XX век в документах и исследованиях). С. 393–416.
- Инджев 2011 — *Инджев И.* Убийството на Свилен Капсъзов е политическо // Златоградски вестник. 2011. Бр. 15. URL: <https://www.zlatograd.com/bg/news/archive/2011/11/18/1245/> (дата обращения: 15.09.2021).
- Капсъзов 1994 — *Капсъзов С.* Краят на потоците. София: 13 века България, 1994.
- Маринов 2009 — *Маринов Ч.* От «интернационализъм» към национализъм. Комунистическият режим, македонският въпрос и политиката към етническите и религиозните общности // История на Народна република България. Режимът и обществото. София: Сиела, 2009. С. 481–532. URL: http://www.librev.com/index.php/discussion-bulgaria-publisher/2133-int-nat-2#_ftnref12 (дата обращения: 15.09.2021).
- Сугарев 2012 — *Сугарев Е.* Реквием за нашата памет. 20 години от гибелта на Свилен Капсъзов // Литературен вестник. Год. 21. Бр. 36. 7–13.11.2012. С. 1.
- Чернокожев 2011 — *Чернокожев В.* Памет за Свилен Капсъзов // Литературен вестник. Год. 20. Бр. 29. 28.09–4.10.2011. С. 6.
- Чернокожев 2014 — *Чернокожев В.* Българската антитоталитарна литература през 60-те — 80-те години на XX век // Дзялото. 2014. Год. 2. Бр. 2. URL: <http://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

The “Revival Process” in the Life and Works of Svilen Kapsazov

In the course of research of the “Revival Process” in Bulgaria in the 1970–80s, special attention is paid to forcible exclusion of representatives of the Muslim community from the socio-cultural and literary context of Bulgaria due to political reasons. Study of the life and works of Svilen Kapsazov, who suffered from the “Revival process”, helps to underline specifics of the anti-totalitarian literature of Bulgaria.

DOI: 10.31168/0459-6.41

И. Е. Иванова (Москва, Россия)

Стилистическое своеобразие «Лексикона YU-мифологии»

В 2004 г. в Загребе и Белграде выходит из печати «Лексикон YU-мифологии» (Leksikon 2004) — энциклопедия массовой культуры бывшей Югославии. Несмотря на участие в издании множества авторов, складывается впечатление, что книга написана небольшим коллективом близких людей. Ее создатели говорят на одном языке, который свидетельствует об их общей социальной принадлежности, интересах, возрасте, взгляде на вещи. В определенной мере ответ на вопрос, каковы особенности языка этого издания, дает анализ стилистической маркированности его словарного состава.

Особый эффект достигается за счет использования в одном тексте лексики различных стилистических пластов, что демонстрирует высокий уровень интеллектуального развития автора, владение разными стилями речи. Статьи, содержащие терминологию той или иной сферы, варвариз-

мы, могут включать и газетные клише, разговорные слова, локализмы, жаргонизмы, в том числе и обценную лексику. Приведем примеры перечисленных стилистических единиц.

В «Лексиконе» представлена своего рода элитарная лексика, характерная для вокабуляра литературы по искусству авангарда, поп-арта, модернизма, преимущественно латинского происхождения. Сюда относится также юридическая, философская терминология. Это слова типа *novum*¹ (новинка), *impresivan* (впечатляющий), *eksplicirati* (выделять), *lucidan* (ясный), *precizan* (точный), *definisani* (определенный), *konzumirati* (потреблять), *konsekvenca* (следование). В большинстве своем эта лексика не представлена в толковых словарях, порой отсутствует и в словарях иностранных слов. Часто такие лексемы выделяются в тексте «Лексикона» кавычками или курсивом.

В статье «Beogradski pop art» находим наречие *lucidno*:

Warhol je, lucidno shvatajući snagu i mogućnosti masovnih medija, svojim delovanjem i sam izrastao u medij [Уорхол, **люцидно** представляя себе силу и возможности средств массовой информации, в результате своей деятельности и сам превратился в массмедиа] (Leksikon 2004: 49).

Толкование лексемы *lucidno* дает сайт «Veliki rečnik manje poznatih reči i izraza» — ‘ясно, блестяще’. В той же статье использовано существительное *konsekvenca*:

Aux Maniere do krajnjih konsekvenci depersonalizuju svoj rad [Aux Maniere **консекутивно**, до малейших деталей деперсонализируют свое творчество] (Leksikon 2004: 49).

Слово *konsekvenca* со значением ‘последовательность’ есть в словаре иностранных слов Б. Клаича (Klaić 1978)

¹ Здесь и далее выделение лексики курсивом соответствует ее оформлению в тексте «ЛексиконаУУ-мифологии».

и на сайтах «Vukajlija» и «Veliki rečnik manje poznatih reči i izgraza». Последний отмечает, что слово мало известно широкой публике.

Во многих случаях такая лексика ограниченного употребления — терминологическая, интеллектуальная — используется в «Лексиконе» в неожиданном контексте, для описания повседневных, бытовых явлений, что создает эффект иронии, шутки. Значение слова *sofisticiran* обсуждается на интернет-форуме, один из участников которого объясняет значение существительного *sofisticiranost* как ‘изящество, утонченность, талантливость’ (Srpski jezik — Vokabular forum). В «Лексиконе» оно использовано применительно к пляске медведя, которого цыгане водят по ярмаркам:

Mećkin “ples” nije bio bogzna kako sofisticiran [Медвежий «танец» был не бог весть какой **софистицированный**] (Leksikon 2004: 70).

К первой лексической группе по стилистической окрашенности близка вторая — иноязычная лексика, сохраняющая орфографию языка-источника: *Camp* posturak (кэмп-акция), *catch phrase* (слоган), *cover* (обложка), *off-tekst* (закадровый текст), *bubble gum* kultura (культура бабблгам-поп), *trash estetika* (трэш-эстетика), *full makeup on* (при полным макияже), *the real deal* (настоящая вещь) и др. Использование варваризмов свидетельствует о привычке выражать себя, переходя с сербохорватского на иностранный, обычно на английский язык. Иноязычные вставки могут представлять собой английские коннекторы: *anyway* (‘как бы то ни было’):

Anyway, njih su se dvojica, Dražen i Danko, odlično razumjeli i nadopunjavali... [**Как бы то ни было**, эта пара, Дражен и Данко, прекрасно понимали и дополняли друг друга] (Leksikon 2004: 68).

В «Лексиконе» встречаются также словосочетания и предложения-варваризмы. Например, *goofy like* в следующем высказывании:

*Na poziciju centra došli su Vukičević i blentavi **goofy like** Franjo Arapović* [В центральной зоне оказались Вукичевич и чокнутый, **ни дать ни взять Goofy**, Франьо Арапович] (Ibid.).

Имя диснеевского героя Goofy переводится на сербохорватский как Šilja, так что сохранение английского оригинала демонстрирует намеренное обращение к иностранному языку.

Впечатление дружеского трепса, шуточных воспоминаний привносит разговорная лексика, в том числе локальная, связанная с говором того или иного югославского города. Это такие слова, как: *Ciga* (цыган), *rostfraj* (нержавейка), *blentav* (глупый), *zboriti* (рассказывать), *navaliti* и *teretane* (повалить в спортзалы), *prikačiti se* (увлечься) и др. Особую ее часть составляют жаргонизмы: *frajer* (любовник), *fajter* (борец), *alkos* (алкоголик), *spika* (рассказ), *koma* (швах, капец), *frka* (страх), *stari* (отец), *pakovati* (втюхивать) и др.

Приведем примеры употребления некоторых из них:

*Kita Džereta su na Majlsov koncert 1971. doveli pravo sa aerodroma, dok je njegov šef uveliko **pržio** džez rok na sceni Doma sindikata* [Кита Джаррета привезли на концерт Майлза Девиса прямо из аэропорта, а его шеф вовсю **шпарил** джаз-рок на сцене Дома профсоюзов] (Leksikon 2004: 47).

Прямое значение глагола *pržiti* — ‘жарить’. Словарь жаргона дает значение ‘играть на музыкальном инструменте громко, агрессивно’ (Sarajčević 2004). В воспоминаниях о прививках в начальной школе один из авторов использует разговорную лексику, включающую жаргонизмы, а также варваризмы. Среди них разговорное *pikati*:

*U osnovnoj školi bila su stalno neka cijepljenja, **pikali** su nas za svašta, pa vađenja krvi, vaganja...* [В начальной школе

нам все время делали какие-то прививки, **дырявили** нас по любому поводу, то кровь забирали, то взвешивали] (Leksikon 2004: 70).

Значение слова дает словарь иностранных слов Б. Клаича: из немецкого или французского ‘прокалывать, колоть’ (Klaić 1978). В том же тексте встречаются такие жаргонизмы, как *koma* со значением ‘плохо дело’ (Mirošničenko 2014):

“*Ak’ ti mjehur nestane*”, *govorili su oni što su uvijek upućeni u sve*, “*to ti je koma*” [«Если у тебя пузырь исчезнет, — говорили всезнайки, — тебе **капец**»]; *roknuti* ‘свалиться’ (Sarajčević 2004),

frka ‘страх’:

Na tom cijepljenju Zrinka iz mog razreda (znana i kao The Body), rokne u nesvijest od frke [Во время прививки Зринка из моего класса по прозвищу The Body **со страху грохнулась** в обморок] (Ibid.).

В «Лексиконе» представлены также разговорные фразеологизмы: *Zaljubio se do špic-plehova* [влюбился до подковок на ботинках] (Leksikon 2004: 55); *lep kao greh* [красивый как грех] (Ibid.: 68); *Šta je tu je* [Что есть, то есть]; *Super je taj* [Он — то что надо] (Ibid.: 80); *To je to* [Самое оно]. Авторы книги часто употребляют обращения: *E, ljudi!* [Эх, люди!] (Ibid.: 78); *Daj, bolan* [Дай-ка, голубчик] (Ibid.: 52).

В «Лексиконе» сохраняются формальные признаки энциклопедического издания. В начале словарной статьи во многих случаях дается строгая дефиниция определяемого понятия, часто авторы прибегают к клишированным книжным выражениям социалистического периода, таким как *svjesni omladinci* (сознательная молодежь); *stabilizacioni program* (программа стабилизации экономики); *neprijatelji svih boja* (враги всех мастей); *crveni barjak samoupravljanja* (красное знамя самоуправления). В действительности эти

приемы — проявление авторской иронии. Содержание статьи часто противоречит деланой серьезности инициальных формулировок. Так, определение организации AFŽ (Антифашистский фронт женщин) начинается вполне классически: «Organizacija za žensku emancipaciju...» [Организация борьбы за освобождение женщин...], но его продолжение имеет не столь серьезно: «...držala je domaćicama predavanja tipa: “Rad je stvorio čoveka”, “SSSR, prva zemlja socijalizma” I sl.» [...занималась чтением лекций домохозяйкам на тему «Труд создал человека», «СССР — первая страна социализма» и т. п.]. Заканчивается статья анекдотической историей о том, что одна из слушательниц, соотнеся имя диктатора Франко с суррогатным кофе «Франк», выкрикнула после лекции: «Dubre jedno fašističko, dosta je on nas trov’o!» [Фашистская гадина, хватит уже нас травить!] (Leksikon 2004: 33).

Несмотря на разнообразие предметов описания, личного стиля авторов, создатели этого издания представляют собой людей одного круга: городскую культурную молодежь, разносторонне развитую, умную и доброжелательную, склонную к добродушному юмору.

Литература

- Klaić 1978 — *Klaić B.* Rječnik stranih riječi i izraza. Zagreb: NZ Matice hrvatske, 1978.
- Leksikon 2004 — Leksikon YU mitologije. Beograd: Postsriptum; Zagreb: Rende, 2004.
- Mirošničenko 2014 — *Mirošničenko I.* Rječnik mladih. Diplomski rad. Osijek: Sveučilište J. J. Strossmayera u Osijeku, 2014.
- Sarajčević 2004 — *Sarajčević N.* Rječnik sarajevskog žargona. Zenica: Vrijeme, 2004.
- Srpski jezik — Vokabular forum. URL: <http://www.vokabular.org/forum/index.php?topic=6846.0> (дата обращения 15.08.2021).
- Veliki rečnik manje poznatih reči i izraza. URL: <https://velikirecnik.com/> (дата обращения 15.08.2021).
- Vukajlija. URL: <https://vukajlija.com/> (дата обращения 15.08.2021).

Stylistic Originality of the “Lexicon of YU Mythology”

The report constitutes a stylistic analysis of vocabulary of the “Lexicon of YU Mythology”. This edition, which is an encyclopedia of mass culture of former Yugoslavia, was published in Zagreb and Belgrade in 2004 at the same time. Despite the involvement of many authors in the publication, it seems that the book was written by a small group of close people. Its creators speak the same language, which shows its common social belonging, interests, age, worldview.

DOI: 10.31168/0459-6.42

Н. Н. Старикова (Москва, Россия)

Литература в контексте социально-политических трансформаций конца XX в.: словенский опыт

Литература сыграла значительную роль в процессе формирования национального самосознания словенского народа и во многом способствовала обретению им независимости. На протяжении нескольких веков ее важнейшей задачей была самоидентификационная, ведущей функцией — национально-охранительная, т. е. «вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе» (Лотман 1997: 27). В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации амортизировался культурный и идеологический пресинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения.

Путь к государственности был сопряжен с суровыми испытаниями, особенно обострившимися в период югославского социализма. В условиях политико-идеологического

прессинга литература вырабатывала специфические формы сопротивления. К таким проявлениям эстетического инакомыслия можно отнести модернистский (1960-е гг.) и постмодернистский (1980-е гг.) дискурсы. Вступившее в литературу послевоенное поколение проникалось духом трагического гуманизма, присущего европейской послевоенной литературе. Отстраняясь от текущих проблем социалистического строительства, некоторые авторы начинали искать выход в экзистенциальных решениях, выражали себя с помощью искусства, отрицающего строго миметический подход. После смерти И. Б. Тито (1980) атмосфера общественного брожения изменила расстановку сил, на смену зашифрованным текстам экзистенциально-модернистского типа пришли произведения, выражающие критическое сознание. В это же время многих литераторов привлекла философия и эстетика постмодернизма, с помощью которых они стремились противостоять абсурдности социалистической системы и идеологическому коллапсу тоталитарного общества.

В 1991 г. Словения демократическим путем обрела независимость, получила международное признание со стороны ведущих мировых держав, через несколько лет оказалась в составе Североатлантического альянса, Евросоюза, первой из новых стран — членов ЕС вступила в зону евро. Однако эти судьбоносные перемены привели и к неожиданным трудностям. Отмена цензуры, перестройка отношений государства, общества и культуры, столкновение стремления к национальному самоутверждению с процессами глобализации — всё это сказалось как на обстановке в стране в целом, так и на функционировании литературы. В новых обстоятельствах литература начала искать адекватные способы взаимодействия с действительностью и сразу же столкнулась с проблемой «выживания» в условиях рынка, высокой конкуренцией, лавиной массовой переводной продукции.

1990-е годы стали переломными в литературной жизни — в это время вся литературная система претерпела существенную перестройку, вынужденная приспособляться к новой экономической системе координат. Перемены затронули самые разные области: собственно художественную продукцию и ее сбыт, формирование книжного рынка, деятельность творческих союзов и издательств, профессиональную коммуникацию (фестивали, конкурсы), литературные премии, школьную программу и т. д. Это не могло не отразиться на тематике, проблематике, жанровых предпочтениях. Коммерциализация почти всех сфер деятельности, трансформация носителей массовой культуры, рост престижа невербального (визуального и аудиального) измерения общественной коммуникации, наконец, наступление Интернета — всё это способствовало тому, что литература постепенно начала сдавать свои общественные позиции. Как отмечает М. Кос, «в демократической Словении опасность для свободы творчества, литературы и искусства теперь представляет не идеология, как это было на протяжении почти всей второй половины XX в., а рыночная ситуация, которая, не будь государственного финансирования культуры, нанесла бы серьезный ущерб некоммерческой литературной продукции, переводам и гуманитарным трудам» (Кос 2014: 284). Инакомыслие, стремление к духовной и политической свободе, на протяжении стольких десятилетий усиленно культивировавшиеся в словенской писательской среде, перестают быть стимулами художественного роста. В условиях тоталитаризма словесное творчество, если оно не было на службе у идеологии, само по себе уже являлось манифестацией вольномыслия. После смены режима и завоевания демократических свобод выяснилось, что их обретение не дает того ощущения творческой раскрепощенности, которое в социалистической Югославии давала борьба за право художника на индивидуальное критическое отно-

шение к действительности, за свободу творческого самовыражения. В независимой Словении сложилась парадоксальная ситуация: новоиспеченное государство перестало рассматривать художественную печатную продукцию как инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю с его коммерческим интересом. Политические и экономические трансформации «запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, “встроиться” в глобализованную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка» (Старикова 2018: 13). В то же время окончательное утверждение в общественной жизни принципа плюрализма привело к сосуществованию в культуре множества эстетических систем. Результатом этого стал небывалый эклектизм, сочетание на литературном поле самых разнообразных стилистических векторов, поэтик и дискурсов.

Рыночные отношения спровоцировали бурный подъем популярной жанровой продукции, в первую очередь детектива и фантастики, а также путевых заметок и произведений эротического содержания. При этом речь идет не только о количестве, но и о качестве. Некоторые образцы тривиальных жанров достигли в словенской прозе столь высокого художественного уровня, что их как «высокую» литературу, отвечающую взыскательным эстетическим требованиям, теперь в той или иной степени учитывает большинство литературоведов (Вирк 2014: 253–255; Starikova 2010: 305–309). В прозе активизировалась проблематика сексуальных меньшинств, появились произведения, оспаривающие устоявшийся взгляд на сексуальную идентичность; они стали важной составляющей литературного процесса не только благодаря своей социальной релевантности, но и в ряде случаев также вследствие высокого художественного уровня.

Начала завоевывать читательское пространство женская проза, которая ввела в художественный контекст женскую «оптику» и сенсibilitätность. Гендерный состав словенских литераторов в XXI в. претерпел существенные изменения: доля авторов-женщин выросла до 40 %. Написанные ими произведения пользуются читательским спросом, регулярно номинируются на национальные литературные премии и иногда даже их получают. Б. Швигель-Мера, К. Маринчич, С. Тратник, Н. Крамбергер, М. Кумердей, С. Храстель, П. Главан, Б. Жакель, В. Симонити и др. активно внедряют в художественную практику технику «женского письма», их творчество, «перестав быть набором отдельных текстов, превратилось в феномен культуры, проявление гендерно-мотивированного коллективного сознания» (Старикова 2013: 108).

Важные изменения коснулись романного жанра. Накануне провозглашения государственности патриарх современного словенского литературоведения Я. Кос высказал гипотезу о том, что с изменением «социокультурных основ словенства можно ожидать и изменения типичных образцов словенского романа» (Kos 1991: 50), и она оказалась пророческой. Как отмечает А. Зупан-Сосич, главной особенностью современного словенского романа становится жанровый синкретизм, сочетание признаков многих жанров внутри отдельного произведения (Zupan Sosič 2003). Пытаясь привести многообразие современной национальной романной продукции к некоему общему концептуально-типологическому знаменателю, Зупан-Сосич вслед за М. Эпштейном предлагает воспользоваться универсальной приставкой *транс-* и назвать продуктивно развивающийся в словенской прозе тренд «трансреализмом». По ее мнению, это определение способно точно отразить характер утверждающегося современного метода/стиля, соединяющего элементы традиционной реалистической техники с инновациями на уровне

художественного образа. Подобные трансформации укоренившейся модели реалистического романа обнаруживаются в произведениях А. Чара, М. Доленца, Ф. Франчича, П. Главан, М. Маццини, А. Моровича, А. Скубица, З. Хочеваара, Я. Вирка, Ф. Лаиншчека и ряда других писателей (Zupan Sosič 2011: 105–106).

Социально-политические трансформации оказали существенное влияние на национальную литературную ситуацию: словенское социокультурное пространство перестало быть литературоцентричным, словенская литература лишилась своего особого положения и ведущей роли и постепенно вытесняется на периферию общественной жизни. Возможно, эта надвигающаяся маргинальность в условиях хаоса глобального «мирового сообщества» станет толчком к обретению словенскими писателями новой свободы, с обновленной корреляцией социального и индивидуального, национального и универсального, глобального и локального. Способствовать этому будет, по мнению Т. Вирка, присущий литературе «имманентный этический потенциал», включающий «воображение <...> и эмпатию» (Virk 2021: 193).

Литература

- Вирк 2014 — *Вирк Т.* Литература 1990-х гг. Проза // Словенская литература XX века = Slovenska književnost XX. stoletja / Институт славяноведения РАН; Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств; [отв. ред. Н. Н. Старикова]. М.: Индрик, 2014. С. 237–257.
- Кос 2014 — *Кос М.* Литература 1990-х гг. Поэзия // Словенская литература XX века = Slovenska književnost XX. stoletja / Институт славяноведения РАН; Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств; [отв. ред. Н. Н. Старикова]. М.: Индрик, 2014. С. 271–282.
- Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин. Биография писателя // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство — СПб, 1997. С. 21–184.
- Старикова 2013 — *Старикова Н. Н.* Проблема «женского письма» в современной словенской литературе и критике // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Ин-

- славяноведения РАН; отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2013. (Современные литературы Центральной и Юго-Восточной Европы). С. 95–111.
- Старикова 2018 — *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. Г. Я. Ильина]. М.: Индрик, 2018. (Современные литературы Центральной и Юго-Восточной Европы).
- Kos 1991 — *Kos J.* Teze o slovenskem romanu // *Literatura*. Št. 13. 1991. S. 47–50.
- Starikova 2010 — *Starikova N.* Sodobni slovenski zgodovinski roman: visoko (elitno) in (množično) trivialno // *Obdobja 29: Sodobna slovenska književnost (1980–2010) / Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik; ur. A. Zupan Sosič.* Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2010. S. 305–309.
- Virk 2021 — *Virk T.* Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2021.
- Zupan Sosič 2003 — *Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe, Ljubljana: LUD Literatura, 2003.
- Zupan Sosič 2011 — *Zupan Sosič A.* Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu. Maribor: Litera, 2011.

Literature in the Context of Socio-political Transformations of the Late 20th Century: Slovenian Experience

The problem of changing the role of literature in the modern world is especially acute in the former socialist European countries, survived at the end of the twentieth century fundamental social and political changes. Slovenia, which gained sovereignty during the disintegration of the SFRY, is one of the typical examples. For a long time, Slovenian literature developed under the sign of the struggle for national independence, going through many severe trials along the way. The first decades of independence created the preconditions for qualitative changes within literature and led to the transformation of its role in public life.

А. Н. Красовец (Москва, Россия)

Вопросы транскulturности в романе Горана Войновича «Джорджич возвращается» (2021)

Роман словенского писателя, режиссера, сценариста и колумниста Горана Войновича (р. 1980) «Джорджич возвращается» («Dordić se vraća», 2021) представляет собой продолжение его дебютного романа «Чефуры, вон!» («Čefurji raus!», 2008), ставшего культовым в Словении и сделавшего из Войновича одну из ключевых фигур словенской литературной сцены. Писатель как никто другой до него раскрыл тему переселенцев из южных республик бывшей Югославии в Словении (которых словенцы пренебрежительно называют «чефурами»), обращаясь к логике стереотипа, юмору и уникальному языку иммигрантов первого и второго поколения, смеси словенского, сербохорватского и люблянского уличного сленга; этот сложный язык в итоге получил документальный статус. Благодаря данному тексту «идея чефурства» также приобрела свои фантазийные рамки и уникальную, свойственную только ей, имажинерию, функционируя таким образом и на символическом уровне (Babnik 2021). Между выходом двух книг прошло тринадцать лет, тем временем увидели свет два других романа Войновича — «Югославия — моя страна» («Jugoslavija, moja dežela», 2012) и «Инжир» («Figa», 2016), которые, как и его дебютный роман, были удостоены награды «Кресник», присуждаемой газетой «Дело» за лучший словенский роман года. Продолжая тематику переселенцев и общего когда-то югославского пространства, раздвоенной, кочующей идентичности и наложения многослойных пространств, писатель поднимает в этих произведениях глубокие, философские проблемы войны, национализма, ненависти и прощения. Так и его последний роман несет на себе отпечаток этой авторской

зрелости и новый, серьезный, временами мрачный тон. Желание вернуться к героям «Чефуры, вон!» и представить, что стало с ними десять лет спустя, Войнович объясняет своей озабоченностью актуальным состоянием вещей в Словении, на Балканах и шире во всем мире: «Роман “Джорджич возвращается” возник именно потому, что я хотел написать о том, как этот мой мир погружается обратно в темноту. Я хотел показать, что делает с людьми мрак, вновь спускающийся на Балканы, что делает с людьми безысходность и абсолютный крах общества, что делает с людьми национализм, стоит ему заполучить в свою власть государство <...>. Мы некоторым образом возвращаемся во времена национальной нетерпимости, популизма, безнадежности. В какой-то момент мне показалось, что, возможно, Марко Джорджич, его мир и мир его героев, язык, на котором он говорит, и есть тот способ, при помощи которого я смогу наилучшим образом выразить то, что чувствую» (Milek 2021)¹.

Несмотря на более серьезную тональность, более глубокий и суровый взгляд главного героя на окружающую действительность, взгляд, на который наложило отпечаток десятилетнее пребывание в Боснии, превратившее энергичного подростка в молодого мужчину, полного обиды и агрессии, его внутренний монолог всё так же пронизательно остроумен, ироничен и поражает своей языковой пластичностью, впечатляющей еще большей выразительностью по сравнению с «Чефуры, вон!». Именно стилистическая и формальная связь между романами позволяет им образовать единое целое, демонстрируя писательское мастерство Войновича. Структура романа всё та же — это главы, отвечающие на вопросы и, как правило, апеллирующие к стереотипам: «Почему для чефуров отец — это бог?», «Почему Фужины — это спальный район?», «Почему у чефуров нет офисов?», «Почему кредиты уничтожили чефуров?», «Почему Словения никогда

¹ Здесь и далее перевод со словенского мой. — А. К.

ничего не добьется в баскетболе?» и т. д.; юмористический элемент всегда выступает поводом для более углубленного социокультурного и психологического анализа.

Так, дебютный роман Войновича повествует о жизни люблянского спального района Фужины, где обитают переселенцы из бывших югославских республик; всё это показано глазами семнадцатилетнего Марко Джорджича, сына иммигрантов из Боснии, в жизни которого начинают возникать сложные повороты после того, как тренер исключает его из баскетбольной команды за неподобающее поведение. В новом романе мы встречаемся с Марко десять лет спустя, попрощавшись с ним когда-то у его родственников в Високо, куда его отправил отец Радован, чтобы спасти от преследований со стороны полиции. Здесь мы имеем дело уже с другим Марко, десять лет в Боснии лишают его привлекательной невинности. Он возвращается на Фужины, чтобы поддержать больного раком отца и, возможно, остаться здесь навсегда; его родной район, однако, изменился до неузнаваемости. Да и сам Марко теперь располагает более широкой картиной происходящего, ввиду чего и осознание им последнего гораздо глубже. Фужины превратились в благополучный спальный район, дорогостоящий, как и вся Любляна, с домом для престарелых, с молодыми семьями и пенсионерами, где чефурам, набравшим ипотечные кредиты, жить всё сложнее; а от той свободы, которой располагали они когда-то, будучи подростками, не осталось и следа:

Вот только чефурчиков ты больше нигде не увидишь. Ни во дворе, ни возле подъезда. Так как эти пара малявок, плящихся в телефоны, в расчет не идут. У них ужасные треники и смешной причесон, да и скорее всего фамилии на *-ич*, только это вовсе не чефуры. Чефуров на самом деле больше нет на Фужинах. Вымерли они. Вот вам еще один биологический вид, ставший жертвой климатических изменений, или как там это называется.

Но на самом деле всё логично. Чефуры переехали, так как квартиры на Фужинах слишком дорогие. У них роди-

лись дети, и они стали старыми чефурами. Получили работу на складах, в пекарнях и на почте, и сами себе устроили подлянку, набрав ипотечные кредиты. Так-то оно. Долбанные кредиты уничтожили чефуров. Так как стоит чефуру взять кредит, его жизни конец. Чефур в кредитах — мертвый чефур. <...> Вот она, ассимиляция. Берет чефур кредит и становится словенцем. Поэтому даже не нужно их вычеркивать², достаточно кредитов, и разговор окончен. <...> Вместо того чтобы дебоширить, чефуры прилежно выплачивают кредиты. И все счастливы (Vojnović 2021: 26–27).

Во втором романе о Марко Джорджиче гораздо больше пространства приобретают Босния и куда более драматичная ситуация на Балканах. Герой отдалился от Фужин, стал частью жизни в Боснии и Герцеговине — мира беженцев, наполненного военными травмами и разрухой, — впитал в себя всё это болезненное боснийское прошлое, где разделение на своих и чужих по этническому и религиозному принципу лишь усугубляется. Процесс этнических чисток, начатый во время войны, по словам Войновича, не закончился, писатель сравнивает его с раком; Дейтоновские соглашения стали формой агрессивной химиотерапии, слегка замедлившей его дальнейшее распространение, но и только (Milek 2021). Это то лицо периферийной Боснии, на которое никто не желает смотреть, она исчезает, и уже совсем скоро ее невозможно будет увидеть, так же как и трансформирующееся пространство Словении; именно в этих тонких моментах в очередной раз, по словам писательницы Габриэлы Бабник, и демонстрирует свой уникальный талант Войнович-писатель (Babnik 2021). Его герой теперь отрезан от словенской действительности: во время его приезда в Люблянду проходит чемпионат

² «Вычеркнутые» (слов. *izbrisani*) — жители Словении, граждане Союзных Республик Югославии, которых Министерство внутренних дел Республики Словении 26 февраля 1992 г. незаконно вычеркнуло из регистра лиц, постоянно проживающих в Словении, лишив их связанных с этим экономических, медицинских и социальных прав.

Европы по баскетболу 2017 г., где у словенской сборной есть все шансы на победу (в результате именно она и становится чемпионом, обыграв в финале в Стамбуле сборную Сербии); эта сборная могла бы быть его командой, так как это то же поколение игроков, однако Марко не верит в словенский потенциал и не в состоянии установить связь со здешней реальностью, вырвать себя из стигматизирующей чефурской среды, оторваться от нее эмоционально.

Таким образом, явление транскультурности в романе «Джорджич возвращается» приобретает еще большую комплексность: столкновение и наложение различных культурных пространств образует еще более многосоставную мозаику. Вопрос об идентичности встает тут гораздо радикальнее, пронзительнее, приобретая глубокие экзистенциальные ноты. Проблема «свой — чужой», с которой герой сталкивался в Словении, кажется смехотворной по сравнению с реалиями, которые возникают перед ним в Боснии:

Мне потребовалось сто лет, чтобы врубиться, что я серб и что серб в Високо — та же засада, что и чефур в Словении. Та же хрень, но в другой упаковке. Только вот в Боснии чефуры и словенцы стреляли один в другого, а не подкалывали друг друга неправильными формами родительных падежей и двойственного числа. Только я не мог быть еще раз чефуром. Без вариантов. Я мог бы быть кем угодно, трансвеститом, миротворцем UNPROFOR, монголоидом, цыганом Жарко, кем угодно, мать вашу, но только не чефуром опять. Так как я не мог снова иметь неподходящее имя. Я не мог смотреть, как люди сглатывают слюну, когда ты говоришь, что твоего старика зовут Радован. Этих заморочек мне хватило на Фужинах на три жизни вперед. <...> Мой план заключался в том, чтобы побыть какое-то время Янезом, а потом потихоньку затесаться среди местных и стать боснийцем, но только это был глупый план. Что там глупый, это был план, который отстал в развитии. Я был сперва обижен <...>, а потом понял, что везде один и тот же облом и что везде ты можешь выбирать лишь между тем, будешь ли меньшинством или же

большинством. И я больше не хотел быть меньшинством. Мне хотелось немного побыть словенцем. <...> Я отправился в Биелину. К сербам. К тете Душанке и дяде Драгише. Свой среди своих, как сказал бы Радован (Vojnović 2021: 30).

Однако и попытка отнести себя к этнической группе на поверку оказывается обманом, герой везде чувствует свою непринадлежность окружающему пространству, где бы он ни был, несмотря на все усилия влиться в какую-либо среду, и ощущение чуждости не покидает его; называя себя «абсолютным отщепенцем» (Vojnović 2021: 32) на Фужинах, Марко невольно дает характеристику своему внутреннему состоянию. Он интуитивно понимает, что нет одной-единственной и стабильной идентичности и что вся его сила в этой способности перевоплощаться; через отрицание готовых решений, которые предлагает ему окружение, деструктивно подвергая себя неким губительным выборам, герой, возможно, открывает в себе новую личность, способность стать кем-то другим. В финале романа мы видим Марко, который, взяв отцовский опель и отправившись в Високо к месту, откуда происходят его корни, к дому бабушки и деда, находящемуся в запустении и вовсе уже не принадлежащему семье Джорджич, пытается понять, кто же он. Это момент рождения некой новой идентичности, которая пока далека от каких-либо очертаемых форм:

Правда не знаю, что я тут делаю. Или всё же знаю. Я приехал посмотреть, всё ли я еще здесь. Всё ли я еще тут свой среди своих. Но только нет. Плевать я хотел на этот дом и на всё. Плевать мне на Фужины, плевать мне на Боснию, плевать мне на всё. Нигде меня нет. Я больше не чефур и не Янез. Я теперь лишь никто и ничто (Vojnović 2021: 319).

Язык романа в свою очередь является наиболее ярким отражением гибридной идентичности чефуров второго поколения, сложного наложения различных культурных пластов. Структура языковых регистров, выработанная в «Чефуры,

вон!»), получает здесь еще большую многогранность и представляет еще более богатый материал для лингвистического анализа. Мы всё так же имеем дело с родным языком чефуров — сербским или боснийским, межъязычием первого поколения иммигрантов, смешанным языком второго поколения, со свойственными ему двуязычием, гибридизацией двух языковых систем, свободным обращением с языковыми стереотипами, пародированием словенского литературного языка, обыгрыванием сербских народных присказок и пр. (об иммигрантских социолектах в романе «Чефуры, вон!» см.: [Красовец 2021]).

Литература

- Красовец 2021 — *Красовец А. Н.* Иммигранты в Словении и их язык: роман Горана Войновича «Чефуры вон!» // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах = At the crossroads of the East and the West: the problems of borderzone in Russian and Central European cultures / Ин-т славяноведения РАН; редкол.: Н. В. Злыднева (отв.ред.), Ж. Хетени (отв. ред.) [и др.]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 127–156.
- Babnik 2021 — *Babnik G.* Ker je to ipak moja zgodba. Zgodba Marka Đorđića // airBeletrina [сайт]. 23.04.2021. URL: <http://www.airbeletrina.si/clanek/ker-je-to-ipak-moja-zgodba-zgodba-marka-dordica> (дата обращения: 18.08.2021).
- Milek 2021 — *Milek V.* Vsako pisanje izhaja iz bolečine. In bolečine so dedne // Delo. 13.03.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/vsako-pisanje-izhaja-iz-bolecine-in-bolecine-so-dedne/> (дата обращения: 18.08.2021).
- Vojnović 2021 — *Vojnović G.* Đorđić se vrača. Ljubljana: Beletrina, 2021.

Issues of Transculturalism in Goran Voinović's Novel “Đorđić Returns” (2021)

The novel by Slovenian writer Goran Voinović (1980) “Đorđić Returns” (2021) is a sequel to the author's debut novel “Southern Scum Go Home!” (2008), which turned to the life of first and second generation immigrants from the southern republics of the former

Yugoslavia in Slovenia, and became a cult book. The author refers to the same characters and their evolution over the past ten years, a special place in the text is given to Bosnia and the life of the main protagonist there. The clash and overlap of different cultural spaces leads to complex forms of transculturalism, which are reflected in the work in the form of various forms of linguistic hybridity, bifurcated, nomadic identity of characters, actualization of the problem of migration as such.

DOI:10.31168/0459-6.44

М. М. Громова (Москва, Россия)

Словенские народные сказки и легенды в переводах на русский язык (с 1991 г. по настоящее время)

Словенские народные сказки, активно собираемые и изучаемые на родине, русскоязычным читателям известны сравнительно мало. Их первые публикации на русском языке появляются во второй половине XIX в. в качестве иллюстративного материала в исследованиях видных ученых-славистов Ф. И. Буслаева и И. А. Бодуэна де Куртенэ, а затем и в популярных сборниках славянских сказок. После революции словенские сказки появляются в советских изданиях лишь по окончании советско-югославского конфликта 1948–1953 гг., причем дореволюционные переводы не перепечатываются.

В первые годы после распада СССР многочисленные новообразованные издательства охотно печатают сборники сказок — как правило, копии советских изданий или компиляции. Новые переводы сказок в это время редки: издательства в целях экономии обращаются к уже имеющимся. Переводы словенских сказок, выполненные в советский период, печатают до сих пор. Зачастую фамилию переводчика

в таких изданиях не указывают, вероятно, пытаясь избежать проблем с авторскими правами. Публикации словенских сказок без сведений о переводчике, многочисленные в первые десятилетия после распада СССР, постепенно сходят на нет и после 2009 г. встречаются только в сборниках харьковского издательства «Клуб семейного досуга».

Ввиду небрежности издателей сборников сказок и «самых полных» хрестоматий последнего десятилетия зачастую возникает путаница. Так, регулярно «становится» словенской словацкая сказка «У солнышка в гостях». То словенской, то словацкой именуется докучная сказка неизвестного происхождения «Шла мышка через мостик» в переводе Л. Яхнина. В «Большую книгу рождественских сказок» («Лениздат», 2007) вошла под видом словенской норвежская сказка «Белый медведь — король Валемон».

Появляются публикации словенских сказок в новых форматах. Так, в 1999 г. в детском журнале «Костер» (№ 8) публикуется сказка «Водяной» в виде комикса.

Часто переиздаются дореволюционные переводы, прошедшие за давностью лет в общественное достояние (также без указания фамилии переводчика, т. е. с нарушением неимущественных авторских прав). Не избежали подобной участи и «словинские» сказки, опубликованные в популярном сборнике «Сказки славянских народов» (1899): они были переизданы как минимум дважды — в 1991 и 2020 г.

В 2012 и 2020 гг. выходит репринтное переиздание второго тома «Материалов для южнославянской диалектологии и этнографии» (1904) И. А. Бодуэна де Куртенэ, в котором содержится значительное количество записей сказок и рассказов-анекдотов, переведенных исследователем с терского диалекта словенского языка.

Новые переводы словенских народных сказок начинают появляться только с 2001 г. в нишевых или маргинальных изданиях. Так, народный сказ «Курент» в переводе Г. Замятиной включен в монографию «Словенская литература

(от истоков до рубежа XIX–XX вв.)» (Словенская литература 2010: 74–79), а в 2020 г. в журнале «Живая старина» опубликована «сказка для взрослых», записанная в 1872 г. в с. Чигинь, в переводе М. Ясинской (Иванчич Кутин, Кенда-Еж 2020: 16–19).

В 2001 г. шесть словенских сказок в переводах словенцев Ирены, Сони-Мари и Бориса Ругелов (Ругел 2001: 240–246) опубликованы в сборнике «Словенско-русский альманах» (тираж 3000 экз.), который наряду с художественными произведениями известных словенских поэтов и статьями современных российских филологов включает псевдонаучные статьи словенских и российских представителей фолк-истории.

В последние годы официально переиздаются детские книги 1970–1980-х гг., в том числе включающие словенские народные сказки. Так, в 2016 г. тиражом 5000 экз. переиздан сборник славянских сказок «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко», вышедший в 1976 г., а в 2018 г. тиражом 4000 экз. переиздан сборник «Сказки гор» (1987).

С 2012 г. публикации словенских сказок и легенд появляются в сети Интернет: энтузиасты переводят их «для души» и выкладывают в свободный доступ на собственных сайтах и в соцсетях. Так, выпускница МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент Вильнюсского университета, кавалер Ордена Республики Словения за заслуги Елена Коницкая (р. 1958) перевела и опубликовала на своем сайте 13 сказок из Венецианской Словении (Коницкая 2012). Волшебную сказку «Янчек-ежик», несколько словенских преданий и шуточных историй перевела и опубликовала в социальной сети «ВКонтакте» автор данной работы (Громова 2019).

Резьянские сказки о животных (*zverinice iz Rezije*), записанные словенским фольклористом академиком Милко Матичетовым, давно стали «визитной карточкой» Резии и весьма популярны в Словении (в том числе в виде кукольных спектаклей и мультфильмов). Однако до сих пор русскоязычные читатели могут ознакомиться с фольклором

долины Резия только в интернет-публикациях. В 2019 г. в социальной сети «ВКонтакте» автор данной работы опубликовала семь резьянских сказок о животных из собрания Милко Матичетова в собственном переводе со словенского (Громова 2019). В 2015 г. в той же соцсети были опубликованы резьянские легенды «Дуяцесса» и «Дыра в горе Канин» в переводе С. Реутта (Реутт 2015а; 2015b), в 2017 г. — резьянская сказка «На Рождество» в переводе с итальянского А. Гладкого под ред. С. Реутта (Гладкий 2017).

С самого начала публикаций в популярных изданиях словенские народные сказки выходили на русском языке исключительно в составе сборников («Славянские сказки», «Югославские сказки» и т. п.), антологий и хрестоматий. Только в 2013 г. вышло первое отдельное издание словенских народных сказок на русском языке — сборник-билингва «Лучшие сказки Словении / Najlepše slovenske pravljice» (Кунавер 2013). В книгу вошли пять сказок в переводе Марины Билаш, записанных собирательницей словенского фольклорного и этнографического материала Душицей Кунавер (р. 1937) и ранее не издававшихся на русском языке. Сборник адресован русскоязычным читателям, интересующимся словенским культурным наследием, и словенцам, изучающим русский язык.

В 2022 г. в издательстве «Стрекоза» впервые готовится к выходу на русском языке сборник, содержащий исключительно словенские (в том числе резьянские) народные сказки и рассчитанный на самую широкую аудиторию. Это объемный сборник «Триста зайцев», составленный словенской фольклористкой, поэтессой и профессиональной сказительницей Аней Штефан (р. 1969) по материалам Милко Матичетова и вышедший на словенском языке к столетию со дня его рождения. Перевод на русский язык подготовлен автором настоящей статьи. В сборник вошли как резьянские сказки о животных, хорошо известные словенским читателям, так и ранее не издававшиеся сказки, расшифрованные

составительницей по рукописям и магнитофонным пленкам из личного архива Милко Матичетова и архива Словенского этнографического института Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. 39 сказок, вошедших в сборник, Милко Матичетов записал с 1940 по 1973 г. от сказителей разного возраста и из различных словенскоговорящих регионов (преимущественно из долины Резия в Италии и Нижней Крайны в Словении). Сборник оформлен наиболее известными словенскими иллюстраторами детских книг.

Литература

- Гладкий 2017 — На Рождество / пер. с ит. А. Гладкого; под ред. С. Реутта // На Рождество (Vinahte). 06.01.2017. URL: https://vk.com/wall-57515704_9337 (дата обращения: 21.01.2021).
- Громова 2019 — Проникнуться Словенией / [пер. со словен. М. Громовой]. 2019–2020. URL: <https://vk.com/wall-168887269?q=%23%D0%B%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4> (дата обращения: 31.08.2021).
- Иванчич Кутин, Кенда-Еж 2020 — *Иванчич Кутин Б., Кенда-Еж К.* «Сказка для взрослых», записанная в 1872 г. в с. Чигинь в Словении / пер. со словен. М. В. Ясинской // *Живая старина*. 2020. № 3 (107). С. 16–19.
- Коницкая 2012 — Словенские сказки. 21.08.2012. URL: <https://jelkon.jimdofree.com/словенские-сказки/> (дата обращения: 21.01.2021).
- Кунавер 2013 — Лучшие сказки Словении = Najlepše slovenske pravljice / пер. Марины Билаш; сост. Душица Кунавер. М.: Билингва, 2013. [+ CD]
- Реутт 2015b — Дыра в горе Канин (резьянская легенда) / пер. С. Реутта // Та göra šis jamo tana Čjaninu (Дыра в горе Канин). 04.03.2015. URL: https://vk.com/wall-57515704_5429 (дата обращения: 21.01.2021).
- Реутт 2015a — Дуяцесса (резьянская легенда) / пер. С. Реутта // Duiacessa (Дуяцесса). 18.03.2015. URL: https://vk.com/wall-57515704_5658 (дата обращения: 21.01.2021).
- Ругел 2001 — Словенско-русский альманах. История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении, справочные материалы по Словении, карты / автор замысла, сост. и отв. ред. Юст Ругел; ред. и консультант О. Плотникова. М.; Зеленоград: Д-р Франце Прешерн: ЖАГ-ВМ, 2001.

Словенская литература 2010 — Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX вв.) / Ин-т славяноведения РАН; Науч.-исслед. центр Словен. акад. наук и искусств; [отв. ред. Н. Н. Старикова]. М.: Индрик, 2010.

Translations of Slovenian Folk Tales into Russian (from 1991 to the present)

The work examines Russian-language publications of Slovenian folk tales, traditions and legends in the period from 1991 to the present, including on the Internet.

DOI:10.31168/0459-6.45

Е. В. Байдалова (Москва, Россия)

Литературное творчество В. К. Винниченко как объект изучения

В. К. Винниченко (1880–1951) — один из наиболее выдающихся украинских писателей первой трети XX в., однако его художественные эксперименты неоднозначно оценивались современниками. При этом интерес к его творчеству был огромен: о нем писали такие разные авторы, как И. Франко, И. Нечуй-Левицкий, Л. Украинка и практически все видные украинские литературоведы и критики, среди которых С. Ефремов, А. Никовский, М. Евшан, М. Зеров и др. Даже В. И. Ленин, пусть негативно («ахинея и глупость», «архискверное подражание архискверному Достоевскому», «муть, ерунда»), но высказался об одном из романов украинского писателя в письме к И. Арманд (Ленин 1964: 294–295). Следует отметить, что в большинстве работ основное внимание уделялось содержанию произведений, неординарным идеям автора.

В 1920-х гг. появились первые сборники статей и монографии о творчестве Винниченко, написанные в русле социо-

логической критики. Это работы А. Ричицкого, П. Христюка, И. Свенцицкого, О. Парадического, Т. Зикеева. Место в литературном каноне национальной словесности Винниченко обеспечивают авторы учебников по украинской литературе: С. Ефремов, В. Радзикович, А. Барвинский, А. Дорошкевич, А. Шамрай, В. Коряк и др.

После рассмотрения в ноябре 1933 г. на пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У открытого письма Винниченко к КП(б)У о национальной политике, которую проводило руководство СССР, писатель был объявлен врагом советской власти, а его книги запрещены к изданию и изъяты из книжных магазинов и библиотек. Таким образом, его произведения изучать стало невозможно, а читать — затруднительно. Многие годы единственным источником винниченковедения была украинская эмигрантская среда, хотя и в ней фактически до кончины супругов (Владимира Кирилловича в 1951 г., его жены Розалии Яковлевны Лифшиц в 1959 г.) из-за политической деятельности писателя, его неуживчивого и принципиального характера, нежелания сблизиться с официальными эмигрантскими кругами и практически отшельнической жизни в последние годы серьезная работа по осмыслению его творческого наследия не велась, а писатель находился, по сути, в «двусторонней изоляции» (Яровенко 2013: 156). Ситуация изменилась, когда архив Винниченко попал по завещанию его жены в Колумбийский университет. Однако еще до этого в 1953 г. в США при УВАН была создана Комиссия по сбережению литературного и художественного наследия Винниченко, целью которой стало издание его произведений. Главная роль как в деятельности комиссии, так и в изучении творчества украинского писателя принадлежала украинскому литературоведу Г. Костюку. В своих работах он не только обозначил круг основных тем и проблем художественных произведений Винниченко, пытался осмыслить, что нового привнес в национальную литературу писатель, рассматривал творчество автора периода эмиграции,

в том числе ранее не опубликованные романы, но и наметил основные пути развития винниченковедения (Костюк 1971; 1980; 1993). В центре внимания других ученых оказались морально-этическая проблематика художественных произведений Винниченко (Гусар-Струк 2001), конфликт между разумом и подсознанием в романистике автора и влияние натуралистов на творчество писателя (Багрий-Пікулик 1987), тематика, проблематика и поэтика неопубликованных романов Винниченко (Погорілий 1981), драматургия периода эмиграции (Ревуцький 1991), ревизия его общественно-политических взглядов (Лисяк-Рудницький 1980).

После перестройки Винниченко начал постепенно возвращаться к украинскому и русскому читателю, его произведения и биография стали объектами изучения многих исследователей. К настоящему моменту издано большое количество работ, посвященных самым разным аспектам его художественного творчества, а также изучению языка писателя, его политической деятельности и мировоззрения; существуют как литературоведческие, политологические, так и художественные попытки осмысления его биографии (Процюк 2011) или ее отдельных аспектов, таких, например, как эмиграция (Soroka 2012). Хотя из-за того, что архив писателя находится в США, для большинства исследователей доступ ко многим биографическим материалам и текстам писателя все еще затруднен.

В целом, необходимо отметить, что большая часть литературоведческих и критических исследований касается именно мировоззрения Винниченко, а также идейно-тематической сути его творчества, в то время как поэтике произведений Винниченко посвящено относительно небольшое количество научных работ (Хархун 2000; Брайко 2002; Гуменюк 2001 и др.). При этом политическая позиция Винниченко часто не артикулируется, особенно в учебных пособиях. Нередки исследования жизни и творчества писателя с позиций психоанализа, рассматривающие детство писателя

(в частности, тот факт, что он был младшим ребёнком в семье, избалованным и «залюбленным») в качестве отправной точки его завышенной самооценки, нарциссизма, стремления к революционной деятельности и эпатажу (Печарський 2010). С позиции психоанализа могут также исследоваться элементы поэтики произведений Винниченко. Так, в диссертации А. Горбань структурные модели рассказов писателя и система персонажей анализируются как диссоциированная проекция субъективных психических содержаний (Горбань 2007). Отдельное направление представляют компаративистские работы, где творчество Винниченко сопоставляется с творчеством русских писателей, зарубежных, рассматривается продолжение традиций данного автора в современной украинской литературе (Алексеевко 2013).

С 2010-х гг. разрабатываются темы, ранее бывшие на периферии, как, например, суггестивный потенциал публицистики Винниченко (Снижко 2014). Несмотря на то что отдельные аспекты публицистического наследия украинского писателя освещались в авторитетных исследованиях таких авторов, как В. Панченко, В. Гуменюк, В. Кузьменко, Н. Жулинский, С. Михида, Н. Крутикова, Л. Мороз, Г. Сиваченко, в них не были сформулированы концептуальные особенности авторской публицистики. Зато в работе молодой исследовательницы, помимо важности и знаковости трудов автора для развития украинской журналистики, отмечается продуманность коммуникативной стратегии его открытых писем, обращений, статей, рецензий, заявлений, но, в первую очередь, речей, а также «искусное владение словом и умелое формирование прагматической направленности текста» (Снижко 2014: 196), и вместе с тем стилистика саморедактирования авторского текста, что характерно в целом для позиции Винниченко как политика и писателя в одном лице: он всегда стремился активно влиять на реципиентов текста.

Нередко творческое наследие писателя и его мировоззрение становятся предметом исследования украинских

философов. В центре их внимания — не столько художественные и публицистические тексты автора, сколько различные аспекты философско-этической концепции «переустройства» мира («конкордизма»), над которой Винниченко работал в эмиграции (Петрів 2007; Бежнар 2005 и др.)¹. Данные работы вписывают философские искания украинского автора в широкий контекст философии модерна.

В последнее время, однако, наблюдается спад интереса литературоведов к творчеству Винниченко, несмотря на то что многие аспекты его творчества, в том числе специфика поэтики, остаются недостаточно изучены. Также ждет своего часа издание полного собрания сочинений с профессиональными текстологическими комментариями.

Литература

- Алексеевко 2013 — *Алексеевко Н.* Сталі ознаки образу рефлексуючого інтелігента в українській літературі: від Володимира Винниченка до Ліни Костенко // Літературний процес: методологія, імена, тенденції. Київ, 2013. № 2. С. 4–6.
- Багрій-Пікулик 1987 — *Багрій-Пікулик Р.* Розум та ірраціональність у Винниченковому романі «Записки кирпатого Мефістоля» // Сучасність. 1987. № 4. С. 11–22.
- Бежнар 2005 — *Бежнар Г. В. К.* Винниченко і В. П. Домонтович: типологія філософських пошуків // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 73–75. 2005. С. 10–12.
- Брайко 2002 — *Брайко О.* Поетика прози Володимира Винниченка 1900–1910-х років: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2002.
- Горбань 2007 — *Горбань А.* Мала проза В. Винниченка у світлі авторської суб'єктивності: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2007.
- Гуменюк 2001 — *Гуменюк В.* Драматургія Володимира Винниченка. Проблеми поетики: дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2001.
- Гусар-Струк 2001 — *Гусар-Струк Д.* Винниченкова моральна лабораторія // Українське слово. Хрестоматія української літератури та літературної критики ХХ ст.: в 4 кн. / упор. В. Яременко. Кн. 1. Київ: Аконіт, 2001. С. 286–292.

¹ См., например, работы (Петрів 2007; Бежнар 2005: 10–12) и др.

- Костюк 1971 — *Костюк Г.* Деякі проблеми наукового вивчення В. Винниченка // *Сучасність*. 1971. № 11. С. 78–88.
- Костюк 1980 — *Костюк Г.* Володимир Винниченко та його доба: дослідження, критика, полеміка. Нью-Йорк: Укр. Вільна Акад. Наук у США, 1980.
- Костюк 1993 — *Костюк Г.* Світ Винниченкових образів та ідей // *Українське слово*. Хрестоматія української літератури та літературної критики ХХ ст. Київ: Дніпро, 1993. С. 384–401.
- Ленин 1964 — *Ленин В. И.* Письмо к И. Ф. Арманд от 05.06.1914 // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 48. 1964. С. 294–295.
- Лисяк-Рудницький 1980 — *Лисяк-Рудницький І.* Суспільно-політичний світогляд Володимира Винниченка у світлі його публіцистичних писань // *Сучасність*. 1980. № 9. С. 60–77.
- Печарський 2010 — *Печарський А.* Нарцисизм і трансформація особистості в житті і творчості В. Винниченка // *Слово і Час*. 2010. № 7. С. 3–14.
- Петрів 2007 — *Петрів О.* Володимир Винниченко: філософський дискурс. Дрогобич: Вимір, 2007.
- Погорілий 1981 — *Погорілий С.* Неопубліковані романи Володимира Винниченка. Нью-Йорк, 1981.
- Процюк 2011 — *Процюк С.* Маски опадають повільно. Роман про Володимира Винниченка. Київ: Видавничий центр «Академія», 2011.
- Ревуцький 1991 — *Ревуцький В.* Еміграційна драматургія В. Винниченка // *Сучасність*. 1991. № 12. С. 43–52.
- Снижко 2014 — *Снижко О.* Суггестивний потенціал публіцистики Володимира Винниченка // *Научные ведомости*. Серія «Гуманитарные науки». 2014. № 6 (177). Вып. 21. С. 196–201.
- Хархун 2000 — *Хархун В.* Поетика роману Володимира Винниченка «Записки Кирпатого Мефістофеля»: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000.
- Чикаленко 1955 — *Чикаленко Є.* Спогади (1861–1907). Нью-Йорк: Укр. Вільна Акад. Наук у США, 1955.
- Яровенко 2013 — *Яровенко Т. С.* Еміграційна творчість В. Винниченка: критична рецепція в Україні та в екзилі (1920–1940-і рр.) // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. Серія «Філологія». 2013. Вып. 69. С. 154–158.
- Soroka 2012 — *Soroka M.* Faces of displacement: the writings of Volodymyr Vynnychenko. Montreal; Kinstone; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2012.

V. Vynnychenko's Literary Works as an Object of Science Studies

Vynnychenko's literary works became an object of science studies in 1910s, but there was an interruption in 1930–1990s because of the Soviet Union's politics. From the beginning of *perestroika* the researchers of Vynnychenko's works started again. The great majority of these studies examine the writer's philosophy meanwhile not enough attention is paid to poetics and textology of Vynnychenko's works.

DOI:10.31168/0459-6.46

О. В. Гусева (Санкт-Петербург, Россия)

Женский голос в современной польской поэзии

Традиции женской поэзии и женского письма в польской литературе уходят корнями в XVII в., в эпоху позднего барокко, когда в польскую поэзию пришли А. Станиславская, К. Бениславская, А. Немирич и Э. Дружбацкая. Женская поэзия активно развивается на рубеже XIX–XX вв., в период Молодой Польши, и особенно интенсивно в межвоенное двадцатилетие, когда о себе заявляет целая плеяда ярких писательниц и поэтесс. Чувственная и проникновенная поэзия М. Павликовской-Ясножевской до сих пор остается эталоном «женской поэзии», которая интересна читателям вне зависимости от гендерных стереотипов. Польская исследовательница Л. Хулл полагает, что после 1945 г. женщины в литературе держались в стороне от литературных направлений, групп и программных манифестов, соответственно, литературная критика обращала меньше внимания на их творчество, в связи с чем возник феномен «запоздавшей рецепции» поэзии, создаваемой женщинами (Hull 2013: 96).

Новая страница в истории польской литературы, наступившая после 1989 г., связана с бурным развитием феминизма и женского письма. В 1990-е гг. выходят в свет произведения талантливых женщин-писательниц, среди которых О. Токарчук, М. Гретковская, А. Болецкая, Д. Масловская, Э. Курылюк, И. Филипяк, К. Дунин, М. Холендер, А. Насиловская, Э. Рудзка и др. Они рассказывают о личном опыте, связанном с взрослением, самоидентификацией, замужеством и рождением ребенка. Иногда это очень интимные, порой эпатазирующие произведения, как в творчестве А. Насиловской или М. Гретковской. Особенностью польской литературы этого периода было преобладание прозы в творчестве молодого поколения, молодая поэзия оказалась на периферии, хотя в это время в литературной жизни страны активно участвовали поэты старшего поколения: Ч. Милош, Т. Ружевиц, В. Шимборская, Э. Херберт, Ю. Хартвиг, Э. Липская.

С годами всё активнее заявляет о себе новое поколение поэтов, и поэзия начинает приобретать всё большее значение. После 1989 г. изменилась роль поэта в обществе: отпала необходимость отражать патриотические устремления соотечественников, участвовать в идеологических дискуссиях, быть властителем дум. Многие авторы осознали, что можно идти собственным эстетическим путем, искать свои способы самовыражения. В поэзию приходит плеяда поэтов, дебютировавших после 1989 г.: М. Светлицкий, Я. Подсядло, М. Гжебальский, Д. Сосьницкий, А. Сосновский, Э. Ткачишин-Дыцкий и др. В начале XXI в. в литературу входит новое поколение поэтов, родившихся в 1970–1980-е гг. Важным явлением поэзии начала XXI в. стало обилие женских имен: в это время продолжают творить авторы старшего поколения, такие как В. Шимборская, Э. Липская, К. Милобендзка, Ю. Хартвиг, но появляются и новые имена: И. Мюллер, Ю. Баргельская, М. Подгурник, М. Лебда, Ю. Федорчук, К. Домбровская, И. Лех. В поэзии

последнего десятилетия творит ряд женщин-поэтов, каждая из которых является яркой индивидуальностью.

Если исходить из того, что не существует таких понятий, как «женский» и «мужской» текст, «женская» и «мужская» поэзия, то в современной польской поэзии намечается ключевая тенденция: все авторы, независимо от гендера, обращаются к повседневной жизни, к будничным занятиям, к собственным, глубоко личным переживаниям, к незначительным деталям, которыми наполнена жизнь и которые приобретают вселенское значение с перспективы своего «я». И разница заключается именно в подходе с точки зрения «я». В творчестве многих женщин рождается женский текст не потому, что его создают женщины, а потому, что они реконструируют гендерную картину мира. Ее особенность не ограничивается исключительно образной системой произведения и социальным контекстом. Современная польская женская поэзия очень проникновенная, чувственная и глубокая, она наполнена эмпатией и вместе с тем она субъективна. Одной из характерных черт женского письма становится телесность и акцентированная исповедальность: женская поэзия более откровенно и непосредственно рассказывает о самых интимных переживаниях.

Стоит вспомнить также и о том, что польский язык обладает большими, чем русский, грамматическими и лексическими возможностями выражения женского начала. Отсутствующая в русском языке нелично-мужская форма, например, позволяет в польском четко маркировать формы множественного числа: кто такие *мы*, *вы*, *они* — женщины или мужчины, например, *chciałyśmy* — ‘мы (женщины) хотели’, в отличие от формы *chcieliśmy* — ‘мы (мужчины или мужчины и женщины) хотели’. В области лексики в последние годы происходит активное обогащение языка женскими соответствиями для названий профессий и титулов, ранее имевших только мужские формы; активно стали использоваться неологизмы *doktorka*, *adwokatka*, *architektka*, *psycholożka* и т. п.

Среди поэтов старшего поколения, дебютировавших еще в 1960-е гг., особое место принадлежит Кристине Милобендзкой. До 1990 г. вышло четыре ее поэтических сборника, но они остались в тени более известных современников, а подлинное открытие ее творчества произошло только в XXI в. Как и других поэтов нового столетия, Милобендзкую интересуется повседневная жизнь, ее мельчайшие детали, также для нее характерно внимание к поэтическому слову, к языковому эксперименту, она относится к языку как к живому организму и экспериментирует со словами и грамматикой. В сборнике «После крика» («Po krzyku», 2004) она создает «словноформы» («nibyformy») — новый лаконичный способ записи поэтического текста. Это попытка поймать язык в движении, прежде чем он обретет законченную форму. Название сборника — «После крика» — говорит о том, что эти стихи — не рождение языка, а его замирание. Стихи имеют и второе значение — глубоко личная история женщины, самой поэтессы. Она представляет читателю старение героини и медленное угасание языка.

Для поэзии Милобендзкой важны телесный опыт, женственность, опыт материнства, воспоминания. Одной из главных тем ее творчества является дом: реальный или метафорический. Она создает очень личную поэзию, сосредоточенную на внутреннем мире лирического «я» и его взаимоотношении с миром. Ее лирическое «я» — это «я» женщины: возлюбленной, матери, поэтессы, живущей в симбиозе с окружающим миром. Для нового поколения поэтов Милобендзская стала лидером модернистского лингвизма. Это направление в польской поэзии развивали Иоанна Мюллер и Марья Циранович, в поисках новых форм выражения они исследовали возможности женского и детского письма, пытались реконструировать окружающую действительность через язык. И. Мюллер часто обращается к юнговским архетипам, например к архетипу матери, ребенка, дома. В своих первых поэтических сборниках «Фантомные сомнамболи» («Somnam-

bóle fantomowe», 2003) и «Загнездовники» («Zagniazdowniki», 2007) она описывает внутреннее состояние лирического героя через личный жизненный опыт (беременность и рождение ребенка). М. Циранович свое творчество называет «нейролингвизмом», в рамках языкового эксперимента, получившего название «киндеризм», она пытается реконструировать неправильную речь и словотворчество ребенка, экспериментирует с графической формой текстов, но ее лирическое «я» — всегда «я» женщины со сложным внутренним миром.

Марта Подгурник в поисках собственного «я» уже в ранних своих стихотворениях объединяла глубоко интимные, на грани эксгибиционизма, темы со словесной эквилибристикой и изысканной формой стиха.

Женский голос звучит в поэзии Юстины Баргельской, она исследует различные стороны телесности человека, сексуальности, чувственности, материнства и создает мир сюрреалистической повседневности. Она фиксирует и интерпретирует мир с перспективы тела (Грондзель-Вуйцик 2015: 223).

В творчестве Мажанны Богумилы Келар и Юлии Федорчук пейзажи служат фоном для метапоэтических рефлексий и сомнений.

В 2009 г. И. Мюллер, М. Циранович и Ю. Радчиньская совместно подготовили поэтический сборник «Солистки: Антология поэзии женщин (1989–2009)» (Solistki 2009), в который вошли стихотворения почти сорока авторов — очень разные по характеру, по настроениям, ритмам. О том, что каждая поэтесса является творческой индивидуальностью, свидетельствует название тома: «солистки» выступают самостоятельно, не образуя хора. Важно, что это не антология женской поэзии, а антология поэзии женщин, целью которой было избавить поэзию женщин от сентиментально-чувственного стереотипа восприятия и показать, что лирическое «я» в их поэзии может быть очень разным. Публикация антологии стала важнейшим манифестом присутствия женщин в литературе последних десятилетий.

Литература

- Грондзель-Вуйцик 2015 — *Грондзель-Вуйцик И.* Стихи, «приправленные телом» // Прогулки по польской литературе / Ун-т им. Адама Мицкевича в Познани; науч. ред.: И. Грондзель-Вуйцик, И. Ястшембская, З. Копэчь; [авт. предисл. А. Бабанов; пер. с пол. А. Бабанова [и др.]. СПб.: СИДБ, 2015. С. 211–233.
- Hull 2013 — *Hull L.* Obok kanonu. Poezja kobiet w przestrzeni literatury po 1945 roku // *Prace Literaturoznawcze*. 2013. T. 1. S. 89–100. URL: <https://docplayer.pl/50072198-Leokadia-hull-obok-kanonu-poezja-kobiet-w-przestrzeni-literatury-po-1945-roku-prace-literaturoznawcze-1.html> (дата обращения: 15.08.2021).
- Solistki 2009 — *Solistki*. Antologia poezji kobiet (1989–2009) / red. M. Cyranowicz, J. Muller, J. Radczyńska. Warszawa: Staromiejski Dom Kultury, 2009.

The Female Voice in Contemporary Polish Poetry

Women have been involved in the creation of Polish literature since the 17th century. A new page in the history of Polish literature, which came after 1989, is associated with the rapid development of feminism. An important phenomenon of poetry at the beginning of the XXI century was the abundance of female names: at this time, the authors of the older generation, such as V. Szymborska, E. Lipska, K. Miłobędzka, J. Hartwig, continue to create, but new names also appear: J. Mueller, M. Cyranowicz, J. Bargielska, M. Podgórnik, M. Lebda, J. Fiedorchuk, M. B. Kielar. Contemporary Polish women's poetry is very soulful, sensual and deep, it is filled with empathy, and at the same time it is subjective. Corporeality and frankness become one of the characteristic features of women's writing: women's poetry tells more openly and directly about the most intimate experiences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. Б. БЕРНШТЕЙНА

Сергей Сергеевич Скорвид

Основы сравнительной грамматики
славянских языков в VII томе «Народной энциклопедии
научных и прикладных знаний» (1911)..... 4

Кристиана Симеонова

Самуил Борисович Бернштейн и неговият
«Учебник болгарского языка» 8

Валентина Григорьевна Кульпина

Из полонистического наследия
Самуила Борисовича Бернштейна на страницах
ежегодника «Вопросы полонистики»..... 13

Людмила Борисовна Карпенко

Возрождение отечественной славистики:
к 110-летию профессора С. Б. Бернштейна 17

Михаил Абрамович Штудинер

Типологическая классификация фонетических систем
славянских языков 20

ГРАММАТИКА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Константин Васильевич Лифанов

Дивергенция словацкого и чешского
литературных языков в XX в. на грамматическом уровне
(на примере числительных) 28

Марина Георгиева Джонова, Светлозара Илева Лесева, Елена Юрьевна Иванова

Инхоативни глаголи с дателен експериенцер
в българския език..... 34

Мария Вадимовна Ермолова

- О соотношении двух плюсквамперфектов
в псковских говорах в сопоставлении
с инославянским материалом 43

Глеб Петрович Пилипенко

- Адаптация испанских глаголов
в речи славян-переселенцев в Аргентине 49

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА**Яна Андреевна Пенькова**

- Из наблюдений над семантикой
имперфективного будущего
в среднерусской письменности 54

Николай Иванович Зубов

- Две рукописи Слепченского кодика XVI в.
из Македонии..... 60

Петер Женюх

- Современные полевые исследования литургического
языка словаков византийско-славянской традиции 70

Анна Генриховна Кречмер

- История славян в «Славяносербских хрониках»
Георгия Бранковича..... 77

Инна Вениаминовна Вернер

- Супин в чешских библейских переводах эпохи
национального возрождения (вторая половина XIX в.) 82

ЭТИМОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ**Жанна Жановна Варбот**

- К семантике и генетическим связям праслав.
*tem- / *tom- (на материале восточнославянской
диалектной лексики)..... 90

Михаил Николаевич Саенко

- Реконструкция семантики праслав. *кълкь 94

**Татьяна Владимировна Шалаева,
Пшемыслав Дембовяк**

Славяно-румынские лексические связи
в лингвогеографическом представлении 100

Ирина Александровна Седакова

О специфике ЛСГ «Бедность» и «Богатство»
в болгарских диалектах (на материале «Идеографического
диалектного словаря болгарского языка») 104

Дарья Юрьевна Вашенко

Словацкие наречия группы «часто»
на фоне венгерских по данным мер ассоциации 111

**Красимира Колева,
Десислава-Девора Атанасова**

От Найден-Геровия «Речникъ на българский
языкъ» (1895–1908) до «Идеографския диалектен речник
на българския език» (2012–2021): в търсене
на идиомите на народната памет и на приноса
на С. Б. Бернштейн за речниците на българския език 116

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ.
ПРОБЛЕМАТИКА АТЛАСОВ

Татьяна Ивановна Вендина

Размышления С. Б. Бернштейна по поводу
«Общеславянского лингвистического атласа» 128

Мотоки Номати

Эволюция взглядов С. Б. Бернштейна
на кашубский вопрос 135

Petra Přadková

Cesty české dialektologie 145

Ангелина Панчевска

Називите за ‘кукла’ во македонските дијалекти во поширок
словенски контекст (според материјалите на ОЛА) 152

Наталья Евгеньевна Ананьева

К вопросу о польских островных говорах 161

Людмила Львовна Фёдорова

Топонимы Резии и выражение пространственных отношений в резьянском языке 167

Катажина Кончевска

Диалектологические исследования в ареале со сложной социолингвистической ситуацией: специфика, методологические подходы, перспективы (по материалам современных экспедиций на польско-белорусском пограничье) 175

Мадина Михайловна Алексеева

Лемковский журнал «Ватра» как источник изучения социолингвистической ситуации и диалектных особенностей современных лемковских говоров 183

ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Danko Šipka

Cross-cultural anthropology in Slavic cultural linguistics 190

Войцех Мондры

История польского «Словаря славянских древностей» за четверть века с момента его создания 196

Мария Китанова

Българската етнолингвистична лексикография през новото хилядолетие 202

Анна Аркадьевна Плотникова

Карпатские параллели к балканским мотивам воздушной битвы 208

Ольга Владимировна Трефилова

Болгарская диалектология на службе этнолингвистики 213

Александра Игоревна Чиварзина

Цветобозначения в устойчивых сочетаниях со значением благопожелания и проклятия в некоторых балканских языках 225

Ксения Викторовна Осипова

Чай в языке и культуре Русского Севера 229

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Юрий Андреевич Лабынцев,
Лариса Леонидовна Щавинская**
Между Шкловом и Витебском: первое внутримперское
еврейско-русское литературно-издательское делание..... 236
- Татьяна Валерьевна Медведева**
Франтишек Иезбера в кругу русских славистов..... 242
- Анна Вячеславовна Амелина**
Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.:
периодика либерально-демократического крыла
(журнал «Розправы Авентина»)..... 250
- Эмилия Тарабурка**
Имплицитна и эксплицитна история в творчеството
на Йордан Радичков и Ион Друца 256
- Наталья Александровна Лунькова**
«Возродительный процесс» в судьбе и творчестве
Свилена Капсызова..... 262
- Ирина Евгеньевна Иванова**
Стилистическое своеобразие «Лексикона YU-мифологии» 270
- Надежда Николаевна Старикова**
Литература в контексте социально-политических
трансформаций конца XX в.: словенский опыт 276
- Александра Николаевна Красовец**
Вопросы транскультурности в романе Горана Войновича
«Джорджич возвращается» (2021) 283
- Мария Михайловна Громова**
Словенские народные сказки и легенды в переводах
на русский язык (с 1991 г. по настоящее время)..... 290
- Екатерина Викторовна Байдалова**
Литературное творчество В. К. Винниченко
как объект изучения 295
- Ольга Валерьевна Гусева**
Женский голос в современной польской поэзии..... 301

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в
пространстве Славии
(к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна):
материалы
Международной научной конференции**

Материалы
Международной научной конференции
12–14 октября 2021 г.

Ответственный редактор:
Е. С. Узенёва

Компьютерная верстка:
С. В. Родионова

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты: inslav@inslav.ru

Подписано в печать 29.12.2021
Формат 60×90 1/16
Гарнитура Century Schoolbook.
Бумага офсетная
Печать цифровая
Объем 19,5 печ. л.
Электронная книга